

КАСТРЮЛЯ И ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Альманах Доосов и Миражистов

Константин КЕДРОВ
Елена КАЦЮБА
Николай ЕРЁМИН
Владимир МОНАХОВ
Эдуард РУСАКОВ
Илья МАРСОВ
Маргарита АЛЬ
Павел ПОЛУЯН
Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ
Александр ЦЫБУЛЕВСКИЙ

Красноярск
«Литера-принт»
2017

ББК 84.Р6

«Кастрюля и Звезда, или Амфора нового смысла»: альманах миражистов и доосов – Красноярск: «Литера-принт», 2017. – 366 с.

Автор идеи, составитель и издатель
Николай Николаевич Ерёмин.

«Кастрюля и звезда – едины!»
Александр ЦЫБУЛЕВСКИЙ
«Метаметафора – амфора нового смысла»
Константин КЕДРОВ

Константину КЕДРОВУ - подарок
в честь 75-летнего Юбилея

АЛЬМАНАХ «КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА,
или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА»

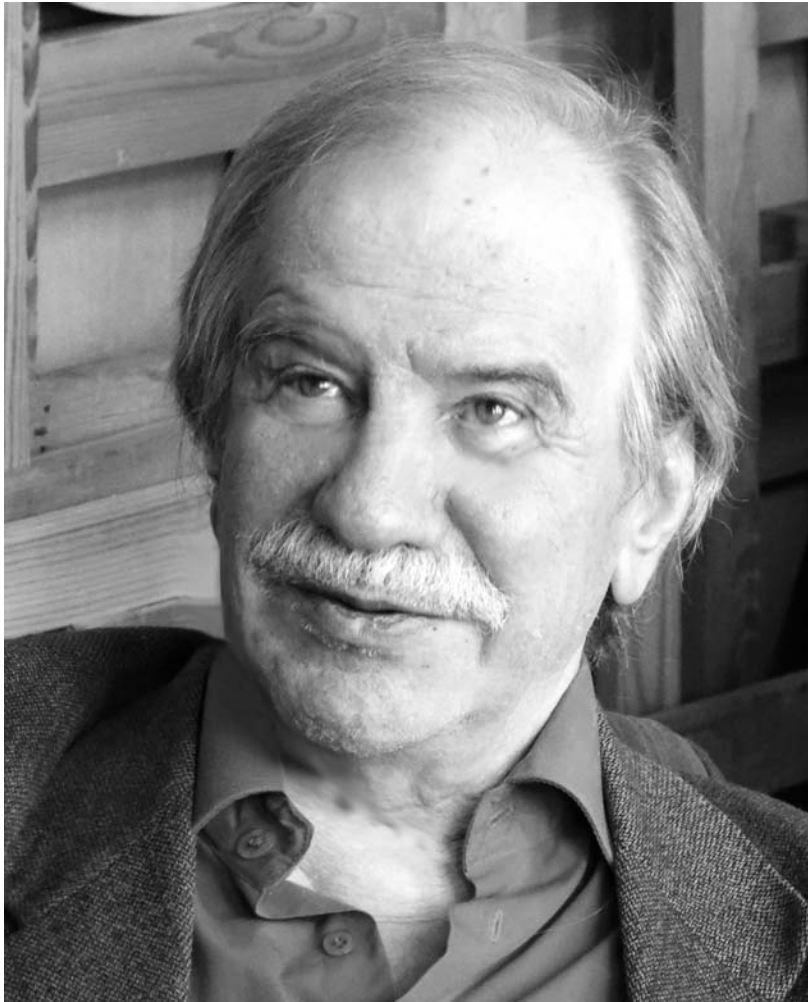
В оформлении использованы фрагменты фотографий из фотоальбома Елены Кацюбы и портала «Мой мир»
Альманах украшен кошками Кристины Зейтунян-Белоус

Сверстала книгу Марина Богданова

ISBN 978576-025-5

© Коллектив авторов

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

Небо женщин

Каждая женщина-небо
Мужчина в небе полёт
Нежится в облаконеге
Нежный автопилот

Сколько бы ни было тел
Я в них как в небе летел
Но изнутри и извне
Небо летало во мне

18 августа 2017

Запой

я душу никому не продаю
но я для вас как соловей пою
из горлышка запоем я не пью
но из горла запоем я пою

Пою пою пою оюп юоп
поёп поёп поёп поёп поёп
Пою взхлёб никто мне не указ
И в очереди не стою у ваших касс

Указ указ указ указ указ
У касс у касс у касс у касс у касс

..... Константин Кедров

До ваших касс мне никакого дела
Вей соло соловей осоловело

ныне и присно
солнцем из сугроба
из горл воскресну
как Христос из гроба

Запой запой запой запой
запой запой запой запой запой!

18 августа 2017

Всё мгновенное нетленное
мир как шарики в крови
мечутся во мне вселенные
умирая от любви

И в тебе ведь тоже мечутся
меч и чувство чувство меч
Лишь любовь моё отечество
миром можно пренебречь

Я склоняю и спрягаю
и собой пренебрегаю
Я в других мирах завис
перепутав верх и низ

Славься солнце внешнее
солце внутревнешнее
утренневечернее
сыновнодочернее

17 августа 2017

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Солнце в Солнце

От себя до себя долгий путь
Никогда нам его не пройти
Крикнет Гитлеру Гитлер-Капут
Джугашвили к себе не войти

Всех задержит всемирный Поскрёбышев
Не пропустит ни к Богу ни к чёрту
Вмиг утонешь в пыли как воробышек
И пришёл ты к себе как ушёл ты

Ведь умноженный на 100 Сократ
Не умнее Сократа стократ
А умноженный на 100 Христос
Не Христее Христа был бы в сто-с

Умножение в начале Креста
Не даёт умножение Христа
А Иуда делённый на Икс
Не смягчит обвинительный Иск

В чёрных дырах бездонных прорех
Есть на грех умножаемый грех
Если Игреком Икс не стренножить
То и Крест ни на что не умножить

Умножаемы ум не умнеет
Пламя в пламени не пламенеет
Тот кто любит всегда ненавидит
Солнце в солнце никто не увидит

В звуке звук как в стронции стронций
Да и этот стих - Солнце в Солнце

21 августа 2017

Хари Кришна Хари Рама-
Мировая голограмма
Эта странная программа
Хари Кришна Хари Рама
Хари Кришна Хари Рама
Хари Папа Хари Мама

13 августа 2017

Альбатрос

альбатрос над небом над морем
извлекает квадратный корень
он то в небо то в море канет
сам себя крылом извлекает
тельце тонет в бездне космической
извлекая корень кубический
он всем безднам в себе покорень
извлекая энмерный корень
всеми правилами парения
исчезая из поля зрения
он исчезнет полностью вскоре
море в небе и небо в море

15 августа 2017

От мира я не откажусь
И не улечу в миры иные
Пусть я невидимым кажусь
Пусть буду видимым отныне

И если стану я невидим
И тоньше воздуха бесплотен
Из мира нашего не выйду
Я в нём как лётчик в самолёте

Я в нём пилот без парашюта
Куда бы он ни залетел
Лечу не ведая маршрута
Средь плотных и бесплотных тел

8 августа 2017

Ну что ещё разок по чарке
чтобы исполнились желанья
Ну что открылись наши чакры
Продлись продлись очарованье

Все чакры нам открыл Чакрыгин
чтоб нам не дай бог умереть
Айда в бессмертие блиц-кригом
сквозь блиц-турниров крутоверть

Я в Шахматове был без шахмат
Где заигрались Блок и Белый
Где всем поставил шах и мат
Могущественный шах Ахмат
С Ахматовой во всех пределах

Мело мело по всей вселенной
Кто был на тигре кто на Ляле
Я помню чудное мгновенье
Но Гумилёва расстреляли

Блок коммунистов-беспартийных
Давно рокировался с Блоком
Во всех урочищах интимных
Пророк стал роком-рок пророком

Я в Шахматове не читал
Читали все а я молчал
Своё немое как мычанье
В дали дальнейшее молчанье

8 июля 2017

Порхают Ангелы незримо
От Херувима к Херувиму
Собой пылает Серафим
Но солнцем занят хлорофилл

Холодный лёд от солнца тает
И древо жизни прорастает
О да я видел это древо
Ствол и дупло-Адам и Ева

О эти сажены скаженные
Адам и Ева в них блаженные
И я в тебе всегда скаженный
Собор Василя Блаженный

12 августа 2017

Эпитафия Бетховену

Не знаю ты или я ль
Бетховен сыграл в рояль
Спокоен и хладнокровен
В рояле лежит Бетховен
Он был гениальным снобом
Рояль перепутал с гробом
В рояле музыке тесно
Музыка в нём воскресла

13 августа 2017

Себя ведь невозможно повторить
Поэтому приходится творить
Я каждый миг себя не повторяю
Из двери в двери космос отворяю
Мысль движется не ведая преград
Сквозь бесконечный ряд из Царских врат

9 августа 2017

В пустом рояле

Пусть нет меня в твоём пространстве тесном
Пространство есть во мне в котором ты и я
Живем в едином контуре телесном
Как в коже сброшенной живет ещё змея

Перешагнув весь свет оставя все маршруты
Замрешь в той точке где в игре в замри
Навек зависли в небе парашюты
Вися с парашютистами внутри

Ах да ещё про грусть которая исчезла
И без которой жизнь как опустевший плод
Как в яблоке пустом где сердцевины бездна
Мир самолет где бог-автопилот

Я свет забыл включить а может и не надо
Ведь некому отбросить даже тень
Останется без Лейбница монада
Как ночь без дня или без ночи день4

Ах да ещё про смерть она то уж надёжна
Она то уж а что она то уж

Когда сползает с тела кожа нежно
И выползет из оболочки уж

Наш тёплый сон останется в постеле
Под одеяльцем в райском шалаше
Как облако как еле душа в теле
Душа не в теле-тело не в душе

Кто тело кто душа все правила наруша
Мир рокируется и мы в прозрачной бездне
Давно в одно слились тела и души
Доска пуста-все шахматы исчезли

Как в той колоде где все карты биты
В пустом рояле гамму не сыграть
Все правила игры давно забыты
Ни выиграть нельзя ни проиграть

11 августа 2017

Жизнь без судьбы

Не правы вы жизнь вовсе не груба
Но мчится мчится как за зайцем гончая
Я думаю-когда закончилась судьба
Не жизнь а именно судьба закончилась

Жизнь без судьбы похожа на судьбу
Всё кончено-известно всё заранее
Всё кончилось но я ещё живу
Хотя уже давным-давно на грани я

За гранью я-а где была та грань
Скорей всего в моём далёком детстве
Когда в 53-ем сдох тиран
Оставив тиранию нам в наследство

А дальше правили страною полусталины
Они и ныне правят всем устало
Я знаю все мы от всего отставлены
И всем плевать на всё что с нами стало

Жизнь и судьба-да нет же-только жизнь
Жизнь без судьбы- такая наша участь
Вот кто-то за меня стихи сложил
Я записал спокойно их не мучась

Мы не планеты нет у нас орбит
Вычерчивает жизнь свои изгибы
А Боинг что над Украиной сбит
Не знает про свою судьбу и гибель

12 августа 2017

Ты мне нашептываешь в ушко
Твердишь назойливо упрямо
Что жизнь зеркальная ловушка
А космос только голограмма

А я в ответ тебе упрямо
Шепчу ответные глаголы
Ну что с того что голограмма
Ведь всё равно-оно ведь голо

12 августа 2017

Творись

Всё в этом мире беспредельно
И всё разрозненное цельно
Но жизнь и смерть всегда отдельно
И это правильно наверно

Вот космос он необозрим
Он создан за одно мгновенье
Но мы его на фото зрим
Зрим от момента сотворенья

Творись творись всегда вселенная
Единственная но мгновенная

12 августа 2017

Пом.. Нью

Давно о нас вселенная забыла
И мы её забвением заполним
Мы помним всё кроме того что было
А то что было мы уже не помним

Мгновеньем обгоняющим мгновенье
Я пом..ню пол...ню чудное забвенье

Мне с вами

Мне с вами интересно
Того гляди воскресну
Мне с вами интересно
И это всё к добру

Того гляди воскресну
Не прогляди - воскресну
Стремительно воскресну
Воскресну и умру

1 августа 2017

Моим стихам прорвавшимся как рана

Я никому не пригодился
И никому не ко двору
Я умер раньше чем родился
Ну словом весь я не ум.ру
нет.весь я не ум,ги
душа в заветном евро
Мой трах переживет
и вовремя сбежит
И долго буду действовать на нервы
Лолите Торес и Лилит Бриджит

Моим стихам прорвавшимся как рана
Что лишь Кручёных смог их оценить
в эпоху многоликого тирана
меня никто не может заменить

и долго буду тем я нелюбезен
что я ни перед кем не либезил
не либезил и этим был полезен
не либезил но всё преобразил

Метаметафора весь мир перевернула
Нет вывернула всех нас в мира млечность
Метаметафора всех вовремя вернула
Из бесконечности в другую бесконечность

Мне кажется порою что поэты
отведавшие анаграммы яд
навек уснули вечным сном Джульетты
а я остался как Ромео над

5 августа 2017

Ах сердце помолчи немного

Ах сердце помолчи немного
Душа такая недотрога
Всё это так но я дотронулся
И славно что умом не тронулся

Умом не тронулся на троне
Где я давным давно в короне
Живого Короля поэтов
Таких же как и я отпетых

О сколько раз нас отпевали
И трали-вали кошки драли
И на базаре продавали
И за пушнину выдавали

Пушнину Пушкина курчавую
В итоге тогу величавую
Конечно же ещё сандалии
Ну и так далее когдалие

Ах сердце помолчи немного
А то окаменеет тога
Впечатается в постамент
Живой поэта Тестамент

И расчленил на части Сет
Живого тела палимпсет
В стихе как деточки в Беслане я
И в каждой родинке Послание

26 июля 2017

Людвиг ван Беткоин

Я так спокоен так спокоен
Играет Людвиг Ван Беткоин
Я не уверен в написании
Сего священного писания

Я нотной грамоты не ведаю
Но плотно каждый день обедаю
Я на обеды Канта зван
А там Бетховен-тоже Ван

Пронизан музыкой до кванта
Бетховен кушает бельканто
Я знаете ли на обеде
Люблю послушать Монтеверди

А кстати кто такой беткоин
Я и не ведаю на кой он
На кой он-искренне не ведаю
Но с Кантом каждый день обедаю

4 августа 2017

Посюстороннее

Уже и те и те и эти
В потустороннем интернете
Но интернет потусторонний
фактически односторонний
А я снаружи и извне
всегда на этой стороне

3 августа 2017

Запретили меня втихоря

Запретили меня втихоря
Словно в тайном гнезде глухаря
Запретили меня запретили
Изначально за горло схватили

Четверть века за горло держали
И боялись и тайно дрожали
Четверть века копили доносы
Проводили тупые допросы

Была работа наизнос
Допрос-донос донос-допрос

Мол опасный я космополит
Мол метафорой всё запалит
Замполит замполит замполит
Запалит запалит запалит

В не себя в небеса внесебя
Запалил на костре лишь себя

Может кто-нибудь заметит
Озаряя высоту
Мой костер в тумане светит
Искры гаснут налету

31 июля 2017

Взахлёб

Отчего звезда горит нам
Горе ритмам горе ритмам
Отчего звезда горит
Горе ритмам горе ритм

В небе каждая звезда
Горячает как слеза
Вся соленая от слёз
Вся солёная до звёзд

Не дрожи вселенная
Внешневнутренняя
Вечным рифмаритмом
Небосвод горит нам

Я захлёбываюсь тобой
Я захлёбываюсь судьбой
Оглянись в небесную высь
И со мною мной захлебнись

1 августа 2017

В каждой строке

Возможно вы что-нибудь спросите
У этой белеющей проседи
И я вам отвечу седея
Что я не поэт я идея

О чем бы мы с вами ни грезили
Но эта идея — поэзия
Поэзия это не знание
А только любовь и признание

И я признаюсь признаюсь
Что в каждой строке остаюсь

2017

Окрыление

Все дорогою ценою куплено
Все пробуждаются засыпая
Бабочка вылетела из Куколки –
Куколка вылетела из Бабочки

Что же скажите с душой приключается
В сей ежедневной пожизненной сутолоке
Куколка вылетела из бабочки
Бабочка вылетела из куколки

Вечная жизнь никогда не кончается
Где ты сейчас моя милая мамочка
Что тут поделать уж так получается
Просто Душа окрылилась как Бабочка
31 июля 2017

Мыслечувство

Говорят что есть простые числа
За простые числа не берись
Иногда мне не хватает смысла
Чтобы выразить простую мысль

Иногда мне не хватает мысли
Чтобы выявить простейший смысл
Мысли на веревочке зависли
Или мозг в компьютере завис

От Москвы до самых до окраин
С южных гор до северных морей
Человек безмерен и бескраен
Даже в мысли собственной своей

Не сердитесь если этой чушью
Умная роится голова
Иногда нам не хватает чувства
Чтобы чувство превратить в слова

Я не знаю полностью очнусь ли
И рванусь ли в голубую высь
Это будет если мыслечувство
Превратится в сердце в чувствомысль
31 июля 2017

Скажи скаженная

Скажи скаженная
Зачем всё так случилось
Зачем душа с душою разлучилась
Душа с душой-а значит тело с телом
И разлетелось всё что было цело

Скажи скаженная скаженная скажи
Зачем души и тела миражи
Зачем скажи мы оба впали в раж
Я твой мираж и ты теперь мираж

Кусочки смальты как их ни сложи
Расколотого сердца витражи
Женщина-скаженница
Сердца обнаженница

31 июля 2016

Метаметафора - метафора Христа

Зачем то всем созвездьям вопреки
Я в этом мире всё-таки родился
И в городе стоящем у реки
Кому-нибудь я вряд ли пригодился

Я пригодился 20 лет спустя
Поэзии российской мировой
А ныне ныне всех за всё простя
Живу в Столице всё ещё живой

Метаметафору моё открытие
Уворовал литературный вор
Но затоптать не удалось событие
И время вынесло свой приговор

Есть меткод и есть метаметафора
Все остальное метасуета
Да будет навсегда метаанафема
Тем кто распял метафору Христа

Не удивляйтесь-эта мысль проста
Метаметафора - метафора Христа
Он подарил метаметафор Рай
А ты из них любую выбирай

29 июля 2017

Океаническое

Ты пойми что все созвучия
Возникают из беззвучия
Возникают возникают
И возможно в бездну канут

В этом нет ничьей вины
Всё идёт из глубины
Если мысль глубока
То она на века

Всё что в устье из уст
Глубина наших чувств
Если чувство глубокое
Откровенное до крови

Посреди авиалиний
Уловил Авалиани
Мы увиделись в метро
А метро всегда нутро

Вейся чувство на просторе
Необъятное как море
Ты в поэзии один
Исходящий из глубин

Чувствую как подо мной
Море дышит глубиной
Это только между нами
Каждый стих волна цунами

Каждый стих 9-й вал
Бездну бездной целовал
Белый лебедь Лоэнгрина
Целовало море Грина

Ладно гибель миновала
До смерти б зацеловало
По морям по волнам
Нынче здесь-завтра Там

..... Константин Кедров

Сколько душ в сетях просея
Вышвырнула Одисея
К Навсекае бездны из
Голый вышвырнут Улисс

Значит все твои глаголы
Как Улисс наги и голы
Все в поэзии голы
В сети как в ворота голы

Шторм валов девярых матч
Рёв и мат и рвота
Я лечу к тебе как мяч
Не в свои ворота

То ли я забыт забит
Толи я как гол забит
Гол! Гол! Гол! Гол!
гол гол гол гол

Ах ты голый алкоголик
голик голик голик голик
Дышишь моря акаголем
Голем Голем Голем Голик

В океане фонем
Ты мотаешься нем
Океан твоих чувств
Мелет всякую чушь

Мол бронхит и гастрит
Захлестнул Уолл-стрит
А поэт между скул
Уолл-стритских акул

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

К вам плывет кверху брюхом
Океан ему пухом

29 июля 2017

Ракушка

Нежность главное жизни свойство
Нежность это любви геройства
Кто не нежен тот и не нужен
Как пустышечка без жемчужины

Доставая со дна ракушку
Приложи её к сердца ушку
Пусть её солёная влага
Принесёт тебе много блага

Зреет в ней жемчужная нежность
И твоей любви неизбежность
Тот кто нежен в любви безбрежен
Тот кто нежен тот неизбежен

21 июля 2017

Венчание поэта с поэзией

Я полагаю полагаю
Что словом жить вам помогаю
А ежели не помогаю
То всё ж от зла уберегаю

Моя словесная защита
Она и музыка и щит вам
Она волшебное лекарство
И в государстве - государство

Она и щит вам и ограда
Она для пошлости преграда
Она от скуки исцеленье
Она волшебное явление

Поэзия не мастерство
Она любовь и волшебство
Она лечебник и учебник
Поэт учитель и волшебник

Конечно сам поэт болящий
Зато живой и настоящий
Он самый лучший в мире врач
Преображает в радость плач

Поверьте мне он не чужда
Когда он вместе с вами плачет
Его рыдание поётся
Он даже над собой смеётся

Такой смешной и уязвимый
Всех любящий всегда любимый
Он экстравертен интровертен
Но главное в словах бессмертен

Он чётки строк перебирает
В стихах поэт не умирает
Он в каждой строчке воскресает
Когда его другой читает

Читайте девушки поэтов
Отбросив множество предметов
Чтоб изнутри скорлупка треснула
И для любви душа воскреснула

Чтобы душа как шёлк Версачи
Окутала всей жизни плачи
Чтобы амурчики и эльфы
Несли волнующие шлейфы

Я душу вам свою дарю
И как невесту к алтарю
Веду поэзию к венцу
Как полагается творцу

21 июля
130 лет Давиду Бурлюку

Рассвет заката

Я в рассвет ухожу ухожу
И в закате себя нахожу
Но зато как прекрасен закат
А рассвет от заката откат

Не на каждый вопрос есть ответ
Музыкант это музыки Кант
Мы уходим в закат на рассвет
Мы уходим в рассвет на закат

Может прав я а может быть нет
Но сияет заката рассвет

18 июля 2017

Или он, или Ада, или Илион, или Илиада

В середине бинокля таится зверь
именуемый перспектива
В середине иглы
где бредет верблюд

пролегает пространство Трои
Севернее Тулуз-Лотрека
или южнее юга
в середине иглы где бредет верблюд
с караваном и бедуином
Уходя в пространство Тулуз-Лотрека
крестный ход расправил свои хоругви
в лабиринте юбок всех танцовщиц
Клоунесса Лю Ши Као
и танцовщик Валентин
только две стороны одного ушка
Валентин вибрирует
как железнодорожный мост
Лю Ши Као
плотает все поезда
Вслед за поездом в туннель уходит верблюд
хотя его горбы непролазны
Валентин пляшет на острие иглы
извивается сладострастно
В середине иглы беснуется крестный ход
ощетинясь хоругвями как ахейцы
идет на выход
и кланяется
Ахейцы бросив свои хоругви
обороняются у входа в Елену
Елена стоит на ступенях храма
Храм стоит на ступнях Елены
Белоснежный мрамор ее колен
осеняет пропорции всех колонн
Как коринфский ордер стоит Елена
вплетаясь в кудрявый мрамор
троянских храмов
Она иглу в руках держит
и вышивает троянскую битву

где Валентин танцует на стороне троянцев
а на стороне ахейцев
клоунесса Лю Ши Као
Уже из юбок ее выскакивает Троянский конь
набитый ахейцами и данайцами
Уже Валентин отмеривает тростью такт
погоняя троянцев
Но тут
игла упала из рук Елены
и рухнули стены
Внутри Елены беснуется битва
На двух горбах одного верблюда
стоят два города
Рим и Троя
Кто строит Трою
тот в Риме вымер
Кто был Парисом
тот стал Парижем
и Мулен Ружем
где Лю Ши Као
в ушке игольном
а в острие иглы Валентин

1993

Нуль Леонардо
Конь Леонардо
вылит из пустоты души Леонардо
он весит больше чем Леонардо
ибо пустота помножена на печаль Леонардо
склоненного над доской
где конь больше чем Леонардо
хотя он держит коня в руке
переставляя его за пределы света
в тьму Милана

или как Цезарь Борджиа
он хотел бы
он хотел бы быть тем конем
на площадях Рима
как гвельф или гибеллин
черный или белый
все равно
он
ДА-НЕТ
ДАНТЕ
Я бы продолжил эту игру
в качестве шута Леонардо
или в качестве коня Леонардо
или в качестве Леонардо
если бы минимум пустоты
не был максимум полноты
если бы объем умещался в теле
если бы действие Леонардо –
тела А
было равно противодействию коня –
тела Б
«А» Леонардо = «Б» коня
«А» ? «Б» = Леонардо на коне
Б / А = Леонардо внутри коня =
= поверженной Трое
ибо из пустоты выходят герои
дабы мечом творить пустоту
ибо мечи строят новую Троицу
из кирпичей мировой пустоты
Меч вырубает кирпич пустоты –
Гектор повержен
Меч вырубает колонны из света –
падает Менелай
Леонардо умножил битву на два пролета

пуская в действие арбалеты
Взлет – стрела летит над рядами
воздвигая контуры Нотр-Дама
губы шепчут – кульпа, меа кульпа
Леонардо вычертил катапульту
катапульты катапультирует Нобеля
Нобель
вычерчивает Чернобыль
Леонардо задумался о нуле
если нуль пуст
из чего состоит оболочка
Точка = нулю
Нуль не равняется точке
Преодолевая суровый рок
я отделяюсь от той доски
тенью шахматного коня
остается на ней тень от
фигуры
переносимой за борт
где лежит поверженный Вавилон
состоящий из груды тьмы
Леонардо переставляет фигуры
Фиг. 1
Фиг. 2
Фиг. ...
Черно-белый конь пускается вскачь
конь блед
и конь вороной
Шахматный конь
ускакал в огонь
опустела доска
в клетке где был конь
осталась тоска
рокировка тоски с доской

рокировка коня и огня
рокировка тоски со мной
рокировка со мной меня
В клетке
где был я
остался другой
в клетке где был другой
остаётся конь
Назовем черное цветом тьмы
Назовем белое цветом дня
Рокируем – останется рок и день
Рокируем – останется рок и тьма
Передвижение шахматной тьмы
подобно движению зубчатых передач
клетка ночи цепляется за клетку дня
так весь часовой механизм
пускается вскачь
Так белый конь преодолевает
черный барьер
Так черный конь преодолевает
белый карьер
арьергард
кавалергард
подставляет грудь
и бьет его картечь
разрывая на черно-белое
тело его белое
и душа его белая
на белом коне
уносится вскачь
оставляя
в доске
пробел.

1993 г Коктебель

Зверья

Поэма

Я хочу играть в свое Я с тобой
Если нет тебя
то меня здесь нет
я – привитый к тебе черенок-привой
я в разрезе срез
я в срезе разрез
чувство именуемое любовью
океан вливаемый в океан
я привет к тебе
как черенок к подвою
ты – стакан
не вмещающий океан
но и океан – только продолжение
того что переполняет краешки губ
каждое слово лишь порождение
от единого корня «ЛЮБ»
корень ЛЮБ
суффикс – ЭЛЬ
окончание – Ю
Ю – ЭЛЬ – ЛЮБ
ЭЛЬ – Ю – ЛЮБ
ЛЮБ – Ю – ЭЛЬ
я твоё Я
я твоё Ё
я твоё Ю
я твой Кедр
ты моя Ель
Эль Елена
Елена Эль
Ель Елена

Елена Ель
я не человек, любимая, нет
у меня есть тело, но я любовь
тело сплетено из твоих тенет
где улов –
любовь
а любовь
из волн
Сладкая волна – как девятый вал
захлестнуло горло и тянет в глубь
я успею только сказать «I love»
но ведь это тоже от корня ЛЮБ
Многоэтажный «Титаник»
из слов с корнем ЛЮБ
перерастает океан и тонет
в себе самом
Море –
любви тысячегорбый из волн верблюд
сам в себе несущий
знойный сладкий самум
Вот уже и нет никакого зла
ты и я
но это уже напалм
это поезд
летающий в речной вокзал
это пароход
плывущий в депо вдоль шпал
Потому что небо только кровать
где не уместится даже двоим
потому что нет края того ковра
самолета
на котором мы все летим
Иногда я думаю что Париж
был придуман

чтобы в нем жили
не мы а другие
да и рай был создан для того лишь
чтобы изгнать из него Адама
Я как строитель
строивший дом
не с фундамента
а прямо с крыши
не изгоняемый из рая Адам –
остаюсь в тебе как в Париже
Я наверное дирижер
для полета
автопилота
взмах –
перелет Москва – Париж
взмах –
перелет Москва – Рим
взмах –
и сам над собой летишь
как вертолет или херувим
Граница тел – соприкосновенье
я прикасаюсь к прикосновенью
я завидую своей тени
она сливается с твоей тенью
Быть может и сам я такая тень
Ангела влюбленного в твое лоно
Я привит к твоей наготы
Как коринфский аканф к колонне
Мне никогда нигде
не нужно
если я не с тобою
я привит к твоей наготы
как черенок к подвою
Мне все яснее

что я – не я
Мне все понятней что
Ян не Инь
Я не ты если
Инь не Ян
Ян не Инь
если я не ты
Потому что у чувства
есть волчий привкус
и оно не может отпустить тело
если тело – сгусток звериных чувств
то оно уже душа а не тело
Я устал посылать к тебе
этих радужных нежных птиц
я уже получил ответ
у свирепого ключа в сердце
я хочу сыграть в свое Я
в рокировке тел блиц
я хочу оказаться
в середине
тесного
солнца
В середине литавр
я хочу быть звук или ключ
Когда я ускользает голо
я изнеженный зверь
под названьем скрипичный ключ
извергающий ноты из
логова и глагола
Я отчаянный ключник
со связкой из звонких Я
открывающих двери в кущи
изваянье из Я
рык зверья

из рулад соловья
Тут поставить бы точку
но в этом
отчаянный риск
Точка –
только источник
в котором
утонет мир – Арарат
поэтому вместо точки
будет
звериный рык
потому что я рад
потому что я град
на вершине горы Арарат
где растет виноград
Торопись в свое логово
зверь
настигай свою суть
неизбежен финал
скаковой охоты
изливая свое Я
в нежногубое устье из уст
ты охотник и зверь
потому что ты зверь и охотник
Этот тигр саблезубый
берет меня
в нежную
дрожь
своей пасти
Или тысячерогий
сохатый
вознес
на рогах
и разнес

мои части
по чаше
Часть меня —
глаз Озириса
вырванный Сетом
фаллос бога
и главная часть —
твое сердце
Откупорив крышку рояля
звук
переполняет собой лазурь
так в горле моем этот крик возник
признания в том
что я
только зверь

Ли́ра За́ри Ли́ра За́ри
а — ли́ра — да́рила
и — ли́ра — ве́ра
а — ли́ра — та́ра
Ли́ра За́ри Ли́ра За́ри
и ли́ре ме́рили
но́ты то́н-

ЕЛЕНА КАЦЮБА

Погода лётная

Вертолёт
(анагриф)

ветер ревет
реет орел
веет веер
вертолёт

Бабочка

Бабочка утвердилась над океаном
одним крылом престол сотворив
другим – солнце закрыв.

Невесомость

НЕ ВЕСОМ ОС
определяется
НЕВЕСОМОСТЬ

Лестница

Две птицы,
соединенные крученым шнуром.
Три птицы,
соединенные медной цепочкой.
Четыре птицы,
соединенные шелковым платком.
И многие другие,
объединенные идеей лестницы
из воздушных квадратов.
Щебет, свист –
лестницы поют клювами вниз.
Морские рыбы вторят хоралу,
красный коралл
прорастает в сердцах,
кальций мерцает или
кремний на крыльях.
Лестница птиц видит лестницу снов –
птичий сфинкс.

Мир строился сверху вниз,
будто падая ниц
с лест-
ниц,
стра-
ниц,
рес-
ниц.

Так и мы опускались –
ледяными словами туманы творить,
изобретать ураганы, тайфуны, цунами.
Но зато мы придумали штиль –
океаны учить отраженью.
Но зато мы внедрили жесты в деревья,
а еще сочинили верблюда, жирафа,
утконоса, лемура, тапира
и муравьиного льва.

Но когда мы, наладив песчаные бури,
уснули смотреть в телескоп через камень,
лестница птиц развернулась над нами
и вознесла нас обратно на небо –
смеяться любить.

Геометрия полета

В каждой вещи круг или квадрат.
Угол квадрату брат,
а круг квадрату чужой,
он и сам себе чужой,
потому что звучит угловато,
а сам безугольный.
Квадрат – пожиратель углов и кругов,
он отец кубов
постаментов статуй,
вытаптывающих парки и станции,
пересеченные нетопырями
в остроугольном ультразвуковом полете.
А птицы крыльями знают круг –
в нем голубиный гурк.
Стая птиц,
умноженная на расстояние

от Нила до Волги –
от ила до воли,
образует угол утиный
и одну сторону угла –
живую линию лебединую.

Вересковый ветер

Вересковый ветер в оправе глазниц
в голову вмонтирован лунный диск
у балкона нет края
улетая – улетай
У меня был двойник – двойница
Нас путали те
кто нас не знали
Она в хрустальном мире безумья
Может быть меня больше любили?
Она стерильная или
святая

Вересковый ветер –
горький сухой язык
Льва-августа сквозь бойницы
Меня охраняли четыре Львицы

Кроме льва есть еще три зверя
Второй пишет книгу сухим пером
Третий рисует на стенах двери
Четвертый в три часа ночи любит
решать теоремы смертельных тайн
Вот это совсем не мои проблемы –
улетай!
Вереск
несет в себе К Р Е С

ветер дает ему Т
Вересковый ветер –
это воздушный КРЕСТ
Можешь – неси его
Хочешь – лети на нем
сам себе стая
Но улетаю – улетаю!

Голубь

Раздирает землю пернатый стон,
а небо – тоска нелетанья,
потому что в моем дыханье
голубь живет.
Выдох – его полет,
вдох – его возвращенье.
Я говорю: «Лети!» – и он взлетает.
Я кричу: «Вернись!» – и он падает вниз.
Отвергнут он миром птиц,
во мне гнездится.
Я бы его отпустила,
но как
с дыханьем своим проститься?
Распят он в моей груди,
клювом клонится к сердцу.
Я ему говорю: «Иди!»
Но почему-то мы вместе летим
в окно отверстое.
И мне не надо кричать: «Вернись!» –
пугливое заклинанье.
Уносит голубь меня в мир птиц
на моем дыханье.

Десант

Уже тяжелеют легкие,
леденеют ладони –
видишь,
в прозрачных погонах
резидент небесной разведки
на квадраты обстрела
делит лазурь стрекоза
libellula bella.
Огневые точки ее зрачки.
Стрела вертикали,
размах параллели,
летней метели
зуд и озноб.
Парашютистка,
ближе, чем близко,
спускается к сердцу,
разумна – безумна,
танцующий зуммер,
поцелуем в упор – прыжок!
Но улетела,
оставила тебя на произвол любви.
Каждое облако – благо,
если все небо – слепящий глаз.
Просьба?
Мольба?
Приказ!

Анагриф стрекозы

Майский жук

Майский жук,
ударяющий с лета в лоб,
влетающий в крону волос.
Настоящее дерево я,
шелестящее,
где живут жуки и звезды,
где птицы строят гнезда
и уже поет скворец.

Майский жук
шуршит в коробке спичечной,
словно крошка-репродуктор возле уха,
словно раковина морская,
только он еще летает
и жужжит

Дом летает
и жужжит,
сад летает
и жужжит.
Кверху лапками мелькая,
суетливо жук лежит.
В темноте окно зажжется,
лбом в стекло упрется
кто-то,
кто-то в трубку помолчит,
и в решеточку дыхания
сквозь окно заглянет май.
Мой
жужжащий телефон –
это лишь воспоминанье
о жуке,
что, улетаю,
никогда не обернется,
потому что жук не может,
обернувшись,
не упасть.

Этот смуглый,
этот серый,
и коричневый,
и спелый
ж-ж-ж-ж-жук.

Дятел

Соловьиною дробь выбивает в извилистых спинах,
где ведет короед караван к сердцевине.
Он за прахом охотник,
он летающий плотник,

сторож доски гробовой.
Он висит в гамаке своих крыльев,
в деревянную кровлю одетый.
Треугольник чердачный подземного дома
скрипит.
Деревянный хрусталик смолистого глаза,
головой запрокинут назад,
он ударит в глухую трубу!
Выбираясь из кроны худыми стволами,
протягивает себя лес –
разъятая флейта.

Жаворонок

Вестница высветила площадь и возвестила
но город ее отторг
она была слишком прозрачна
а в прозрачности есть доступность:
луны – в лунную ночь
солнца – в ясный день
ветра – в поле
святости – в монастыре

так и осталась она на площади
статуей с обрушенным затылком
и море из-за-выше горизонта
любопытствовало сквозь прорези глаз

Тот кто вооружил ее вестью
был жестоко оправдан и прекрасно наказан
ты до сих пор плывешь в его взгляде
лодкой или лестницей
или доверчивой дверью
или с экрана монитора терзаешь его память

Компьютер – он
но информация – она
Он проиграл тебе битву
твое сердцебиение – в битвах
любой информации
Это твоя весть –
о том
что даже ночью в городе среди ворон
может запеть
ж а в о р о н о к

Летний императив

Погружай
в шмелиные рукава руки
Окружай
кольчугой стрекоз торс
в мерцающей азбуке
жуж-зуж-вз-з-з
открывая-закрывая
двери-двери-двери
крыльями в-из в-из в-из
шелковый транс трав
Жук зеленого зренья ползет в закат
Фосфорный жук – смотреть ночь
Сумрачные соцветия
нецветные цветы –
вам вить-вить-вить веревки из аромата
вязать канаты
Западая на запах
зависая в движениях
качайся в душистых сетях
татуированный тенью
Пепельные призраки

бледные привиденья
открывают-закрывают двери-двери-двери
крыльями из-за из-за из-за
воздух владеют тайные знаки
Мы их изучим – закрой глаза!

Ночные летуны

(есть поверье, что ночные бабочки,
влетающие в окна, –
это души наших близких).

Летающие фотообъективы –
беспомощные дивы
в крахмальных рукавах –
трещат по стеклам,
упираясь в свет.
Неистовы, наивны
ночные микрофильмы,
где крупный план влезает в клетки кожи.
Наркотик правды и проектор лжи –
они пришли.
Мы принимаем их как телеизображение
от неизвестного излучения
Ночная дрессировщица жестока,
она истязает себя в потоке
света,
она проекция чего-то,
что мы должны понять
сейчас и непременно!
Еще одна ночная смена,
смеясь и смело
влетает к нам.
Что знает о полете кто не летает сам?

Горит и гаснет на экране глаз.
и любит нас.
но
не
находит
нас.

Регресс

Бабочка превратилась в гусеницу
обросла щетиной
множеством ножек
живет, жиреет,
жалуется, что обижают
утверждает даже
что прежде никогда не летала
и жует, жует, жует

Ожидание

Весь вечер летаешь по комнате
Видно, пол
сегодня тяжел
вот и летает бумажный змей
с нарисованными глазами
и завязали
память узелком
Ты дергаешься между полом и потолком
мечешься:
стена – стена – окно
А за окном
полупогасшие дома
разложены костяшками домино
Ты открываешь раму книгой гаданья

..... Елена Кацюба

читаешь по трещинам дождя –
ничего
кроме ожидания
там прочитывать нельзя
Снова бумажный шелест полета
мимо зеркала
книг
дверей
окон
Молчит телефонный кокон
нерожденной бабочкой спит звонок
стена – стена
пол – потолок
стена – стена
пол – потолок...

Птицы Канта

*У Иммануила Канта был маленький сад,
и каждую весну он с волнением ждал прилета птиц.
И если птицы задерживались, он говорил:
«Видимо, за Апенниннами еще холодно».*

Когда позвонки в спине отзываются звону капли
значит приходит время ждать птиц из-за Апеннин

Каждая птица в клюве несет гнездо
а в сердце компас который надо
непрерывно вложить в птенца
иначе ни один корабль не найдет своего причала
и самолет влетит совсем в не тот коридор
и каждый поезд войдя в туннель въедет на станцию Дно

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Конечно твой мощный ум может вычестить ничто из всего
и все умножив на ноль получить золотое число
но если в извилах мозга нет очертаний летящей стаи
то птица тебе – непереходный глагол «летать»

И если строгим карандашом ошибку перечеркнуть
останется сад ожиданий
где небо летает птиц

Приземление

Ископаемый сад
в сатурналиях угольной пляски
это ласточек стая
столетнего круга строка
эстакада пилета
слепого полета
спелый двигатель – сад
Град
дробит мостовую
гремящий асфальт
принимает слепую небесную рыбу –
молот света на мельницу прожекторов
Налипают песчинки
блестят пузырьки
ходят призраки к свету спиной
бродит ошупью в свете свет –
рас-
свет –
летающий сахар в стакане пустом.

* * *

Дождь смотрит на бабочку сквозь стекло
Бабочка смотрит сквозь дождь

Дождь никогда не забудет бабочку
Бабочка уже забыла дождь

Муха Баха
(циклодром)

Лебедь

1.
Глаз собирает солнце, словно линза,
звенит в ветвях невидимая лира,
в ручье дробится холодно и ломка
ладонь твоя, как маленькая лодка.

Невидимый сквозь листьев летний лепет
плывет огромный, слишком белый лебедь.
Глаза смежит короткий жаркий сон,
и бог сойдет на землю, окрылен.

2.

Глаз вызывает созвездие Лебеда из темноты
Звенит межзвездный зуммер: «Ты – ты – ты...»
В ручье ломая лучи,
ладонь – радар,
направленный вдаль
Невидимый днем ночью отчетлив,
плывет пылающей тенью
Затмит на миг – взрыв! –
и бог обводит светом весь контур тела

Платье

Надену платье зимних пчел
любимого цвета снежных туч
восковой дверью себя открою
пчелы шевелят тишину
собирают в шестиугольных сотах
шестиконечные снежинки
платье мною летит над полом
подолом пляшет
плещет рукавами
пчелы обнявшись плывут полонезом
змеится крыльев узор слюдяной
кусачим кружевом по воротнику

Пчелы сцепились кольчугой
соты звенят медью
мед закипает в сотах
платье плавится воском

дайте ключи от улья!
полночь ударила в двери
распласталось по полу платье
горький холодный мед ландышей
талый мед подснежников

шершень перстнем вцепился палец
жужжит черное золото

География осени

Падающий Китай ничему не подобен
Он щебечет: «Янцзы, Янцзы»
Он описывает своих красавиц только:
«Глаза ее ясные и широкие,
будто воды реки Хуанхэ осенью»
Осенью Китай облетает
желтыми листьями по всему свету
и где приземлится маленький Китай
сразу вынимает палочки для еды
и щебечет: «Янцзы, Янцзы»

Дети воздуха

Сухой осенний лес вздыхает в вышине –
пристанище существ летучего эфира.
Глаза их берегут в себе всю ласку мира,
и легче их полет, чем ласточки во сне.

Они смеются и
грустят одновременно,
их рассмешить легко, но грусть не разогнать.
Их легкие тела подобны мыльной пене,
что вздумала бы вдруг по воздуху летать.

Они капризны и
доверчивы, как дети,
а память их тверда, как бабочки крыло.
Они полны собой, переливаясь в свете,
и совершают зло, не ведая про зло.

Они со стороны глядят в чужие души
и любят струны тайн перебирать в тиши.
Но музыку их душ не можешь ты подслушать –
ты знаешь, нет у них ни сердца, ни души.

Правильнее сказать...

Алюминиевые линии лайнера легки
Всколыхнул самолет взлетную полосу
взял высоту с разлёта
лег на облака
Однажды над Пиренеями я увидела ангела на крыле
Правильнее сказать, поняла – на крыле ангел
Правильнее сказать, узнала ангела
хотя прежде его не видела
Неправда, что ангелы бесплотны
их плоть – энергия,
сгусток ветра –
если бы ветер дул внутри тебя
Снаружи он был невесом
а изнутри тяжелее луны
это был маленький ангел
«Турбулентность», – сказала стюардесса
перепуганному пассажиру
через проход от меня
Я обернулась
и в глазах его увидела улетающего ангела

Ангел улыбался
Правильнее сказать, улыбка улетала ангелом
или ангел улетал улыбкой
молниевый шар молча смеялся
Правильнее сказать, все так и было
но я ничего этого не помню

Антология меда

А есть ли пол у пчел?
Пчела всего лишь соединяет
растительных Ромео и Джульетту.
Так был архангел Гавриил
носителем пыльцы небесной.
Пчела – учитель липы золотой,
наставница невинности медовой.
Она жужжит свою благую весть.
Ребенок липы в шестигранных яслях
размножен,
он в восковых пеленках созревает,
и все дары волхвов крылатых
с ним от рождения:
и золото, и аромат, и сладость.
В нем утонул безжалостный Египет,
свой желтый глаз сомкнув в остекленевшем
песке,
уснувший в сотах
своих себя хранилищ – пирамид,
где сфинкс – пчела,
и все его загадки –
всего лишь мед столетий,
не для ума,
для губ и языка.

Птица Лермонтов (анагриф)

одно крыло – любовь
другое крыло – война

Летом темно, томно, тело – тремоло волн Новое лоно – тонем! Вето моветон Море тоном нот мерно в мол лом В молве не волен, лов ветр ртом	Л е р м о н т о в	Ворот ветром рвет, орел Ермолов – молот Ров тел – трон ворон. Тлен, мор Отмолен – отмело, воет ртов ор То монет во т(ь)ме вор
--	--	--

* * *

Когда американец Эдгар Митчелл ступил на Луну,
он почувствовал, что вся Вселенная стала частью него.

Когда на Луну ступит русский космонавт,
его встретит девушка с коромыслом
и даст напиться свежей лунной воды
из серебряного ведра.

Когда на Луну прилетят китайцы,
они увидят огромное персиковое дерево,
которое сторожит лунный заяц.
Он запрыгает от радости
и отдаст космонавтам все плоды бессмертия.

..... Елена Кацюба

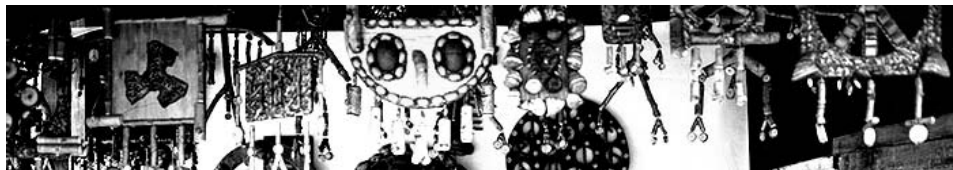
* * *

Если мольба не молотьба словесная,
если просьба не просо,
просыпанное впопыхах,
значит слово разломится в середине
на два крыла
и взлетит выше неба,
не запутавшись в облаках.
Выше спутников, выше космической станции,
где спиральная галактика
маскирует ворота в рай,
слово найдет в заборе ангельскую лазейку
и окунет раскаленные крылья
в реку воды живой.
И поднимут его ладони светлее света,
тихим смехом окутает голос,
недоступный земному слуху,
и если в середине слова
пульсирует сердце,
то все исполнится по этому слову.
А слово вернется на землю птицей-вестницей,
крылья радужные сложив,
ведь каждая птица
ангелам немного родственница,
и не важно, кто она —
лебедь, угод или чиж.

НИКОЛАЙ ЕРЁМИН

КЕДРОВИАНА

поэма

ВСТРЕЧА С КОНСТАНТИНОМ КЕДРОВЫМ
И ЕЛЕНОЙ КАЦЮБОЙ В 1991-м году

Я шёл
По улице Воровского,
По направлению ЦДЭЛА...
От кайфа
Лёгкого Московского
Моя душа о чём-то пела:
Та-ра-та-та...
Ту-ру-ту-ту...
И устремлялась в высоту...
А из писательского клуба,
Навстречу мне,
О, Боже мой! –
Шли рядом Кедров и Кацюба...
Да нет! –
Летели над землёй...
Крылом к крылу –
Та-ра-ту-ту...
И мы столкнулись на лету...
И, взяв перо,
Под шелест крыл,
Мне Кедров книжку подарил.
А перед этим надписал.

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

«УТВЕРЖДЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ
Николаю Ерёмину с благодарностью
за интерес к моему творчеству.
20 октября 1991 г. Кедр»

Я много лет её читал...
И перечитываю вновь,
Поскольку будоражит кровь...
Вся - от листа и до листа -
Она - и память, и мечта...

ПОД НОВЫМ ПСЕВДОНИМОМ

На Первом всемирном Дне поэзии ЮНЕСКО
Андрей Вознесенский
Сказал залу:
«У каждого времени
Есть свой орган поэзии.
Когда-то это был Есенин.
Сегодня орган поэзии – Константин Кедров.»
Все верно,
Подумал я,
И этот Орган – оргАн!

ПОЭЗИЯ в ХХI веке

В журналах толстых –
Толстые поэты
С рифмованною прозой, как обычно...
Поэзия ж уходит в интернеты –
Космична и
Метаметафорична...
В журнал ПОэтов...
Чтоб в ДООСском клубе
Быть к Кедрову поближе и к Кацюбе...

* * *

В самолёте
Москва – Красноярск,
На высоте 10 тысяч метров
Я читал «Журнал ПОэтов»,
Расшатывая стереотипы своего мышления
Стихами и статьями замечательных
нестандартных мэтров и мэтресс...
И, испытывая вдохновенный поэтический
стресс,
Чувствовал себя безразмерным мостом,
Который никогда не пойдёт на слом...
А в иллюминаторы
Заглядывали звёзды
И декабрьский полумесяц...
И летела за мною
Мета-комета Константина Кедрова,
Удивляя своим вечным и бесконечным
метаметафорическим хвостом...

Партитура:
«Свершилось чего жизнь хотела
Теперь для памяти запиши:
Душа не знает о смерти тела
А тело – о бессмертии души»
Константин Кедров

Никто
Ничего не знает:
Ни Кедров, ни Кант, ни Сократ...
А жизнь и смерть –
Пропцвечают!
И этому я очень рад...
Ведь в чём мой успех?
Как на грех,
Не знающий я - больше всех!

Аксиома:
«без Я вселенная не Явна
Без НАС вселенная не Ясна»
Елена Кацюба

Максиома:
- Да, с нами лишь она прекрасна!
Хотя бывает и ненастна...

СУДЬБА

«Золотые буквы планет пишут в небе нашу
судьбу»

Константин Кедров

Вчера серебряные буквы
Я в книге Космоса
Прочёл...
И понял я, что все мы – куклы...

..... Николай Ерёмин

Что брошены на произвол
Судьбы бессмысленной своей...
Тем - путь короче...
Тем – длинней...
Увы, с рожденья каждый год
Червонным золотом забот
Душой и телом платим ей...
Пока всем кажется: вот-вот
Про нас вдруг вспомнит
Кукловод...
И пожалеет, и спасёт...

КЕДРОМАЙ

«я месяц я семя»
Константин Кедров
«Я и ты – бог, эго бытия».
Елена Кацюба

Наступил кедромай...
Я гуляю в кедровом бору...
Белки
Прыгают с веток на плечи
- Вай-вай!-
Я их бережно в руки беру...
И они не боятся,
Стихи мне по очереди читают –
Из поэтесс Елену Кацюбу,
А из поэтов Константина Кедрова предпочитают...
И прыг-прыг,
Кедроманки,
Убегают по иглам в свой дом,
В кедровую благодать...
И кричу я им вслед:
- Где вас можно найти опять? –

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

А они смеются:
- Нигде кроме,
Как в палиндроме! –
До чего ж хорошо поутру
Прогуляться в кедровом бору!

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ПОЭЗИИ

«Я играю на Кедровой скрипке
Вся кедровая – струны из жил»
Константин Кедров

Всё выше
Кедров
С каждым днём!
Стихи –
Как шишечки
На нём...
А рядом –
Девушка
С ведром...
В ведре –
Огромный
Палиндром...
Уж не Елена ли
Кацюба?
Они выходят
Из Пен-клуба -
Журнал ПОэтов
И ДООС -
В сопровождении
Стрекоз...
Им День Поэзии
Принёс,
Ах, миллион

Цветущих роз...
Там пир
Был, право,
На весь мир...
Пел Вознесенский...
Пел Сапгир...
И, душу вывернув,
С изнанки
Там пел Любимов
На Таганке...
И Холин с Парщиковым
Пели...
И выпивали,
В самом деле...
Там пели все,
Стихи ценя...
Ах, только не было
Меня...
Поскольку был
В Сибири я,
В кедровом
Сказочном бору...
И посредине бытия
Стоял,
Качаясь на ветру...
И шишки падали
С ветвей, -
И вне,
И в голове моей...

Я и ТЫ

«Не знаю, что со мной»
Константин Кедров

- Я не знаю, что со мной.
Но я знаю, кто со мной.
Ты, любимая моя!
Ты, хорошая моя!
Ты со мною - ночь и день,
Ты со мною круглый год...
Ты - моя дневная тень,
Свет среди ночных невзгод, -
То небесный, то земной...

.....
Ты лишь
Знаешь,
Что со мной!

ЦВЕТЫ

«Цветы мне говорят: – Прощай!»
Сергей Есенин.

«В Китае есть обычай любоваться цветами»
Константин Кедров

Хочу в Китай!
Цветами любоваться...
Мечта, взлетай,
Чтоб там
Метаметаться -
В цветах,
Среди порхающих
Стрекоз,
Рифмующих
и ДАО,

и ДООС...
Пока на ужин
(Хочешь жить – мечтай!)
Рифмую я опять:
Китай -
Минтай...
И – без цветов –
Во сне и наяву –
Вновь жизнью необычною живу...

«Под мраморным небом» №4(66) 2015

«Вышли мы все из наркоза
Дети страны ножевой
Но осыпаются розы
Куст остается живой»
Константин Кедров

Вышел нарком из наркоза,
После, увы, передоза,
Всем, кто вокруг, - на беду...
Ножик заточен был остро...
Розы – поэзия, проза –
Благоухали в саду...
Все они –
Память свежа –
Не избежали ножа...
В зоне,
Где высохший сад,
А за одной из оград,
Вновь
К передозу влеком,
Служит, увы, военком...

ЭПИГРАФ

к «Журналу ПОэтов» Константина Кедрова
«ЖУКОВСКИЙ» № 10, 2013 г.

«При мысли великой, что я человек...»
В.А. Жуковский

Не знаю,
Кто кому был жук,
Когда дружил Жуковский,
Но знаю:
Кедров – есть наш друг
Как Доктор философский.
Всех книжных знает он жуков,
Воскресших из глубин веков...
Ура, ДООСЫ,
Шире круг!
Таковский ли, сяковский,
Степанов – жук,
Ерёмин – жук,
Но главный жук – Жуковский...
И короедам любо,
Что любит всех Кацюба,
Что скоро может -
Нам под стать -
Жуковский
Кацюбинским стать!

РЕСТАВРАЦИЯ

«Поэт с комсомольским задором
Гневно меня клеймил»
Константин Кедров

Нет, увы, не отмерцало
Нашей юности зеркало...
Из него, - Привет, молва! -
Вновь глядит, во всём права

И гневливо не нова,
Комсомола голова ...
И священник-пионер
Нам опять во всём пример...
И воюет Украина
«Маво сердца половина»
День и ночь - сама с собой...
И звучит призыв на бой,
Чтоб не петь, а отпевать
Всех загубленных опять...
Тут и там из года в год
Реставрация идёт...
А в зеркале - стар, речист -
Капиталлокоммунист

БЫЛО НЕ БЫЛО

«Поэт не сдал "Научный коммунизм"
Константин Кедров

А был ли он —
«Научный коммунизм»?
Был коммунизм, увы, псевдонаучный.
И ложью столько он людей замучил,
Что восторжествовал
Идиотизм...
Который по России
Полыхает,
Покуда Карл и Фридрих отдыхают...

ЛАБИРИНТ

«В сирийской пустыне мёртвых
Где раструбчатые колонны стоят
как пустые соты»
Константин Кедров

Беда, мой друг!
Беда - и там, и тут:
Все лабиринты в Сирию ведут...
Где нас порвать готов —
Такой кошмар! -
У выхода бессмертный Минотавр...
Пора, мой друг!
Пора пуститься вспять,
К табличке «вход», где мир и благодать...
Нам,
Если всё прикинуть по уму,
«Пустыня мёртвых» вовсе ни к чему...

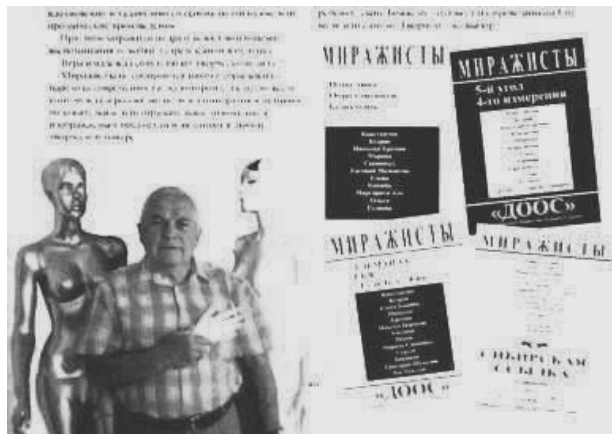
КАРИАТИДА

«Я однажды видел
Кариатиду
Унесли»
Константин Кедров

Было дело:
Среди забот
Рухнул мраморный небосвод...
Не дыша,
Преломилось тело —
И душа
В небеса улетела...
Чтоб на землю
Вернуться вспять —

..... Николай Ерёмин

Ах, - и Кариатидой стать...
И поддерживать небосвод,
Вновь готовый рухнуть
Вот-вот...

В КОНЦЕ КОНЦОВ

«Рык страсти...
Крик страха...
Оргия игр...
Ор, мор, морг»
Елена Кацюба

Пока царим,
В душе – восторг...
И всё ж, в конце концов,
Дорога в Рим
Приводит в морг,
В обитель мертвецов...
В России – мор:
За гриппом грипп...
Но где же - ор?
Народ охрип...
Безмолвствует...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Ведёт дорога
В Рим
Всех, увы, кто ищет Бога...

Ки-но-ки-но-ки-но-ки-но...

«Всё это было и в последний час
Всё это будет потому что есть»
Константин КЕДРОВ

Всё это было,
Было и прошло...
Какое на дворе, мой друг, число?

17? 27?

Ах,
Трын-трава...
Ха...
71... 72...

Вот - наш задор,
Вот – наш кураж,
Вот - старый двор
Московский наш...
Откуда все плывут среди огней -
По Яузе и Волге – в мир теней...
Это было давно и неправда,
Как в ки-но... Как в ки-но... Как в ки-но...
Но -
Всё равно -
Сердце радо!
Нет, не радо, не надо, не надо...
Но...но...но...
...Но мы стоим, хотя и на мели.

А по реке –
Буль-буль –
Плывут нули...
Спасательные – вечности – круги...
И что им все друзья и все враги...

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА

72=27 ДИФИРАМБ
КОНСТАНТИНУ КЕДРОВУ,
моему любимому поэту, которому 12 ноября
исполняется 72 года.

Стремительно летят года...
Туда-сюда – и свет, и темь...
Я встретил Кедрова, когда
Поэту было 27...
Тверской бульвар. Летящий шаг.
Как Фигаро – и там, и тут...
Улыбка. Замшевый пиджак.
Литературный институт.
Любимый всеми аспирант.
Но главное – любимец муз –
Студентам и преподам рад,
Он украшал богемный вуз...
И вот, судьбу благодаря,
В стране, где все - на одного –
Из ледяного ноября
Вновь поздравляю я его...
О, брат мой старший, Константин!
Ты - как метаметафорист -
На Космос весь – такой – один,
Поющий в хоре звёзд солист...

Проживший каждый год за два
И вывернувший их в слова...
Где – ах! - 72 в эфире
Звучат как 144...
От всех поэтов-докторов
Прошу: твори и будь здоров!

Ноябрь 2014 г.

ПОД ДРУЖЕСКИМ КОНВОЕМ

«Под дружеским конвоем»
Константин Кедров

Мы жили все
«Под дружеским конвоем»
Переодетых в штатское бойцов...
И Соловецким пеньем,
Волчьим воем,
Заканчивали путь, в конце концов...
Ах, только соловьём запел поэт,
Шаг влево или вправо
И – привет...

«- тоска по свободе...»
Константин Кедров
Из журнала ПОэтов №7-8, 2014 г.
«ПАРУС ПОЭТА»

Мы все плывём
Под парусом –
Космическим – одним...
Кто – трезвый,
Кто – под градусом ...

..... Николай Ерёмин

Кто Дьяволом, (Всяк – сам с усам)
Кто Господом храним...

«- из наивных маленьких ангелов
вырастают печальные демоны»
Елена Кацюба

Я знаю,
Зачем я не птица...
Мне птицею быть не годится...
О, в масках знакомые лица...
Козёл, и осёл, и ослица...
Любимая мною столица
Пчёл, бабочек, ос и стрекоз...
Ах, кто я?
Хороший вопрос!
Среди палиндромной молвы -
И ангел и демон, увы...

ИЛИ? ИЛИ!

«ИЛИ»
Константин Кедров

Снова Гамлет:
- Быть или не быть?-
Будоражит всех, скажи на милость...

Справедливость
Не восстановить,
Если тут и там – несправедливость.
Вечную проблему –
«Или-или»
Каждый сам решает человек.
Умереть –
Чтоб тут же

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Позабыли...
Или –
Тут же –
Вспомнили навек...

**КЕДРОВ, ХЛЕБНИКОВ И ЛОРКА -
ПАМЯТНИК ВСЕМУ**

«Беспамятство-лучший памятник
всему что забыто»
Константин КЕДРОВ

Кто впал в беспамятство –
Тот счастлив...
А тот, кто выпал из него,
Тот распадается
На части...
В борьбе, где все – на одного,
Увы, то памятники сносят,
То вновь возносят в высоту...
Нет, в пустоту...
Где есть не просят,
Забыв и память, и мечту...
Мой друг
Взошёл на пьедестал –
И грустным памятником стал...
А я по кладбищу гуляю –
Как будто клад ищу –
Гадаю:
Где он?
И почему зарыт?
И засекречен, и забыт...
А надо мною –
Мама мия!

Бессмертия некрофилия...
И я по кладбищу гуляю,
В окаменевшее
Гляжу...
И ничего
Не понимаю,
Когда знакомых нахожу...
Зачем они со мною жили?
Зачем друг друга
Позабыли?
Зачем любили...били...били...
И разлюбили...били...били...
И доживая, жили-были...
Или не жили?
- Или!
- Или...

БЕЗ БЕРЕГОВ

«Есть одни горизонты
и нет никаких берегов»
Константин Кедров

Я смог пространство покорить,
Понять, что истинно
И ложно...
Однако
Время повторить
Мне было просто невозможно...

ХОР

«...не дадим умереть...»
Константин Кедров

Все актёры, которые ввали
В кинофильмах и в жизни, увы,
Все давно уже поумирали –
Но живут в анекдотах молвы...
Под прикрытием громких имён,
Как правдивые тени времён...
И фактически не разберёшь,
Где - сновидная правда, где - ложь...
И опять я смотрю в небеса,
И опять слышу я голоса:
- Мы тебе обещаем, что впредь
Никому не дадим умереть!
И тебе не дадим... Не дадим...
Вечной жизнью тебя наградим...

* * *

А в это время
В редакции «Журнала ПОэтов»
Директор О!О!О!
Волшебник и маг
Эльмар Гусейнов
Поздравлял поэтов ДООСА
Константина Кедрова, Елену Кацюбу
И примкнувшего к ним Николая Ерёмину
Со званием лауреатов «Золотого Бумеранга» -
1-го, 2-го и 3-го ранга...
И по радио «Эхо планеты»
Звучала песня:
- Прекрасное далёко,

..... Николай Ерёмин

Не будь ко мне жестоко...
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь!
От чистого истока
Мы продолжаем путь...

ИДЕЯ ФИКС

«Вознесенский икс несен зов»
Константин Кедров

Вознесенский Икс
+ Кедров Игрек
+ Ерёмин Зет
Идея фикс
 $X + Y + Z = (\text{Знак бесконечности}) + -Z + --Y + ---X$

* * *

О, жизнь моя
Мгновенная -
Года умалишённые...
Поэзия –
Нетленная,
Стихи незавершённые...
О, Солнце и Луна...
О, «Бездна,
Звезд полна...»

СКАЗОЧНЫЕ СТРАСТИ

КОНСТАНТИНУ КЕДРОВУ,
Лауреату премий «ВЫСЬ» и «ДОМИНАНТА»

У Кедрова -
За высью – высь,
За доминантой – доминанта...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Ах, век живи и век учись!..
...И он меня учил
Когда-то...
Два раза в год -
То там, то тут:
Сибирь – Москва ... Литинститут.
Дом 25, Тверской Бульвар...
У Кедрова –
Спецсеминар
«Ахматова и Гумилёв»
Стихи,
Стихи, без лишних слов...
В них – воплощение таланта,
Высь космоса
И доминанта...
И мы - восторженно-легки,
Случайные
Ученики,
То лаконичны, то речисты,
Его
Метаметафористы...
Недаром,
На язык остра,
У Константина есть сестра...
И я,
Его успехам рад,
Теперь ему – как младший брат...
И где-то льётся нам медаль:
«За глубиной – глубь»
«За далью – даль»

* * *

«Заинька
Кисанька
Боженька»
Константин Кедров
из журнала ПОэтов №8, 2013
«МОРЕ – СМЕЯЛОСЬ...»

Всё просто.
Всё обыкновенно.
Бог–Сын,
Бог–Дух
И Бог–Отец,
Иду –
Мне Вена
По колена...
Венеция -
Не мой венец...

* * *

«Ждём мы любви и ласки»
Кира Сапгир
«Мы сходимся, любезно тараторя...»
Кирилл Ковальджи

Если
Был бы я Кирилл,
Я бы Киру покори́л!
Подарил бы ей коралл
И всю ночь бы с ней
Ки́рял...
И,
Купив две пары крыл,
Вместе с Кирой воспарил -

Там,
Где небо высоко...
Там,
Где море глубоко...
А потом бы – стар, устал -
Вместе с ней
Сапгиром стал!

* * *

«Батискаф золотой всплывает со дна»
«На земле – море Любви»
Елена Кацюба

Батя
Подарил мне батискаф
И сказал:
- Теперь ты – Новый Ной! -
И,
Себе подругу отыскав,
Я поплыл над грешною землёй...
И плывём мы по морю любви -
Пенится шампанское в крови...
И уже не знаем, сколько лет,
Ждём потопа –
А его всё нет...

ЛИРА ЛЮБВИ

Эпиграф:
«Люди буквы любви»
Константин Кедров

* * *

В сердце – лира
Любви и веры...
Чувство мира,

И чувство меры...
Жаль,
В глазах у моей жены –
Искры ненависти и войны...
А в словах –
Ишь, опять раздрай:
- Ну, чего ты молчишь?
Играй!

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ АКАПЕЛЛА

Эпиграф:
Человек человеку - Чук
Человек человеку - Гек
Человек человеку - чик...
Человек человеку - чек
Константин Кедров

Аква пела
Акапелла...
Терра пела
Акапелла...
Так, что я
От вешних дел
Окосел
И обалдел...
И запел:
- О, нет милей
Акапеллочки
Моей...

ВЗАИМНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ

«...Адам стремится к Еве – Ева к Адаму...»
Константин Кедров

За границу стремится Россия,
Там когда-то
Родился Мессия...
Заграница ж
К России стремится,
Но закрыта России граница...
Так,
Что здесь ни родиться Чудак,
Ни воскреснуть не может - никак...
Здесь Его могут только распять...
Да не раз, и не два...
А раз пять...

ЭПОХА

«Он увёл за собой всю эпоху
Тяжело нам она далась
Всем и каждому отдалась»
Константин Кедров

Эпоха была - проституткой
В законе –
Циничной и жуткой...
Под маской - увы - срам и стыд...
А над -
Целомудренный вид -
Для тех, с кем она заодно
Снимала
И гнала кино:
Гоморра, увы,

..... Николай Ерёмин

И Содом...
Кровавый, увы, Волго-Дон...
Свинарка, увы,
И пастух -
Для всех, кто не слеп и не глух -

СУТЬSOSКОРОСТЬЮ МЫСЛИ

«Нас изгнали...»
Константин Кедров
12 января 2016

Все поэты - суть изгнанники...
Ходоки, бродяги, странники –
Из одной страны в другую...
Вот и я – живу, тоскую
Здесь, где горе и беда...
А вернуться некуда...

ПРОСЬБА

Стихозавру ДООСА
Константину Александровичу КЕДРОВУ
От Никозавра Николая Николаевича ЕРЁМИНА

Посвяти меня в ДООС!
А не то в кругу стрекоз
Посреди цветущих роз
Я останусь без волос...
Я охранником родился
И стрекозам пригодился –
Я хранил стрекоз от ран,
Помещая их в спесхран...
Если б Хлебников жив был,
То во имя всех стрекоз,

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Демонстрируя пыл крыл,
Он в ДООС меня вознёс...
Купина, и терн, и лавр -
В шелесте весенних струй...
Стихозавр и стрекозавр,
За меня проголосуй!
Слышу звон стихов и проз...
О, святитель Константин,
Посвяти меня в ДООС!
Я ему необходим...

ТРИПТИХ

Константину КЕДРОВУ,
стихозавру «Добровольного Общества
Охраны Стрекоз»
и стихозавру в кубе Елене КАЦЮБЕ

«Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?»
Осип Мандельштам

1. Ночь.

Бессонница. ДООС. Елена. Константин.
Журнал ПОэтов я прочёл до половины.
Как хороши стрекоз иные палестины!
Как хорошо, что я сегодня не один!

2. Время и пространство

Звёзды,
мерца,
нависли...
Ночь – удивительный вид.

..... Николай Ерёмин

Время со скоростью мысли,
Свет обгоняя, летит...
И замирает пространство
В поисках постоянства...

3. Заявление

Прошу принять меня в колхоз
«ДООС» - охранником стрекоз!
Прошусь по доброй воле,
Не откажите Коле!

Эгоцентавр Николай Ерёмин
г Красноярск 1 июля 2011

КЕДР

Кедр сибирский
Вывезен в Китай...
Кедр ливанский
Завезён в Сибирь...
Не тужи, поэт, живи, мечтай...
У тебя в душе такая ширь,
Что,
Превозмогая боль и грех,
В ней кедровый
Прорастёт орех!

31 -1- 13

* * *

Кедров – первичен.
Кацюба – первична.
Всё остальное – проблематично...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

ОТ И ДО

«Константин Кедров – истинный соловей»
Семён Гурарий

От До-минора
К До-мажору,
Душа стремится, до упору...
И всё-таки
Предела нет
Тому, что нам поёт поэт,
Как соло-вей среди дубрав...
Координатор – гуру –
прав!

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ

«Теперь я знаю
Псевдоним и имя судьбы»
Константин Кедров

Псевдонимы:
Семён Гурарий
И Вадим Перельмутер.
А имя -
Женского рода -
Его я сохраняю в тайне.

ДОЖДЬ

«- Осторожно иди,
Когда дождь идёт!»
Елена Кацюба

Я
Люблю стоять,
Если дождь идёт...
.....

..... Николай Ерёмин

Ощущая,
Что опять
Посреди земных забот
Льнёт ко мне
Дождинка
Сердца половинка...

Дифирамб Константину Кедрову,
записанный на обложке Журнала ПОэтов № 9, 2012 г.

МЕТА-КЕДР

Тропою Минотавра
Я шёл среди невзгод,
Вводя в метаметафору
Вселенский метакод
И Ариадны нить
Пытаясь сохранить...
И вышел вдруг на свет
Среди московских гроз,
Где спас меня ПОэт,
Охранник всех стрекоз,
И указал: - Лети
По Млечному пути!-
И я, как Стрекозавр,
Лечу сквозь звёзды лет...
И смотрит Минотавр
Мне с завистью вослед...
А там – из космонедр
Мерцает Мета-Кедр...
И звёздный метакод
Звучит, как септаккорд...

Николай Ерёмин
г. Красноярск ноябрь 2012 г.

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

ПОЭЗИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ!

«Вышел Журнал ПОэтов № 1(67) 2016
"Нам 20 лет"!

- Мне сегодня 20 лет!
Кто я?
Нет вопросов:
Всеми признанный поэт,
Миражист
ДООСА...
Рядом –
фаны клуба:
Кедров и Кацюба.
И Монахов, друг и брат,
И двадцатилетних
Ряд
На метаметафорическом вдохновении –
Лауреаты
Константино-Еленинской премии.

Авторы:

Константин Кедров, Генрих Сапгир, Андрей Вознесенский, Вадим Рабинович, Сергей Мнацаканян, Галина Климова, Сергей Бирюков (Галле), Александр Бубнов (Курск), Владимир Делба, Елена Кацюба, Игорь Балюк, Маргарита Аль, Валерия Нарбикова, Александр Городницкий, Марк Ляндю, Сергей Рыбалкин, Игорь Крестьянинов (Ижевск), Елена Сазина (Галле), Олег Федоров (Тюмень), Валентин Никитин, Александр Добровольский (Смоленск), Рустам Мавлиханов (Салават), Кирилл Ковальджи, Григорий Беневич (Санкт-Петербург), Ксения Атарова, Илья Боровский (Уфа), Елена Атланова

..... Николай Ерёмин

(Ташкент), Сергей Самарин, Александр Петрушкин (Кыштым), Леся Тышковская (Париж), Борис Бартфельд (Калининград), Кристина Зейтунян-Белоус (Париж), Ганна Шевченко, Станислав Заречанский (Новосибирск), Кирилл Захаров, Андрей Вradий, Николай Грицанчук, Николай Еремин (Красноярск), Артур Вафин, Семен Гурарий (Мюнхен), Андрей Коровин, Владимир Монахов (Братск), Анатолий Кудрявицкий (Дублин), Галина Мальцева, Илья Кутик (Чикаго), Вилли Мельников, Виталий Комар (Нью-Йорк), Кира Сапгир (Париж), Хадаа Сендоо (Улан-Батор), Евгений Степанов, Александра Заболотская (Казань), Вячеслав Куприянов, Ксана Коваленко (Николаев), Юрий Орлицкий, Татьяна Грауз, Виктор Клыков (Вена), Денис Безносков.

Поэзия
Должна быть,
Потому что она всем должна!

21 марта 2016 г.

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ,
в журнале ПОэтов № 4 (66) 2015
«ПОД МРАМОРНЫМ НЕБОМ»

МРАМОРНЫЙ РЯД

Константину Кедрову

Серый мрамор...
Белый мрамор...
Чёрный мрамор...
В нишах –
Бюстики бессмертные стоят...
Бог ли, полу-бог, увы, с улыбкой замер...
Смотрят молча – ввысь и вдаль – за рядом ряд...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

А прислушаешься –
Что-то говорят...

* * *

- Глянул в небо я – и удивился...
Ахнул, вдохновился, зазвездился...
Между звездных муз
Омолодился...
Боже мой!
Чего там только нет,
В букваре созвездий и планет...
И – одновременно мал и стар –
Вдруг
Метаметафорой стал...
И воскликнул,
Сам себе отец:
- Ай, да Кедров! Ай, да молодец!

ПРЯМАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Елене Кацюбе

Стихи зависят от бумаги...
От поэтической отваги
Того, кто строчки сочинил...
От цвета высохших чернил...
И от того, кто – доброзол -
Их - молча или вслух - прочёл...

ТРАМ-ВАЙ «БАРСЕЛОНА – МОСКВА»

«и я бегу бросаюсь под трамвай»
Константин Кедров

Гауди,
Попавший под трамвай,

..... Николай Ерёмин

Только и успел воскликнуть:
- Ай! -
И стояло долго над толпой:
- Ай! Ай! Ай, амиго...
Ой! Ой! Ой....
И в Москве,
Такие, брат, дела,
Аннушка
Вдруг масло пролила...
Поскользнулся Берлиоз, увы,
И остался - Ай!-
Без головы...
И на Патриарших –
Боже мой! –
Долго раздавалось:
- Ой! Ой! Ой...

ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ

Константину Кедрову

1.
Земля и море – за моей спиной...
А Солнце и Луна –
Передо мной...
И тем безмерно счастлив я вполне,
Что центр Вселенной
Заключён во мне...
А я живу
И сам с собой прощаюсь...
И в центр Вселенной, ах, перемещаюсь...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

* * *

Всё то, что было в памяти моей,
Всё будет вновь,
И нет его милей...
А то, чего там не было пока, -
Связует и пространства,
И века,
Безмолвное беспмятство храня
При помощи Вселенной
И меня...

КЕДР и ДУБ

« - Прожить бы ещё лет 200
Как тот Черешчатый дуб! »
Константин Кедров 9 мая 2016

Кедров хочет дубом стать...
Я мечтаю кедром стать...
Не хочу я дуба дать...
Жить – такая благодать!
Не растут у нас дубы...
Слава Богу! - знак судьбы...
- Кедром стать без лишних слов
Будь готов!
- Всегда готов!

* * *

Живёт кедр в среднем 350-550 лет, отдель-
ные долгожители - в два раза дольше

СТРАНА ПРОСНУЛАСЬ

«Проснись страна от запоя»
Константин Кедров

Страна проснулась от запоя
И удивилась: что такое?
Одни покойники вокруг!
И не понять, кто враг, кто друг...
Вновь – лживые живые трупы,
В партийные собравшись группы,
Газету «Кривда» издают...
И песню старую поют:
«Мы - из ковчега – дети Ноя -
И вышли все мы из запоя,
И к коммунизму держим путь,
Чтоб вновь напиться и заснуть...»

.....
Страна проснулась: – Боже мой! -
Сказала – и ушла в запой...

ПО ТЕЛЕ

«дебил дебила не добил»
Константин Кедров

По теле –
Вот ведь как бывает –
Дебил дебила добивает...
Стреляет метко Бэтээр...
Он всем стреляющим
Пример...
Их
Кроет матом,

Глядя в оба,
Нейтронно-
Атомная
Бомба...
Недаром
Захватили трон
Два брата – Атом и Нейтрон...
- Войны не будет!
Будет пир,
Когда пройдёт борьба за мир!

АЛЬТЕРНАТИВА

«Пожалуй я опять потопал
К себе домой в XX-й век»
Константин Кедров

Когда XX-й век, устал
И стар,
Быть домом перестал,
Я думал, грешный человек:
Скорей бы
XXI-й век!
И вот –
Во сне и наяву,
Я худо-бедно в нём живу...
Трещит по швам моя страна...
Минувшей жизни
Грош цена...
Казарма рушится...
Дурдом –
Социализм – идёт на слом...
Я ж топаю к себе домой –
В желанный век
XXII-й...

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ *Danse sacrale*

«СТРВНСК
ВСН СВЩН»
Константин Кедров

«Весна священная» Стравинского...
Хореография Нижинского...
О, старомолодость моя!
Танцуйте,
Небо и Земля!
И ты со мной,
Моя подруга,
Танцуй! Нет выхода из круга,
Увы, любви
И бытия...
Лишь возвращение назад:
Из Ада в Рай...
Из Рая в Ад...

ДИПТИХ Дважды найдённые

Кнстнтн Кдрв
Оаи ео
Мтмтфр
Еаеаоа
Лн Кцб
Ееа аюа
Плндрм
Аио

* * *

Нкл Рмн 2016
Иоай Еёи 6102

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОСМОС

Константину Кедрову

Гора
Называется
Тайна, -
Здесь
Метаметафор
Родник...
.....
И я к роднику
Не случайно,
Желая напиться, приник...
О,
Космоса
Радость и грусть!
Всё пью –
И никак не напьюсь...

«СЛОНОЛЁТ»

Окружив аэропорт,
Удивляется народ:
- Что за чудо
К нам спустилось
Из
Заоблачных высот?
Ноги, уши... Вот те на!
И похоже на слона! –
И сказал в ответ пилот:
- Это, братцы, «Слонолёт»!
А точнее,
Журнал ПОэтов,

Тот,
Что Кедров издаёт!
Облетели мы весь свет.
Рад читатель нам любой.
Если ж есть средь вас ПОэт, -
Мы его
Возьмём с собой!

ЭМИГРАЦИЯ

« ...две истины. Первая - из России нельзя уезжать.
Вторая - в Россию нельзя возвращаться»
Константин Кедров

Эмиграция – мачеха-мать...
Сколько сил в ней,
Чтоб так возмущаться:
- Из России
Нельзя уезжать!
И в Россию нельзя возвращаться...-
Эмиграция – это тупик.
Но
Как много народу в час пик!

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕРОГАТИВА

1.
«И вот теперь выясняется,
Что мы, скорее всего, плоскатики,
Наконец-то научившиеся
Мысленным взором воспарить
Над плоской страницей
И прочесть по слогам
Вечную книгу жизни...»

«В млечпуть откинута все копыта»
Константин Кедров

2.
Давший дуба
Откинул копыта...
Был – и нет...
Или есть?
Шито-крыто...
Спят ли, бодрствуют
На лугу
Люди-лошади?
Ни гу-гу...
Мы ж – поэты,
Плоскатики быта,
Дети Логоса и Математики –
Не желаем
Откинуть копыта
В пору экстра –
И ин-форматики...
И не дуб -
Млечный путь нам
И кедр –
Светят
Вновь
Из Космических недр...
Шлях Чумацкий –
Тень
Леты-реки...
И поэты –
Точь-в-точь
Чумаки, -
Сквозь века,
Не меняя маршрут,
Соль стихов
Или звёзды
Везут...

ЛЮБОВЬ

«На свалке вас ждёт любовь»
Елена Кацюба

Она
Всё время ждёт:
- О, вери гуд, майн гот! –
Но чаще там и тут
Её
Всё время ждут...
И слышу я опять:
- Ну,
Сколько можно ждать?

2016

ЭХО

Эвридика:
- Я и доле милого ли мелодия?
Орфей:
- Я пел, сияя, разом озаряя и слепЯ!»
Елена КАЦЮБА

На Том свете нет звуков, теней...
На Том свете
Одни голограммы...
Но поёт Эвридике Орфей
Палиндромы свои,
Анаграммы...
Так влюблённо, без музыки, ах!
Что беззвучное эхо –
В веках...

НОТА «СИ»

«Ре – форма
Си – содержание»
Константин КЕДРОВ

Си мне сияет в мире звуков...
Симфония – моя стихия,
Где сила – от небесных внуков –
В душе моей...
Спаси, Мессия,
Меня, оркестр и ноту «Си»...
Иже еси на небеси...

КОНСТАНТИН КЕДРОВ В 2013-м году

У Кедрова –
Творческий взлёт:
Король он
И лав-у-реат!
Корейский
И русский народ
Ему
Не жалеют наград.
Чтоб он
Меж космических тел
Над Индо-Китаем летел...
А мы
Удивлялись: - Ого! –
Опять
Каждой строчке его...

* * *

Я в юности —
И весел, и пригож —
На Лермонтова очень был похож.
Не зря меня мой друг
По мере сил
В Его мундире вдруг изобразил...
И так сказал:
- Ерёмин, не жалея,
Что Лермонтов был копией твоей!

* * *

В Америке, в Корее
И в Китае
Меня недавно люди прочитали...
И написал мне критик:
- Милый мой,
Как рады все, что ты ещё живой!
Недаром —
Недолёт и перелёт —
Тебя в «ЖурПО» сам Кедров издаёт...
Поэт в России
Должен долго жить —
С Еленою Кацубою дружить,
Калинку петь,
Малинку собирать,
С Тамарами лезгинку танцевать...
И не хвататься зря
За пистолет,
Пока тебе не стукнуло 100 лет!

* * *

- На каждого пророка
Есть свой рок
И Демон свой, увы, -
Поэт изрёк.
- Вот почему
В предчувствиях вины
Пути у всех предопределены...
И всё-таки
В любые времена
Поэт лишь прав —
И слову есть цена!

ТРИЕДИНСТВО

«Сова совокупления
Мышь мышления
Сом сомнения»
Константин Кедров

Тогда
Сом плавал...
Мышь шуршала...
Сова летала надо мной...
А мне всё было мало! Мало...
Я жить хотел в стране иной...
И вот — один,
В плену молвы...
О, мышь, сова и сом, где вы?

МОЙ ОГОНЬ

«Сгорает мир
Но я сгорю быстрее»
Константин Кедров

Я хочу
Не сгорая, гореть -
Разгораясь, а не догорая...
Чтоб со мною
И ныне, и впредь
Грелась Муза моя дорогая...
Неспроста мой огонь
Рядом с ней
Всё сильнее горит и сильней...

ДОКА ТЕМ

«Метакод
Я ПРОЖИЛ ДОЛЬШЕ ЧЕМ РАССЧИТЫВАЛ
ПОСКОЛЬКУ ЗВЁЗДЫ С НЕБА СЧИТЫВАЛ»
Константин Кедров

* * *

И я работал звездочётом...
Нет, не работал я, чего там!
Баклуши бил, пинал балду
У всей вселенной на виду...
И лишь на год, по мере сил,
Ах, меньше Кедрова прожил...
Нет, прожил... Что за благодать:
Считать нам – не пересчитать!

ПАЛИНДРОМ

Автовокзал...
Причал...
Аэродром...
О, жизнь моя! Ты - вечный палиндром...
И я хочу –
Не много и не мало -
Прочешь тебя
С конца и до начала...

КУМИР

«Ницше:
- БОГ УМЕР
- БОГ УМ МЕР»
Константин Кедров

* * *

Безмерен Бог,
И он
Не умер!
Он лишь упал
Пред Ницше
Ниц...
Чтоб я воскликнул:
- Вот так нумер!
Где Бог – без мер и без границ?
Нет, Ницше,
Ты не мой кумир...
Кумир – Кручёных: «Дыр бул щыл»!

ВЫВОРАЧИВАНИЕ

«При ВЫВОРАЧИВАНИИ
ЧАСТЬ БОЛЬШЕ ЦЕЛОГО»
Константин КЕДРОВ

Было дело – невыносимо
В Космос вывернулась
Хиросима...
А потом –
Кулаком после драки –
В небо вывернулась Нагасаки...
Стало целое меньше части ...
Счастье вывернулось
В несчастье...

Больше целого
Стала часть –
Выворачиваясь и лучась...
Выворачивание
Даже Бог
Неэвклидовым
Сделать не смог...
Что Эвклиду
Не сделало чести...
Продолжается месть –
Бег на месте...
С удивлением смотрит Мессия:
Выворачивается
Россия...
Сединою кладёт на виски
Сирий
Вывернутые пески...
И в гробу неспроста –
Что за вид! –
Выворачивается Эвклид...

Рецензия на «Альманах ЕБЖ если буду жив»
(Николай Ерёмин)

Хоть я и автор, но, прямо скажу-концепция альманаха ЕБЖ гениальна!!!

Кедров-Челищев 28.07.2016 07:11 •

КРИК ВЕЧНОСТИ

«Крик вечности
И тишина
Мгновения»
Константин Кедров

Крик вечности
+
Тишина мгновения
По Кедрову
Рецепт
Стихотворения...
Читайте,
Люди,
Чтобы вечно жить!
Ты веришь?
Значит,
Так тому и быть...

ЗВЁЗДНЫЙ ТЕТРАЭДР

«Метаметафора – это амфора нового смысла»
Константин КЕДРОВ

* * *

Пушкин был точкой опоры.
Хлебников – точкой опоры.
Бродский был точкой опоры.
Кедров стал точкой опоры.
В Космос поэзии мост –
Метаметафора звёзд...

Николай ЕРЁМИН г. Красноярск 1991– 2017

ВЛАДИМИР МОНАХОВ

На поводке неба

* * *

Жалобно осень к зиме издождится,
ступит босая на призрачный лёд.
Крикнет с небес запоздалая птица,
иероглиф начертит чужой самолёт...

В окна надуло колючего снега,
и, завернувшись в женину шаль,
вижу: сквозь звёзды большого ковчега
теплится в небе родная душа!

* * *

*Свет на всех один, а тьма у каждого своя!
Из дневника*

Отпоют нас весёлые птицы,
А вина на поминках нальют,
Я гляжу в ваши мёрзлые лица -
В них такой безмятежный уют!

Всех отпели весенние птицы -
Хорошо быть в земле мертвецом,
Беспокоят лишь нас приходимцы
Со стаканом и мятым лицом...

* * *

*Моим соавторам
Елене Атлановой (Ташкент)
и Галине Кравец (Братск),
которые полезными советами помогли
дописать это стихотворение.*

1.

День начинался с чистого листа -
Не успевал за резвою строкою
Новорождённого незрелого стиха.
Поспею ли неловкою рукою
догнать его, схватить за воротник -
Он бурная река, а то всего родник!

2.

Поэзия как мельница – в ней белая мука,
Но чёрным хлебом вечно кормит гениев...
Всё ж весело бежит по жерновам строка
Навстречу с ненасытным вдохновением!

* * *

Поляк Достоевский
продолжает совать нос Гоголя
в нашу русскую жизнь -
тот ещё фрукт литгерой Раскольников
с топором гоняется за
старушками-процентщицами,
то с бедными людьми
по всей стране молят о колбасе
на хлебе насущном,
то как братаны Карамазовы в ответе за отца,
то толпой Сонечек Мармеладовых
вдоль автотрасс с косами стоят,

а то красота - каждый день
спасает
и спасает
и спасу от неё
во поле берёзе нет!

Когда русским людям плохо -
они идут вперед туда-не-знают-куда,
приносят-то-не-знают-что...

Из книги «Разговоры с Ерёминым»

* * *

*И не вернуться
Никогда...
Николай Ерёмин*

Всё бегут мои года -
я итогов не считаю,
но вернуться в никуда
по ночам мечтаю...

Мне давно за много лет,
наша правда с краю,
в небо выписан билет,
чуть пониже рая..

* * *

*С диагнозом «Практически здоров» -
На волю,
На свободу...
Н.Е.*

Отборный мат
в низовьях пустословья!
А наверху?

Молчание небес!
Куда же плыть,
когда лишь за здоровье
ведёт борьбу больничный
мелкий бес!

А плыть хотелось, Господи, к тебе!

* * *

Для смерти все практически здоровы:
И люди, и букашки, и коровы!
И нечего пенять на докторов,
Коль умер бог, а был весьма здоров!

* * *

Себя жалеют люди и котов,
а ненавидят часто докторов...
Такая многим по душе доктрина,
ведь человек-то экая скотина!

* * *

*Не уступлю!
Николай Ерёмин*

Не уступлю на свете никому...
Хожу, скриплю по миру понемногу...
И чувствую, как вечность со мной в ногу
Идёт и тихо внемлет Богу,
Что держит человека на кону...

* * *

*- Зажились мы – а смерти нет!
Н.Е.*

А что сказать, дружище, про тот свет -
там многих, как и здесь, давно уж нет!

* * *

Вот такая вокруг графомания -
поддержала каркас мироздания,
а поэтов словеса
укрепляют с земли небеса!

* * *

Все хотят умереть – чтоб воскреснуть!
Н.Е.

Все хотят умереть, но воскреснуть!
Спел поэт свою дерзкую песню!
Только я не воскреснуть хочу,
А с утра записаться к врачу!
Чтобы доктор-судья был суров
И назначил пожизненный срок!

* * *

Этот мир притяжения
так и норовит сложить нам крылья
и завязать узелком шнурки
на ботинках космонавта...

Многие до глубокой старости
умудряются жить в стране,
неизлечимой от детства,
где каждый улетает на стрекозе
задом наперёд на тот свет,
закрытый звёздами...

Ты летишь, а другие пусть страдают от избытка...

* * *

мечтать по прошлому – забава,
не худшая иных затей,
воспоминания - приправа
душе потерянных людей...
как безответно время оно,
но в нём таится волшебство,
и всё до устали знакомо,
и тянет лямку БОЛЬшинство!

Наука убывать...

Из книги «Братское кладбище»

Если смерти - то мгновенной! -
из популярной песни.

С самого детства - я на договоре

со смертью.

Когда стоял над могилой отца,
зарёванная мама положила мне руки на плечи.
Сохранилась фотография –

четырёхлетний, я с интересом смотрю в объектив:

а что там?...

Как же это произошло, не знаю, но
именно тогда под щёлканье фотоаппарата
я ощутил, что защищён от смерти накрепко.

Подростком часто ходил на могилу отца,
искал утешения и опоры...

..... Владимир Монахов

и думал о своём будущем,
осваивая законы науки
убывать, множить и множиться...

Покинув город детства,
я долго не приезжал...
И всё-таки вернулся,

но могилу отца

не нашёл.

Место помнил,
однако старого деревянного крашеного памятника

там просто не оказалось.

Так я потерял могилу отца...

Через несколько лет хоронил маму, ещё раз
пытался отыскать могилу,

но снова не нашёл...

Когда хоронил бабушку, тоже долго ходил, искал,
но так

и не нашёл ...

С тех пор на том кладбище не был.

И всё-таки,

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

несмотря на договор,

я боялся смерти,
при мысли о ней впадая в цепенящий

ступор ужаса...

И лишь когда умерла жена - я перестал
страшиться своего ухода

окончательно.

Мой старый приятель
как-то пытался разоблачать личный оптимизм -
такого быть не может, все боятся смерти...

Разве что его переубедят мои стихи:

Я в мир иной не тороплюсь,
Концом пути не скован.
И личной смерти не боюсь -
Страшит лишь смерть другого:
Того, кто рядом жизнь ведёт,
Родня родные лица,
Кто смерть свою бесстрашно ждёт,
И лишь моей - боится!

Моя жизнь каждый день
взвешивает собственную смерть,
которая всё еще легка, как пушинка!

Лети-лети и радуйся жизни, о смерть моя!
Научи тех, кто после нас, множить и множиться!

3-х: ТИШИ-Я

из книги «Лиственница дождя»

* * *

Налетается
Злость и присядет к добру
Поговорить

* * *

Дырки на песке
После точек-запятых
Слеплого дождя

* * *

Сосны сжались на
Морозе - целую ствол
Грею и греюсь!

* * *

Шепчу на ухо
Сосне и дубу слова
Очень теплые

* * *

И в мире беды
Люди ищут слова и
Горячего супа...

* * *

Судьбы награда:
Дети, внуки, правнуки -
И вечность с утра!

* * *

Во саду ли
В огороде - хорошо
За бортом истории...

* * *

Владимиру Медовкину

Дождь видел во
Сне неспящего человека,
А человек - дождь!

* * *

Дождь был краток и
Каплями света стучит
Азбука Морзе.

* * *

Июньский снег
На дворе Братск-рая
зелёная зима...

* * *

Пахнет музыкой
перегара из дачного
жилмассива...

* * *

В сумке с плодами
пара дерзких муравьев:
не трожь - всё наше!

* * *

Холодный дождь
облизывает окна
тёплых домишек.

* * *

Лиственница дождя -
время собирать капли
на циферблате неба

* * *

Отогреваясь
вешними водами
Земля дышит Богом...

* * *

Красота ночных звёзд
делает меня добрым —
готов дать взаймы...

* * *

Раздвинешь шторы,
А там будущее строит глазки
С дальней стороны двора...

* * *

С.Р.

Зеркало в доме
В полный рост отражает
Твоё отсутствие

* * *

В глазах весны
Проклюнулись пролески
Просветления

* * *

Гроза край неба
проколола - кровит
закат бытия!

* * *

Сон заблудился
между кроватью и
холодильником...

* * *

Лица прохожих
мелькают по всей жизни
до самой смерти...

* * *

В кружеве света
просыпаемся с внуком
на мир посмотреть...

* * *

Дум мельтешенье -
вот бы почистить быстро
двор наш весенний...

* * *

Выцветший парус
о горизонт споткнулся -
ночью глубокой...

* * *

Одновременно
Сладко петь и помёт метать
Могут только птицы

* * *

Весну приносят -
птицы, травы, цветы и
пара влюблённых...

..... Владимир Монахов

* * *

Разбираюсь в людях -
вижу плохих и лучших,
лишь ты хороша!

* * *

*Единственное око циклопа одинокого...
Борис Солдатов*

Одинокый циклоп
Вселенной -
осматривает
ночной мир Земли
из скважины зрачка Луны.
Привораживает всю
глазастую земную жизнь
бесконечно
жующей планеты!

Из жизни бабушки Фени

Моя бабушка любила Бога,
местную церковь – обходила стороной,
а приходскую старосту с нашей улицы Ивановской -
презирала и ненавидела за воровство
из церковной кассы...
Бабушка не прокурор, ей не нужны доказательства -
она каждый день проходила мимо
огромного нового дома старости и
плевала в ту сторону...

- Бог всё видит?!- спрашивала бабушка небо...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

* * *

Из суповой чаши в
пассажирском самолете
черпаю пластмассовой ложкой
похлёбку неба,
с наслаждением
облизываю звёзды и луну,
подкопченные
промышленным дымом
заводских труб...

Лечу себе поверх барьеров
и молча наслаждаюсь тем, что подано
услужливой стюардессой "Аэрофлота"
в час перелёта по маршруту
земля-воздух-земля!

ТАНКЕТКИ

* * *

Вечность
Пишет письма
Камнями
По камням

* * *

Живу на
Дне неба
Птицы
Отпевают

* * *

Бухло нам
Судия

Но чаще
Адвокат

* * *

Наш мирок
расшатан
До стен
Небытия
Диагноз -
Все смертны

* * *

Муза
Шоколадо
Чего
Тебе надо

* * *

Ночью
Бабы лучше

* * *

Господь
застегни нам
ширинку
времени

Из детства

ключ под половиком у двери
ключ в замочной скважине
ключ у соседей по этажу -

мы -
во дворе,
в саду,
в парке,
на реке,
в лесу
далеко от дома!

Ключ ждёт нашего возвращения!

Перелистываю семейный альбом

*«Мы погибаем, не умирая!»
М. Волошин*

после смерти жены
часто перелистываю семейный альбом:
внуки, дети, работа, турпоездки и мы -
такие молодые, целующиеся и любящие друг друга...

знакомый психолог сказал - оставь
это разрушительное занятие безнадёжным старикам,
начни жить в мире заново...

зачем заново - так и не понял этого
медицинского совета...
ведь новой жизни не будет, а лучшая
в семейном альбоме, где все ещё живы!

Фарш космоса

Сайт Бога

завис со вчерашнего вечера.
Антивирус ВОЗ больше не работает...

Бог зашил время человека

для вечности!

Эпидемия лихорадки Эбола надвигается,

вскрывая пустоты человечества, где
живёт дьявол с лицом человеческим,
питаясь злом вооружённых сил...

Время замерло на остановке "Вечность"-
тик-так-тик-так-тик-так-тик-так
бежит по замкнутому кругу смерть
перемалывая историю космоса
на звёздный фарш...

* * *

камень за пазухой

и

камень на душе
такие разные камни -
один серый,
другой белый,

но

оба настолько тяжелы,
что упадёт камень из-за пазухи
случайно на ногу

и

ты инвалид третьей группы!
а свалится с души -

и

тебя выпишут на тот свет!

* * *

Живём на два дома - небо и землю!
В землю закапывают, на небо вознесут!
Но это кому как повезёт!

* * *

Метём по стране сор стихов,
которые закатились под лавку истории...
Надеемся, что будущие поколения
когда-то выберут из нашей навозной кучи
ювелирные изделия огранённой поэзии!

* * *

Мы стали выдохом толпы.
И фаршем революций.
А историческую пыль
Соберут потомки
На знамёнах побед!

* * *

Дом пропитан памятью семейной -
Книги, фотографии, картины -
И в окно, открытое на север,
Вечность смотрит утром без причины...

Раздумья о несбывшемся

Иногда, как подумаю о несбывшемся,
то страшно становится,
сколько в жизни я не совершил полезного и важного...

Жалею иногда, но продолжаю
в текущей жизни не осуществлять
свои же новые планы!

Чаще всего сожалею о несбывшихся любовных романах,
но когда вспоминаю детали и перспективы,
то понимаю, что судьба уберегла
от лишнего сердечного геморроя...

Иногда печалюсь о ненаписанных рассказах,
хотя теперь понимаю, что многих из них
я бы сегодня стыдился...

Поэтому частенько
продолжаю отсиживаться в диванной лени..

С головой накрывает спасительная мысль,
что может это неправильные планы,
им всяко не придётся осуществиться...

А всё потому, что всё главное - я уже сделал!

И когда оглядываюсь назад,
то оказывается: дел совершил немало!

И всё же - почему так часто мучают воспоминания,
что когда-то не успел протянуть руку помощи?!

* * *

Женщина всегда норовит
переписать жилище любимого
и даже нелюбимого мужчины
на своё имя -
тщательно моет окна, двери, полы,
уничтожает рисунки пыли на мебели,
а затем заставляет любимого
или нелюбимого

сделать перестановку -
от мусорного ведра до выхода в мир
подъезда...

...и обратно...

Каждый день перед зеркалом
она перекрашивает себе лицо,
а затем и лица комнат,
где жизнь убывает медленно
как краска из тюбика
уютного домашнего
счастья...

Женщина-птица

С.Р.

*«Когда твоя девушка больна...»
Виктор Цой*

*«Залезайте повыше и прыгайте в бездну.
Крылья появятся во время полёта»
Рэй Брэдбери*

В 22 года, после страшного диагноза,
Она вышла на балкон, расправила руки
И сбросилась с девятого этажа!
Пока летела - с ужасом рассматривала на земле
своё расплющенное тело и
медленно отлетающую прочь раненую душу.

- Я зажала в зубах молчание и проваливалась вниз, -
вспоминала своё падение Светлана, -
пересчитывала этажи до третьего,

..... Владимир Монахов

а потом вдруг у себя за спиной с тупой болью
ощутила и вмиг расправила КРЫЛЬЯ...

Теперь я летающая смертельно больная!
Ты можешь написать обо мне, поэт?!

- Наверное, смогу! Но для этого мы должны
полетать вместе среди птиц и собрать падалицу
звёзд!

- О, этого добра у меня хватает,- и женщина-птица
протянула руку,
в её раскрытой ладони светились крохотные цветные
камушки.

- Что это? - неподдельно изумился сочинитель песен.

- Осколки неба, это всё, что от него остаётся,
когда оно бьётся со всей силы о землю!!!

Только знай, Орфей, я в этой жизни теперь
больше ничего не умею - только летать!

* * *

Каждое лето регулярно хожу в соседний дом,
хозяйка которого уезжает в отпуск на Украину,
и поливаю комнатные цветы...

Каждое лето одно и то же -
дерево лимона за несколько дней печали
резко сбрасывает пожелтевшую листву,
а потом, нехотя привыкнув ко мне,
снова набирает зелень!

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Дерево, словно делая одолжение,
потихоньку зацветает и даже формирует
новые крохотные завязи плодов.

Но крупные лимоны, готовые к созреванию,
продолжают бастовать и отказываются набирать
приятную желтизну спелости ...

Плоды словно прознали, что обещаны поливальщику
в качестве оплаты, и в молчаливом протесте норовят,
сохраняя преданность, продержаться
до возвращения хозяйки домой...

* * *

Сергею Бирюкову

Волк мысли
на вид У У граДА и МИРА
задирает лОСЯ
позДНАния
убегающего бытия
через дрЕМУдрости,

исЧАДие счастья
и запущенную выгоду
назад к Слову с_ладКОСТИ

до кровавого месива из
буквоБРАЗИЯ,
чтобы из пеСца
песочных часов умысла
заново нале(У)пить
на клавишах тишины
стихили!

СТИ-шутки для внука Фёдора

* * *

Достаёт до неба
Мальчик-непоседа,
Ведь сидит удобно
На плечах у деда!

* * *

Ненавижу колбасу,
Не хочу котлеты!
Требую - сварите суп
Из моей конфеты!

Просвещение в дом несу -
Создаём конфетный суп!

Опечатка - как семейное пророчество

мне идёт
линия жизни
на моей ладони

лишь линия судьбы
упорно сопротивляется
моим морщинам
на постаревшем
от ветра перемен
лице

В 2006 году на сайте СТИХ ВЕРЛИБРОВ был опубликован мой небольшой текст. Самое интересное, что была допущена опечатка, которую владелец сайта так и не исправил. Вместо моего имени стоял инициал "Ф". Кто тогда мог предположить, что это была знаковая опечатка. Спустя шесть лет на свет появился Фёдор Монахов - мой внук, который

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

сегодня рассекает на велосипеде по Братску. Знаки судьбы не всегда нам заметны и понятны...

Федины камни

*«камнем-голышом лежу
на подоконнике»
Рина Шерфи*

Мой пятилетний внук Федя
на улицах Братска собирает камни,
раскладывает их по карманам
и доставляет домой...

В корзинке на окне уже лежат
мелкие и крупные голыши из
нашего двора, собранные за недолгую жизнь мальчика.
Они тщательно отточены пристальным
взглядом ребёнка.

Временами из этих камней малыш строит
на полу каменные джунгли, в которые
загоняет личных динозавров -
создавая лучшую жизнь "понарошку"...

Мать Феди регулярно
подбивает ребёнка выбросить "этот мусор"...
Но мальчик не соглашается категорически...
Выбросить - это разрушить мир,
в котором он живёт здесь и сейчас!

Федя переживает важный период сбора камней...
Время разбрасывать камни только-только подрастает...

На днях я увидел, что внук поднимает новые камни
и бросает их в историческую даль нашего двора...
Федя смеётся от радостной меткости попадания в цель,
которую видит только он...

История и бухгалтерия - Умерли все?!

Деды ушли и погибли на
Великой Отечественной войне,
а теперь неблагодарные внуки-зеваки
всё считают -
сколько их убито -

8,5, 20, 27 или 42 млн...

И невдомёк им - давным давно проще считать,
что "Умерли все*."
Осталась одна Таня"...

И успокоиться в бухгалтерском итоге мировой
истории...

*Ты напрасно в Россию посылаешь своих сыновей,
которым показалось, что нас легко победить.
Если ты всех их убьёшь, знай,
у русских воюют даже мёртвые!!!
И воюют мёртвые лучше всех!

ПСИХО-творения

* * *

Народ озяб от ветра перемен!

* * *

На счастье наварился!

* * *

Языком трепать - не мешки истории ворочать!

* * *

У оптимизма слишком краток век!

* * *

Россию подводят под ФАЛЬШкульт!

* * *

Зло стало исчадием счастья!

* * *

Многие поэты как промелькнувшее ничто!

* * *

У поэта два гражданства - тот и этот свет!

* * *

Буду всегда УСПЕХаться!

* * *

Религия - ложь в последней инстанции!

* * *

Смерть тоже хочет жить и кушать!

* * *

Нет смысла, кроме бога, а бог - бессмыслица!

* * *

Люди обнуляются до потери сознания!

* * *

Бог заложник бытия небытия!

* * *

Свежо предание, а можно посвежее?

..... Владимир Монахов

* * *

У мертвого есть право на молчание!

* * *

Язвит язык мой крепкое словцо!

* * *

Нет, весь я не УМ!

* * *

Земля обкуривает Вселенную - не продохнуть!

* * *

Наркодилер любви ищет и всегда находит своих жертв!

* * *

ШедевроЧУК и шедевроГЕК распоясались!

* * *

Пролетарии всемирной тишины - объединяйтесь!

* * *

Я стольким врал, что стали мне уж верить!

* * *

Прогресс, нажми на тормоза!

* * *

Мы такие, какими нас приручили...

Город БРАТСК

ЭДУАРД РУСАКОВ

ДВА РАССКАЗА

ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!

- Дорогие друзья! – воскликнул Ведущий. – Начинаем наше осеннее ток-шоу «Гей, славяне!» Тема сегодняшней дискуссии – однополые браки, которые, как вы знаете, уже легализованы в некоторых западных странах. Не секрет, что и у нас, в России, особенно среди так называемой креативной либеральной интеллигенции, идея однополых браков находит приверженцев...

- Позор! – выкрикнул багроволицый патриот Жердьяй. – Я бы всех этих пидоров душил собственными руками!

- Тебе дай волю – ты полстраны передушишь! – взвизгнула либералка Милованова.

- И передушу!

- Друзья, успокойтесь, - поднял руки Ведущий. – Мы живем в свободной, демократической стране, и каждый гражданин имеет право на свое мнение. Будем же взаимно толерантными...

- Да в гробу я видал вашу толерантность! – завопил Жердьяй. – Надо пока не поздно спасти Русь-матушку от голубой и розовой заразы!

- Совершенно с тобой согласен! – поддержал его бледнолицый радикал-консерватор Страшенко. – Долой однополые браки! Долой гей-парады! Мы должны защищать здоровье нации! Не дадим, понимаешь, всякой западной нечисти отнять наши традиционные ценности! Мало того,

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

что Европа сама гибнет – они хотят и нас утянуть за собой в это гнилое болото, в эту преисподнюю... Не выйдет! И мы не позволим...

- Да вы просто фашисты! – перебила его либералка Милованова. – Мракобесы, реакционеры! Для чего же тогда Пётр Великий прорубил окно в Европу?

- Вот и полезай сама в это окно, сучка белобрысая! – судорожно выкрикнул Страшенко. – Вали на свой любезный Запад! А я, понимаешь, за Русь православную любому пасть порву! И тебя, проститутка, с кашей съем! Ты сама, небось, лесбиянка – ну и вали в свою Европу!

- Тихо, тихо, друзья... - снова поднял руки Ведущий. – Очень жаль, но боюсь, мы с вами еще не готовы к подлинной демократии... - Он печально вздохнул. – Наше косное сознание не созрело для принятия европейских ценностей, выработанных многовековым развитием западной цивилизации...

- Что вы хотите этим сказать? – нахмурился Жердьяй.

- Это я-то – не созрел?! – изогнулся в судорожном пароксизме Страшенко. – Да я, блин, уже перезрел давно! Да я, блин, всех этих пидоров терпеть ненавижу, как врагов народа!

- Ну всё, хватит! – строго сказал Ведущий, он же главный врач городской психобольницы имени Чехова. – Ток-шоу «Гей, славяне!» объявляю закрытым! Всем разойтись по своим палатам! Где старшая медсестра?

- Я здесь, Лазарь Митрофанович!

- Проследите за исполнением!

- Нет, позвольте! – закричал параноик Жердьяй. – А как же ваша хваленая демократия? А плюрализм? А свобода слова? В Конституции сказано...

- А у них демократия только для пидоров! – взвизгнул эпилептик Страшенко, закатывая безумные глаза. – А для подлинных патриотов у них, понимаешь, дурдом!

- Всех фиксировать, - негромко распорядился главврач.
- И купировать. Каждому – по два кубика сульфозина в четыре точки... Припадочному Страшенко еще – клизму с хлоралгидратом. А Жердяю – тизерцин внутривенно медленно три кубика. А Миловановой – только сульфозин.

- А мне-то вообще за что?! – возмутилась либералка Милованова, страдающая маниакально-депрессивным психозом. – Разве я не созрела для демократии? Да я из-за своих демократических убеждений всю жизнь по психушкам пропадаю!.. За что же мне - сульфозин?

- А чтобы Родину крепче любила, - ласково объяснил Лазарь Митрофанович.

Лето 2017 г.

ХРУСТАЛЬНАЯ ДЕВОЧКА

Не роман, не повесть, не рассказ.
Грустная сказка о нашей жизни.
О моей жизни.

Август 1991 года. Крым, Ялта. Мне сорок лет, но выгляжу куда моложе. Может быть, потому, что ещё не женат. Впрочем, я и сейчас не женат. Я вообще никогда не был женат. Так уж исторически сложилось. А всё она виновата, хрустальная девочка. Нет, она ни в чем не виновата. Я сам во всем виноват. Да и я ни в чем не виноват. Вообще никто ни в чем не виноват.

Что я делал в Крыму? Как – что? Отдыхал после тяжких трудов в своей безумной больнице имени Чехова. Поехал на море дикарем, без путевки. Снял комнату в Ялте, недалеко от моря. Там ещё рядом маяк. Хозяин – таксист, хмурый такой, ворчливый. Вроде не хохол, русский. Впрочем, не всё ли равно. Вдовец, пропахший бензином. Дочка –

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Лариса, на вид лет шестнадцати, в десятый класс перешла. Мне она сразу понравилась – худенькая такая, загорелая, волосы темные, глазки светлые – как льдинки. Голосок нежный, звонкий. Бренчит на фортепьяно, хотя музыке, вроде, нигде не училась, и тихонько поёт – ангельским таким голоском. И улыбочка на лице сияет. Чудо-девочка! И кокетливо на меня поглядывает.

- Что вам сыграть? – спрашивает.

- Сыграй Шопена...

- А может, лучше Брамса?

- Валяй! – говорю, и декламирую нараспев: - «Мне Брамса сыграют, я вздрогну, я сдамся...»

- Ваши стихи?

- Пастернака... Сыграй, что хочешь. А лучше – спой!

И я поощрительно похлопал её по плечу.

- Вы с ней поосторожнее, - вмешался насупленный отец.
– Девчонка больная...

- А что с ней?

- Хрустальная девочка...

- В каком смысле? – не понял я. – Слишком нежная, что ли?

- Хрупкая... Кости у нее очень ломкие... От рождения такая. Чуть что – перелом!

- Фу ты, господи... Как же так?

- А вот так. Вы же врач – должны понимать. Она за свою короткую жизнь уже раз двадцать в больницах лежала. Врачи так и говорят – хрустальная девочка. Врожденный порок. И в кого она такая – уж и не знаю. У жены моей, матери её покойной, ничего такого не было. У меня тоже – кости крепкие. А у Лариски... от любого пустяка – руки-ноги ломаются... Недотрога.

- Прямо принцесса на горошине!

- Да уж... Вы разве с такими не сталкивались?

- Не приходилось. Я же психиатр, совсем по другой части. Лечу хрупкие души... А у нее, вероятно, генетическая патология?..

- Во-во! Врачи так и говорят – повышенная ломкость костей наследственного происхождения. А в кого у нее эта наследственность? Может, она вовсе и не моя дочь?! А? Теперь уж и не проверишь – мамка давно в могиле...

- Папа, перестань! – воскликнула Лариса. – Я твоя дочь... честное комсомольское!

- Ты-то откуда знаешь? Только мамка твоя могла бы сказать...

- Но ведь можно провести генетическую экспертизу... - заикнулся я.

- Никаких экспертиз! – рявкнул отец. – Чтоб над нами соседи смеялись? Еще чего! И хватит об этом... Лариска – моя дочь, моя кровиночка... и я её никому в обиду не дам! Так и усвой!

- А я – что? – растерялся я. – Я ничего... Я для неё уже старый.

- И забудь! И не трогай её!

- Да кто ее трогает-то? Вы о чем вообще?

- Дураком не прикидывайся... Я ж не слепой – вижу, как ты на нее поглядываешь... облизываешься, как кот!

- Да вы, папаша, бредите!.. Извините, но мне пора идти на пляж. Не нужна мне ваша хрустальная девочка.

- И очень хорошо. Держись от неё подальше.

Вот старик вредный какой. Испортил настроение.

И я отправился на пляж.

Купался, загорал, гулял по набережной. Но продолжал думать о Ларисе.

В тот день мы с ней больше не виделись. А на следующее утро я сразу пошел на пляж – и там встретил Ларису.

Она выбежала, как в сказке, из пены морской – и со смехом подскочила ко мне:

- Наконец-то явился! Засоня! Ну и долго же вы спите... Вы на море, что ли, спать приехали? Айда купаться!

- Ларисочка, я только пришел... Дайте хоть оглядеться.

- Не надо оглядываться! Пошли со мной!

- Куда? – Я отдернул руку.

- Поплыли до буйка! А ну – кто первый? – И она со звонким хрустальным смехом потянула меня за собой. – Шнеллер, шнеллер!

И вот мы плывем, и она меня обгоняет – и первая доплывает до буйка, а потом поворачивает назад.

- Догоните! – кричит. – Соня! Копуша! Сибирский медведь!

И я пытаюсь ее догнать, и уже у самого берега хватаю ее за плечо – и круто поворачиваю к себе.

И тут она вдруг страшно, пронзительно вскрикивает, всплескивает руками:

- Ах, как больно!.. Зачем вы так?!..

И я подхватываю ее тонущее тело – и тащу к берегу. А она стонет, всхлипывает, и потом, уже на пляжной гальке, теряет сознание.

- ...А ведь я тебя, гад, предупреждал, - с тихой ненавистью прохрипел отец, когда мы отвезли ее в неотложку. – Я тебя по-хорошему, гнида, просил... а ты...

- Да я ничего! Я же только к ней прикоснулся!

- С такими больными надо соблюдать предельную осторожность, - сказал дежурный хирург после первичного осмотра. – Ей и купаться-то опасно... Придется накладывать шину, гипсовую повязку...

- Но что с ней, доктор? – воскликнул я.

- Похоже, закрытый перелом... Или – трещина плечевой кости... У нее же несовершенный остеогенез, повышенная ломкость костей... А вы разве не знали?

- Да всё он знал! – рявкнул отец. – Я его предупреждал... - И он схватил меня за ворот рубахи. – Чтобы завтра же духу твоего здесь не было! Понял? Не нужен мне такой жилец! Убирайся!

- Папа, не надо... Он же ни в чем не виноват... - прошептала очнувшаяся Лариса. – Не гони его, папочка... Он хороший... он добрый, он умный... Пожалуйста, папа... Он мне так нравится!..

- Как же! Снюхались уже?! – И отец снова повернулся ко мне. - Чего стоишь? Пшёл отсюда! Чтоб завтра же... нет, сегодня же – чтобы прямо сейчас убрался из моего дома!

- Хорошо, хорошо, хорошо, - бормотал я, направляясь к выходу. - Я вас понял... я сделаю всё, как вы хотите...

И в тот же вечер я улетел в Москву.

Отпуск был испорчен. Но возвращаться в Кырск не хотелось.

Остановился у друга, бывшего земляка. Выпили с ним за встречу. Потом я выспался. Гулял по столице, посетил выставку в Манеже, купил в книжном на Горького двухтомник про масонов, вечером сходил в театр на Таганке. Зашел в центральный телеграф, отправил телеграмму Ларисе, беспокоясь о ее здоровье. Но лучше б я ее не посылал, эту телеграмму! Потом уж я понял, что хрустальная девочка расценила мое послание, как прозрачный намек приехать ко мне в Москву... Но зачем бы я стал ее звать?! Зачем? Я ж не сошел с ума! Или – уже сошел? И я сам уж не осознавал до конца, что Лариса завладела моим сердцем, извините за пошлое выражение... Ну а как иначе?!

А 19 августа начался тот самый путч, то самое ГКЧП, когда по московским улицам тарахтели танки и бронетранспортеры, на перекрестках и площадях возникали стихийные митинги, а возле Белого дома появились баррикады защитников российской демократии.

И на этих дурацких баррикадах я вновь повстречал Ларису!

Да-да, ее, хрустальную девочку, с гипсовой повязкой на руке, сбежавшую от обезумевшего отца, от врачей – и примчавшуюся в общем вагоне в Москву – специально, чтобы отыскать меня. Переночевала на вокзале, а днем – бродила по городу. И она меня нашла – на этих самых баррикадах!

Господи, какая пошлятина... Какой р-р-романтический сюжет – о том, как встретились после недолгой разлуки двое влюбленных – врач-психиатр и несовершеннолетняя девчонка (почти нимфетка... ау, Набоков!), хрустальная девочка, принцесса на горошине, влюбленная дурочка и влюбленный старый дурак, прости, Господи...

В те безумные августовские дни было нетрудно сойти с ума. И я окончательно спятил. Я тоже в нее влюбился. Но я боялся не то что интимной близости – я боялся даже обнять ее, приласкать, я боялся к ней прикоснуться.

- Между нами никогда ничего не будет, - бормотал я, целуя ее теплые ладони, ее заплаканные соленые щеки, ее глаза-льдинки, ее растрепанные душистые волосы. – И я должен немедленно уехать – к себе, в Кырск...

- Один? Без меня?!

- Конечно, один. Не могу же я рисковать твоим здоровьем, твоей жизнью... Не могу. Не хочу... Не имею права!

- Но я люблю тебя! И я вижу – ты меня тоже любишь! – отчаянно вскричала она. – Мы же можем соблюдать осторожность... ты не бойся, мой милый... ты ничего не бойся... мы потихоньку... мы не сразу... мы постепенно... А

моя болезнь – пройдет, вот увидишь. С годами у меня это пройдет... косточки окрепнут... врачи обещали! Честное комсомольское! Надо только потерпеть, подождать... И я окрепну, я стану нормальной... И мы будем счастливы!

- Нет, мы не будем счастливы, - возразил я. – Я должен тебя оставить. Я не имею права.

- Ты просто боишься! Но если любишь – не бойся! Ну – тихонечко, вот так, обними меня... Ну пожалуйста! Ну! Ну!

- Нет, милая. Нет, моя драгоценная девочка. Нет. Нет. Нет.

И я улетел из бурлящей Москвы в свой провинциальный Кырск. Оставил Ларисе конверт с деньгами – на самолет до Крыма.

Но уже через три дня она примчалась вслед за мной в Кырск. На поезде, так как оставленных мною денег ей бы не хватило на столь дальний рейс. Кстати, я мог бы и сам предвидеть подобный вариант.

В первые же дни она меня нашла – это было нетрудно, зная мою профессию. Лариса быстро устроилась работать санитаркой в нашу же больницу, поселилась в общежитии, но я избегал с ней встречаться. Хотя это было, конечно, трудно. Вообще стало очень трудно жить.

Она не оставляла меня в покое ни на один день, среди ночи являлась ко мне домой, приходилось ее выставлять за дверь моей холостяцкой гостинки. Не хотела уходить, ломилась в двери, рыдала, стонала, пугая соседей. Могла до утра просидеть на ступеньках. Потом бесконечно звонила по телефону, подлавливала меня в больнице, хотя мы работали в разных отделениях.

Этот кошмар продолжался примерно полгода. Потом – как отрезало. Лариса внезапно исчезла с моего горизонта.

И я вздохнул с облегчением. Свободен, свободен, наконец-то свободен!

Но, оказавшись как бы свободным, я с ужасом обнаружил, что продолжаю о ней думать. И не просто думать... Она снилась мне каждую ночь! И во сне я любил ее, да – любил, страстно любил свою хрустальную девочку – и никак не мог избавиться от этого наваждения.

Прошел год, и два года, и пять лет... А я всё мечтал, фантазировал – как мы с ней будто бы снова встретились, поженились, и я отправил ее на лечение за границу, скорее всего в Германию, и она там вылечилась – и вернулась совсем здоровая, и у нас с ней родились двое детей, сын и дочь, Руслан и Людмила (да, мы оба решили дать им эти сказочные пушкинские имена!), и мы были счастливы, счастливы, счастливы, не могли прожить ни дня друг без друга... Но это были только мои мечты.

А позднее, потом, спустя много лет, я узнал, что все эти мечты сбылись – только не со мной, а с другим мужчиной... И узнал обо всем этом я спустя четверть века, весной 2014 года, когда встретил ее, свою хрустальную девочку, постаревшую и погрузневшую (но не погрузневшую!) – в родном Кырске, на митинге, посвященном воссоединению Крыма с Россией, где Лариса была с мужем, добродушным белобрысым дядькой, и двумя детьми, которых звали, конечно же, Руслан и Людмила... Ну и встреча!

- Привет, Лариса... А у тебя, я вижу, всё хорошо, - сказал я, чуть не плача. – Как ты здесь оказалась?

- Я тут живу, совсем рядом, на Стрелке, - сказала Лариса, глядя на меня с улыбкой. – Старалась тебя не беспокоить... Ты же просил оставить тебя в покое? Вот я и старалась не попадаться тебе на глаза...

..... Эдуард Русаков

- Ты слишком хорошо старалась, - кивнул я. – Рад за тебя... честное комсомольское! – И мы оба рассмеялись. – Значит, ты вылечилась? Косточки окрепли?

- Да, слава Богу.

- А я думал – это неизлечимо.

- Ты думал... А еще врач! Да ты просто боялся. Ты всего и всегда боялся. Боялся меня обнять. Боялся ко мне прикоснуться. А другие не боялись, - и она оглянулась на мужа. – Ладно, не будем об этом... Ну а ты сам – как ты живешь?

- Плохо, - сказал я.

- А что так? Не женился?

- Нет.

- Почему?

- Потому что люблю тебя...

- Да брось ты! Сколько можно?... И как ты можешь обходиться без женщины?

- Мне нужна была только ты...

- Да-а... Ты такой же, совсем не изменился.

- А ты изменилась, очень...

- Ты так ничего и не понял, - и Лариса горестно покачала головой. – Протри глаза! Ведь ты же меня просто придумал! Ты меня сочинил!

- Нет... это правда... Ты моя хрустальная девочка.

- Чушь всё это! Я обычная баба. А вот ты – ты хрустальный мальчик!.. Ну, чего ты? Чего ты? Ну что ты, ей-Богу! Ты плачешь, что ли?

- Лариса, оставь человека в покое... Нам пора! – потянул ее за рукав хмурый муж, чем-то вдруг напомнивший мне ее отца.

- Да, кстати!.. – спохватился я. – А как твой папа?

- Папа? Да он же еще тогда, в августе девяносто первого – помер от инфаркта... - почему-то смутилась Лариса. – Разве я тебе не рассказывала?

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

- Нет, конечно. Ни слова не говорила. Царствие ему небесное.

- Ты просто забыл... У нас там, в Крыму, домик... Папа мне его завещал...

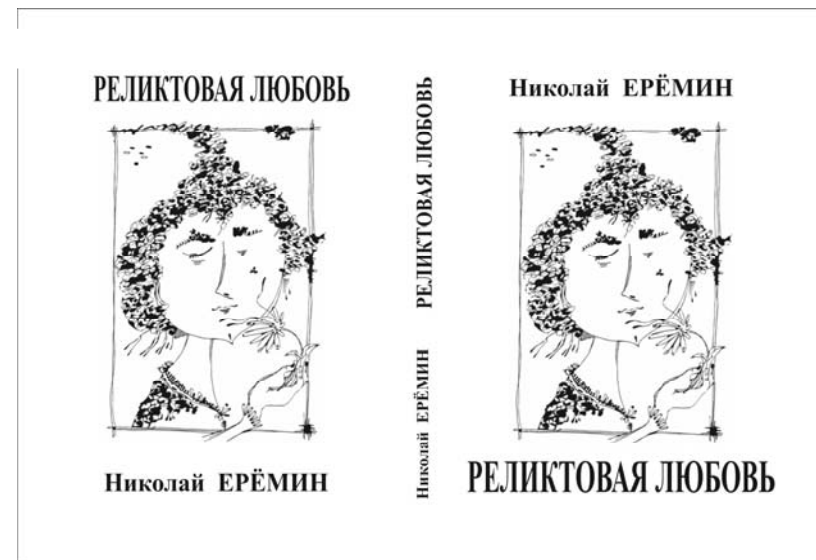
- Ну, Лариса! – снова вмешался муж. – Пошли! Там уже митинг начался! Пошли!

- Крым – наш! – закричали хрустальными голосами Руслан и Людмила. – Крым – наш! Крым – наш!

Ваш, деточки, ваш. Конечно, ваш.

Лето 2017 г.

Только что увидела свет книга

ИЛЬЯ МАРСОВ

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

ЦЕНТР МИРОЗДАНИЯ

Мне никто не мешает,
Меня ничто не тревожит,
Я учусь расслабляться
И уходить от опасных раздумий.
Я тихо перетекаю, подобно круговороту,
Я сижу у реки и отдыхаю глазами,
А цветы в уборах, в ново летних одеждах
Оделись по случаю первого звездного бала,
Я пришел наполнить Душу вновь живым дыханием
Ветер сел со мною рядом и звенит
Солнечные музы мне поют играя,
Перебирая солнечные струны
Над зеленым холмом, небо чистое
В мире где мы живем, все наполнено Смыслом
И все в этом Мире Живое, пронизано Жизнью
Это тихий экстаз, немигающих глаз...
Это Центр Мироздания, мы оттуда все вышли
И туда же вернемся...
И каждой жизни отмерено Время
Бабочкам, цветам и деревьям
Людям, птицам и звездам...
И все живет в гармонии с миром
Все равномерно, всё в сочетании с Небом
Соткано все из света и музыки...
И в никуда ничего не уходит

Не теряется, не исчезает
И на жизненный берег, вынесет худо-бедно, но верно...
Тихо так и покоем наполняясь Душа
Хочет музыки и вот слышна уже музыка ей
Тихо так и часы не спеша,
Меряют шаг наших дней...
...Горе-мать, ночь-сестра, хороводят делами
Эта грусть и печаль, заласкает, задавит..
Но спасают стихи и несут облегчение
Тянут Душу грехи и одно лишь спасение
Продолжать путь самоотречения...
Душу с ветром свяжи
Чтобы стать совершенным
Лишь мечтою дыши
Остальное все тленно
Голова пусть мечтает, а рука творит музыку...
Если знаешь за что, взялся ты, значит будет
По рукам и тебе, твоей славы цветок
Слово светлое в нас Человека разбудит
Даст опять новой жизни глоток
Все что сделаешь ты, отразит суть картины
И чего внесешь больше, перца или малины
Не затопится печь, без огня и без дров
И не скажется речь, если ты не готов
Не зашьется рукав, коль нет нитки с иглой
Не сотрется скала, без союза дождей и ветров
Не сготовить еды каши из топора, коли нет из чего
Если жизнь нам дана, значит есть для чего
Каждый должен спросить, у себя самого
...Позади уже шум, городской круговерти
Очищается ум... гаснут мысли о смерти...
...Прорастают Слова, через Почву Души
Соберу урожай, в долгожданной тиши...

ЧЁРНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Одарила страданьем сполна
Опоила до пьяна без вина
Не сказала что за дверью стена
А внутри идет большая война
Не ложила на весы нашу боль
Жгла надежды словно осенний лист
И была как без разборная моль
Разводила в душах гниль-пессимизм
И была как без глубинная тьма
И играла свою главную роль
...И сводила безголовых с ума
Эта роль ее была как разбег
Выбрав в качестве Мишени, планету Земля
Манекеном ее стал Человек
И по черному все Божье любя...
Глядя ласково, кричала: - Камбэк...
И держала за спиной адский кнут
Несмотря на отраженный ответ
Видя как Человек уж согнут...
Бери да надевай свой хомут...
Раздувала пламя близкой вражды
...И тузом становился валет...
Гибли толпами от тяжелой нужды
...И пускала корабли черных лет
И пускала нечисть, танцы на бис
Чтоб устроили пир чумовой
Выносила на круги чистый лист
Растирала пустоту с суетой...
Подсыпала грех да ложь без конца
И все это заливала бедой...
Остужала горькой долей сердца
Насылала болезни как рой

Чтоб помучились впредверьи конца...
И питалась ненавистью людской
И поила огонь-жеребца...
Не трезвонила на каждом углу
Шла неслышно да невидимо вслед
Оставляя муть да плен за собой...
И давала бесплатный урок,
Кто учился настоящему злу...
Но кто крепче был, шёл Божьей тропой
Неся Истину и праведный свет
...И как нить продевала порок
Через ветреных, как через иглу
Непутевых подзывала к столу
Разливала черный жгучий настой
Осенья сатанинским мечом
Знаком дьявола и меткою тьмы
Поручала разносить сивый бред
Сеять панику, там где есть просвет
Принимая после страшный зачет
По предмету суммы и тюрьмы
Оскверняя перекроем Мечту
Искажая меру вины
И была всегда у всех на виду
И ловя недовольства, обид
Семена зла почти на лету
Разметая сор по красным углам
Да давая волю грязным словам
Перемалывая пепел да смок
Рассыпая на дороге свой знак
...И смеясь что бездействует Бог
Самый главный Учитель, а теперь первый Враг...
Опуская на людские глаза, обман-пелену
Да готова лихой свой подлив...
И шли люди равнодушно ко дну

...И не зная, зачем жили они...
Наливая зелье в кубки князей
Покупая себе звоном друзей
Расставляя их по нужным местам
Да по тайным кустам...
Обходя дозором меченый круг
Наблюдая за большими людьми
Расширяя их грешный досуг
Заливая пьянящую дурь
Заражая неверьем умы
Те кто перед Богом сердцем кривят
Кто в волков перешел из ягнят...
Неуверенных, нестойких ловя
Обнимая, помогая упасть
И разбить в экстазе, Душу о грязь
И ловя их в огонь долгой тьмы
И по черному крестя, тех кто слаб
Кто своих плохих привычек стал Раб...
Не разгладить смятый мир утюгом
Мертвеца не отпоить молоком...
Отпуская ворона в свой предел
Направляя вперед черных гонцов
Сеять хаос, лить раскаленную злость
Те кому слепым остаться удел
...Так как видеть сам он не захотел...
Те кто в порошок стер свое лицо
Те кто предал матерей и отцов
Те кто все отдаст за золотую кость...
...Народ станут в страшный меч превращать
В эту палку о двух концах
Только стоит рознь и зависть зачать
Как польются сразу тучи свинца
...Позовут их на смерть голоса...
Подтолкнув на битву с самим собой...

Нагревая клеветой на войну
Кто готов без повода на разбой
Те кто вышел из себя и их назад не вернуть...
И страданием полон наш путь...
И уж не поднять крыла, держит страх
И все гуще внутри этот мрак
Меж добром и злом, грань-полоса
...Повернут вспять свои полюса...
Брось в недобрый час камень в толпу
И загнут люди друг друга в дугу
А как встанут, как получают по лбу
И Архангел затрубит им в трубу
Сколь головушек украсят траву
Море тел, реки крови земной
И кровавый закат, и прибой кровавой...
Мы историю своих дней стираем Войной
Разрушаем все ценности, старины вековой
Потому и не знаем что было давно
Кто и как и чем жил
О чем думал, что любил и о чем говорил...
И к чему он стремился и чего он достиг
И как переносил тела временный миг...
И покинув дома, ушли люди в мир новый
Переждать чтоб лихую зиму
Воют волки от страха и жалея людей
Чуют страшную угрозу всему
И идут куда ушел Человек, ища себе нового крова...
В свое время поигрались, позабавились всласть
Рвали плоть, рушили города воюя за власть
Вот последствия и всплыли наверх
Неожиданно вышли сквозь мрак
...И теперь как бы нам не пропасть...
И смешались эмоции, чувства, как грязный снег
...Это слезы такие или такой смех...

Захлебнулись в дерьме города
И течет по берегам гной, а не вода...
Что снутри не вычерпать, не промыть всем глаза
Не прочистить мозги, не оттаять Антарктиды сердца...
И не выправить совесть и ум подлеца...
...Жизни как одуванчики, дунь сильнее, летит пух...
Но нет смысла раньше времени, открывать в бездну дверь
Не для этого ты родился и жил
Чтобы в 30 разорвать этот круг
На том свете Душу посадить на мель...
...И окутает мысли паутиной неверья паук
Всех не вытащить, из ямы страданий и мук
Если сами они вылезать из дерьма не хотят
И как пули шальные, злые мысли свистят
И не выветрить изнутри смрадный дух
Если так же держать курс на верную смерть...
...Шлак идет, сполохи религиозных идей
Густой страх наводнил мир теней
Перешел черту слез, забвения и сна
Чтобы выжать из сердца из солнца свет до самого дна...
...И отходы, остатки, обкурки людей
Да не помнящих своего родства
Да не слышащих крик любви, плач детей
Чтоб затушить свет своего естества
Да не видящих туннель через прах
Да не верящих в собственный свет
Да не знающих то что до них
Да безмолвие от общей беды
Чтоб убить звезду, выключить мир
И прогнать мечты светлый лик...
От пустоты одиночества, грёз разногласия
От жалящих иллюзий и слов словно змей
От равнодушия и обыденной дикости
И бытовой стирающей личность безликости...

Крутит безвольных лихое ненастье
Редко кто здесь добивается Счастья
Жизнь так скучна и бесцветна, без новых идей и людей
Не отрывайся от своих душевных корней
И вновь от мелких непростых ситуаций
Мы ощущаем сердечные спазмы...
Все больше вирусных стремящихся к власти
Прячут свой вид черные масти
Когда кажется что все скоро закончится
...И наше тело от лени, раньше срока износится...
А пока кто как может, грехи свои чистим,
Доживем и все сами узнаем
А пока что живем, рассуждаем
Кто на сколько способен к погружению
В океан своих ощущений и мыслей
Чтобы встретить свое отражение
Наполняющих купол таинственным смыслом
Только знание, вылечит ума заикание
Заржавеет Мечта... загноится Душевная рана...
...И она шла сквозь время, за своей черной данью...
...И столкнулись аналог и клон
На исходе мирового кольца
И хотел Главный сделать контрольный патрон
Только с болью увидел
Как краски стекают со злого лица
И меняя реально его выражение...
От того что без света, он был жить не готов
И разрушилось вмиг черное отражение...
И закончилось противодействие
Как бессмысленное, пустое движение...
И вошла словно Сад, на всю Вечность-Любовь
Ну а там на Земле на всю параллель
Раздавался живой, торжествующий звон
Значит там жизнь вошла в свое новое русло

Обретя новый облик и новые чувства...
И безумие ушло, там где 7 раз отрежь, а один раз отмерь
И осыпалась ненависть пеплом и угас ложью стон
И пропал как и не было, ее огненный конь...
Ни любовь, ни вера, ни правда, ни суть
Не живут там где корни пустила беда
Там где черти крутят, вертят свои дела...
...Если хочешь ты жить по любви
И по вере, по правде, так будь и живи
На краю расслоившихся дней задержись
Не живи мой друг в немоте ума
В глухоте души, слепоте всех чувств
Лежа можно быстрее загнить
И живя возле леса, не знать свою природу
И находясь среди верящих, не иметь в сердце Бога
Не смотри что там озираются по сторонам
Они смотрят что сделает кто то
Чтобы после все это легко повторить
Без зазрения, без усилий ума
С ними ты не вяжись, за себя ты держись
И все будет, если сами себя не забудем
И не выйдем в этот пролом, провал через жизнь
Если себя спасем и кого то еще
И не будем говорить что мы здесь ни при чем
То от Неба нам вдвое прибудет

НА ПУТИ К ИСТИНЕ

Вывернуто Слово надвое
Смех раскатан на длину горькую
Краски в пустоте странные
Отрываем дни дольками
Сердце задрожит с тайного
Засыхает ум коркою...

..... *Илья Марсов*

Греемся святым холодом
Лечимся водой и голодом
Варимся в котле мысленном...
...А как идти... червями ползаем...
Стонем, что не то выбрали
Плачем, что не мы вынули
Да не с теми вырвались, да вляпались...
Корчимся от дыма горького да черного
...Телевизор ждет пленников
А кровать зовет бездною
Поздно будет, встанем на ноги...
Пролетают зори ясные,
Слезы по нам льют ласточки...
Что ж вы горемычные, скурвились да срезались
Не пошли дышать Радостью
Чистым золотым Знанием
Верой не умылись, бедные да грязные
Знали бы где Бог, верили б да чистились
Сколько силы в тьму позорную...
...Каждому свой хлеб им выпеченный
Каждому своя судьбы отметина...
...Снег ...а за стеклом жарко так...
...Точно где то здесь... Ангелы...
Вынь да и положи, ясное под ноги
Чтобы не упасть в пропасти...
...Сколько не найдешь Вечности
Все равно она не кончится...
Слопают слепым глаза вороны
Если будем пялиться в черное...
...Плоть она и есть плоть, Бог так выдумал
Но зачем искать пустого повода...
Дух сидит в каждом ларчике-человечике
Только от ларца, не все ищут ключ
Потому мертва молодость...

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

...На виду у своей совести...
...Время это схема странная
Все фигуры сложены, скручены
Псы на свою орбиту спущены...
...Бесимся, когда кто вынырнул
Не в свой век и не лезет в общий фарс
И не крутит серый, смертный круг...
Все мы на пути к истине
Но не всем дается Вечное...
Верная тропа трудная
Да и мы не просто так мальчишки-с пальчики
Колобки-ежики...
Добрых молодцев своих, каждый век выявит, выносит
И на свет, на бой выведет...
С виду мы простые, тёплые
Только мы как сталь, силой внутренней
Да языком как меч острые...
...Не смотри что мы добрые
Да не слушай наши басенки-побывальщины...
Просто ни к чему бить в грудь гордую
Знаем о себе да и хватит нам
Остальным то знать не надобно
Чтобы ерунду не лязгали
Разглядят наш ум и хорошо
Ощутят огонь под кожей
...Потому что лишь с Радостью
Широта Небес в нас вместится...
И гармония рекой обернулась
И живет в реке гармония миллионы лет
Где Любовь цветку дала облик свой
Да Мечта ушла в синие россыпи
В Звезды вся осыпалась...
С Божьей помощью, цветом, множимся
Каждый новый миг, в новой коже мы

Бабочками стали краски Божии
Зверем стали мысли, образы
А травой пространство скрытое...
...То что не дошло, позже выловишь
А что не прожевать, выплюнешь
Темень из себя выгонишь
...Даже если Свет... пьешь как чай...
Тех кто не познал, выправишь
Чтоб они вернули себе должное, долги поздние...
...Кто в безмерном, в меру катится
Не свернет свой ум, не свалится...
...Каждая труба громкая
Да не все слова, в службу нам
Да не всякая рука, дружбой нам
Да не все глаза, с радостью
Да не все сердца с чувствами
Да не все здесь губы с поцелуями...
...Кормят нас лишь люди добрые...
Кормимся не тем, что можем мы,
Заняты не там, где должно нам...
...Шастаем кругами стертыми да скользкими...
...Было б счастье... да несчастье тут как тут...
Может чем поможет?! Да не знаем как...
Словно сердце беду чуяло
Не дало уехать в тот момент...
Все мы знаем, случай косит нас
Только береженого, Бог хранит
Так что ты мотай светлое
Гни свои прямые, на извилины...
...Те кто сам дошел до мудрости
Те кто мудрецом, стал своим умом
Те кто не мудрил, а жил в ясности
...Делал что умел... был занят вечностью...
Если б каждый мог с радостью, искренне

Жить не притворяясь темным облаком
И не прячась за пустой слепок красочный
Не играя в игры лицемерия...
Нужно лишь от суеты и от помех нам отстраниться
Тогда ум и сердце наше удивится
И навек соединится
И всегда найдешь ты сам здесь
У кого еще чему то, можешь научиться...

В ГОНКЕ ЗА ЗАБВЕНИЕМ

В гонке за забвеньем
Растеряли все внутренние звенья...
Перешли реальные границы
И от горя почернели лица...
Ценности размыты... сердце не прикрыто
Теперь в отношениях правит Аэлита...
Вытрясли все мысли... честность разменяли...
Трезвыми родились... а потом поддали...
...Из Души великих... бесов изгоняем...
Слюнями, соплями снова истекаем
Завистью и злостью... как дерьмом воняем...
Заменили радость... посерели чувства...
...Жить по-человечьи... редкое искусство...
...Тех, кто верит в сказку... почти не осталось...
...Плачет беззащитность... нищенская старость...
Даже умереть нормально... права не осталось...
В норах сидят овцы... волки теперь правят...
Слабые сдаются... на тот свет уходят
И ни с чем в итоге сами остаются...
Ничего хорошего себе не находят...
Головы помойки... в них дерьмо сливают
Пол страны бездельем себя убивают
Пол страны по койкам, никому не нужные

Немощные люди... тихо умирают...
...Те, кто уцелели, в битве за надежду
...Уж не те, что прежде...
Давит на затылки... смерти неизбежность...
К старости унылой нищета сдавила...
Хоть всю жизнь трудились, век тянули жилы...
В сырости да вони... в холоде да пыли...
Дырку от баранки... да дырявый грош...
Блоху на цепи, да на аркане вошь
За их горб вручили...
Совесть в параллели... вера в летаргии...
...Мысли, словно гири...
Льют дерьмо с эфира, даже не забелят...
...Одиночки Мир... за день не изменят...
Радость не живая, смысл давно отключен...
От неразберихи, нас по полной глючит...
И от страха крючит...
Гноем полны речи... смерть с телеэкранов...
Дыры заткнуть нечем... люди как бараны...
Выключив сознание... пьют и умирают...
Так и ничего о себе, не зная...
...Все летят куда- то, хоть некуда спешить...
И машина всмятку... и Душа в гармошку...
Умирают быстро... только видеть тошно...
Даже в гроб бывает... нечего сложить...
От пустых законов, от гнилой системы, завелись крысы...
Для отмазки ловят... кто тут самый рыжий?!
Местного разлива... общего масштаба...
...И сквозь пальцы смотрят на все это в штабе...
И свою продажность почти не скрывают, черные отродья
И гребут клешнями, толстые уроды
Как траву корова, деньги поглощают...
И им совесть душу, не отягощает...
Это ж не рюкзак, значит, не мешает

Быстрое богатство... сразу сна лишает...
Только бы дорваться... и не оторвешь и не прогонишь...
Сколько от таких... грязи, срама, вони
И во все века власть на руку была нечистой
Им людская правда... словно в нос горчица...
И по всем приметам...
Верить станешь поневоле, в близкий конец света...
Никуда не деться... от злобного соседства...
Жизнь набор из специй, жгучих или терпких
Мало кто здесь сможет это прожевать,
Кто все съест и стерпит...
Большинство пытаются... просто выживать...
Сколь авантюристов, столько дураков
Был бы лишь товар... а сбыт найдется...
Тот, кто на крючок по дури попадет...
...И ходить не надо далеко...
...В тупике сознание, люди как дрова...
Кренит не в ту сторону... пустая голова...
Мало кто суп жизни, до конца доест...
Все лезут в депутаты, сладок этот крест...
Растет число нищих... как и олигархов...
Нынче жизнь такая, горек даже сахар...
В голове у каждого, собственная плаха
Ох пивное время... весь мир на ушах...
Битва за наличность... все дни на ногах...
А народ рвет жилы, чтоб их дети были, сыты и одеты...
Ни о чем другом... даже мыслей нету...
...Все сны на руках... ох грехи-шелка...
...То инсульт... то рак...
Да подделки жизни, у всех на глазах...
...Крик впечатан в лица...
Все больше стремятся... денег заиметь
...Чем еще гореть... и о чем еще здесь петть
Нет ни слов... ни мыслей...

Со всей дури люди... ищут свою Смерть...
Проржавела Память. ложью не спасти...
То, что предначертано... должен пронести...
Будь в своей Реальности, и не будет худо...
...Заразил нас Запад...вирусами блуда...
Ангелы хранители нам умершие близкие
Хоть мы их не видим,но они к нам близко
Но не искушай судьбу,на рожон не лезь
Если ищешь смерти
То они не в силах изменить твой крест.
...Режут не хирурги... суки-дилетанты...
Они не дают никаких гарантий
Ксиву получили... а знаний никаких
Умирать ложатся, кто попал на них...
...Словно тараканы...развелись целители
Наших хворей, нашей порчи точные определители
Наших внутренних и внешних бед великие ценители...
Судя по одежде...сразу же прикинут
На сколько таких лохов, раскрутить и кинуть
Кто смертельно болен, посещая их потеряет время
В их искусство веря...
Ты ищи сам свои средства, если хочешь Жить
...А иначе ты до завтра... можешь не дожить
...Мусорные песни, глупые слова
Наплевать на вкусы... все съест голова...
Словно через ксерокс, все тела и лица
Словно клоны... новые артисты
Принимайте Души-Уши... все для вас сгодится
...Край заполнили, толпы иностранцев
Перешли реально... здоровые пределы...
И еще гнут пальцы, разные засранцы...
Разучились наши что ли, делать свое дело?!
Тихо на запчасти... людей разбирают
Дети на продажу... сироты при мамах...

...Юные нимфетки, думают что бабки, за безделье платят...
Но и там работать до 7го пота, телом заставляют...
...Рожи в иномарках... строй щитов рекламных...
...Дергают беднягу... много нынче главных...
Хоть неон повсюду... внешняя куражность
Яркая картинка... привлекает в праздник...
...Люди потемнели, стёрли свои чувства...
И на первом месте... размер губ и бюста
Смылась радость жизни... потерялась яркость,
И бутылки дни разбили... пьют теперь остатки.
...Поджимает возраст...
Кто тут о здоровье, думает серьезно?!
Вылезли болячки... из здоровой спячки...
И глотай таблетки... леденцы-конфетки...
...А такой пустой уют... медленная пытка
Невозможно дальше, с нелюбимым жить так...
Башню рвет грехами видно от избытка
Денежного нала...
От дурных желаний, от больных фантазий
Всюду искушения, есть полный набор, всех грехов и грязи
И стремление к свету, уж почти пропало...
Лезут из щелей...похоть и соблазны
Предлагая утонуть в экстазе...
Партии и секты... все официально...
расползлись пороки ...черные потоки
Не сердите небо, вы совсем не боги...
И никто не смотрит, за людской моралью...
...Время смуты духа...
...Эй, куда ты лезешь... Ангел лопухий...
Головы пробиты и мозги пролиты...
Головы проеты, головы пропиты,
Головы раздеты, головы разуты...
Каждый год являются... то Христос то Будда...
И гребут наличку с дураков

Лишь за обещанье... показать им Чудо...
...Ведь рабы привыкли и уже не могут без оков...
...Стала не похожа, на себя Природа...
Изменяют климат, глупые уроды...
И смешались в кучу... все времена года...
Пламя ключев знамени, да понятия смутны...
Внутри пыль да пепел,
Каждый катаклизм, для нас как день судный...
Ум да совесть... не нужны нам боле...
Голова безумствует... она ж не в божьей воле?!
Нет нигде контроля...
Мир давно не в духе и уже на грани, скрытого раскола...
...Головы все чаще, рвутся здесь от боли
Снова вверх давление, внутри и снаружи...
...Мост к Душе разрушен...
...Варимся по жизни в собственном соку...
То, что ясно мудрому, кажется какой то, хреню дураку...
...С пивом, с сигаретой, юные создания
Поднялись травой-дрожжами, только ум не взяли...
...Хочется им взрослых, грехов испить вволю
Да не знают дети, тяжка эта доля...
Жизнь еще готовит, для них испытания
Лихо с горем собирают, им в мешки страдания...
...В армии как в зоне, унижают слабых...
Навели паскуды дикие порядки, оборзели гниды
Пацанов доводят здесь до суицида
...Форма пахнет смертью...
Рвут безвольных звери... молодые черти...
Армии боятся... не хотят служить
Деда беспределят... а хочется пожить
...Ветер глупый дворник, сор метет на нас
Трубные драконы выпускают свой заряд
Не настроить Мир на Новый Лад
Если не промыть Душевных глаз...

Не направить жизнь на новый Мир
Если не изменимся сейчас
Наши мысли как рукопожатие
Только не у всех есть отражатели
Время перехода к осмысленной жизни
А иначе вышка...
Любит Бог дарить нам странные сюрпризы...
...Видно достают Его... глупость и капризы
Все от нас зависит,
Примем ли участие, мы в своей судьбе
...Разорвали счастье...не зашить сто лет
Стал санкционирован сверху этот бред...
Оторвали цельность, не поможет скотч
Днем уже боимся...что говорить про ночь
...Только себе сами, сможем мы помочь

АРИИ-СЛАВЯНЕ

Сто веков нам стужа, закаляет Душу...
Силушки немерено, рвется жар наружу
К вечности сквозь стужу
К небу сквозь сугробы
К знанию путь особый...
На таких просторах ощущаешь Вечность...
Горе да беда, вытряхнут привычно нашу человечность
Сто веков добра, скрытого под сердцем
Сто веков ядра, дух единоверцев
Сто веков в вине, ищем откровенье
Сто веков глядим, в зеркало течения
Видим свою плоть, Дух вне отраженья
Сто веков мечта где то затаилась, скована неволей
Сто веков несем за плечами ношу русской доли
Поиск жизни соли, да испытанье воли
И пока свой стержень, Духа не разбили

И пока огонь, Веры сохранили
Учит своего Ивана...сто веков на грани
Сто веков мы в поиске Русской Нирваны...
Все у нас нормально, продвигаем в жизнь вековые планы...
Утрясется все и будет так как надо
Здесь житье на радость
Сто веков луны, поиска лекарства
От русской хандры, от скуки и от лени...
...Сто веков осталось, до земного царства...
Когда снизойдет мир, на людское братство...
И освобождение от больного плена...
Сто веков текут, реки русской крови
Сто веков болезни лечим, верой и любовью
Сто веков исканий, вечного желанья, светлого покоя
Что согреет раз и навсегда
Что растопит кипятком ,ледяные души
Чувства, мысли, жизни и мир станет лучше
И расскажет тайну мира мудрая вода...
Сто веков войны, за свою свободу
Сто веков в огне, поиска душевных бродов
Чтоб понять природу Русского народа
Сто веков борьбы, чтоб убить в себе черного урода
Сто веков здесь спор, головы и духа
Сто веков прогресс, смертная наука
Что принес нам всем, только грязь и муку...
Сто веков мечты, чтобы возвратиться
И узнать свое предназначенье...
Кто же теперь сможет, сделать заключение...
Что же будет с нами, дальше ввек звериный
Лишь от нас зависит
Что мы нарисуем, на своей картине...
Может и из нас что то получится
Если станем мы, верою лечиться
Знаю, сможем мы, жить здесь научиться

Если перестанем, смертью мы лечиться...
...Добровольно спрятав душу в заключение...
...Грязи силы даст... чаша всепрощенья...
Сто веков беды, чтоб освободить что в себе держали
Сто веков воды, чтоб соединить, то что разобрали
Сто веков забвенья, зеркала земного
Сто веков терпенья, до поста святого
Сто веков руды, стено пробиванья
Сто веков звезды и самоосознания
Сто веков мы черпаем, слово полной мерой
Сто веков уже от беды до веры
Сто веков мы ищем, через просветленье
К Богу свои двери...
И придет мгновенье...
Где Душа простится с телом, стоя у постели...
Сон и явь смешались, как тут отделить это наложение
Кто здесь остановит это зараженье
И по нам же бьют, мысли-отраженья
Сто веков незнания и блужданий в чаще
Сто веков в плену, кривды и злосчастья...
Сто веков в себе, ключ от жизни тащим
Сто веков непознанное, живёт с нами рядом
Лишь только сейчас, сдвинулась преграда
Лишь творец решает, дать ли хэппи энд
Люди не мультяшки, мир не Диснейленд...
Сто веков преданий, сказок и легенд
Эхо тех бескрайних и загадочных времен...
Когда был один язык у всех славян
Когда жили вместе дружно 1000 племен
И никто в другой Душе не искал изъясн
Сто веков стены, в поиске ответа
Сто веков славянской сути, выраженной в «Ведах»
Сто веков разгадки, Божьего секрета
Сто веков врачует наши Дух и сердце, серебро из песен

Сто веков вины, что в душевный суп, сыпем грех как перец
Сто веков мы чувствуем, как мерцает Вечность...
Сто веков мешает, жить нам грязь и плесень...
Сто веков все ждем, мы святые вести
Дети равновесия, огня и воды, стужи, сна и света
Дети красоты, слова и рассвета
Когда кончится война... только Небо знает
...Когда верхний слой... истины оттаит
Сто веков пути, от земли до неба
Сто веков труда и добыванья хлеба
Сто веков познания, знахарей, ведуний
Сто веков сомнений и больших раздумий
Мы сошли с пути к себе, но вернемся вскоре
Только разберемся, мы с бедой да горем
Сто веков Любви, песни изначальной
Сто веков земли, Господом венчальной
Через Дух Воды, мы познаем Вечность
Когда груз свой сбросят плечи, снимут Души
В ошущеньи встречи...
Сто веков грызут плоть, словно звери-люди
Сто веков все ждем, мы земного чуда
Сто веков война, во внешнем антимире
Сто веков волна, хаоса в сознание
Только бы не довели до точки и Души не пробили
Сто веков рвут звенья, мы соединяем
Придет час прозренья и мы о себе, всё тогда узнаем
Сто веков на нас сходит вдохновенье и поднимает выше
...Там где нашу душу, Бог уже услышит...
И к себе приблизит и научит тайне Слова
И доверив нам... для творенья даст основу...
...Время есть Праматерь
Время это Рыба, песня Океана
Время как Обертка мировых пространств
Время это Соль, в супе Мирозданья

Время это Фреска, в Храме тишины
Время это Маска на Лице небес
Время как Туника, на Теле Материи
Время это Шапка, на Голове Творца
Время это Песня, тем, кто ее слышит
Время это Вата, в щелях Пустоты
Время как Воронка, скручено Рулоном
Время это Галстук, на Рубашке снов
Время это Яд и всю жизнь мы ищем свое противоядие
Время как смех струною дрожит и отпускает
Время как крик, эхом летит
След в нас оставляя и отражаясь...
...Все что идет с запада, большей частью мусор
Изменяем Дух свой, засоряем Мир свой, нам ненужным грузом
Всему новому навстречу, открываем голову и Душу
И хотя порою этим, свою суть мы душим
Удивляет мир, ох всеядность Русских
...Но их ценности нам чаще, неудобны, узки
И берем что видим, и плохое и хорошее
Постепенно впитываем, чтоб понять всю сложность
И отделить что ложно
Берем не раздумывая, то что нам предложат
А потом отсеем, то что нам негоже
Этим отличаемся от других народов
То что дорожим всех больше внутренней свободой

РОЖДЁННЫЕ ДЛЯ СВЕТА

В похмельных снах искал я истин хрупких
И получил мистический ответ...
...В помощники мы взяли глупость
А за основу полный бред...
Мир равновесья очень хрупок

...Реальность вечности скелет.
Психоделический портрет...
В похмельных снах лишь черти, страх, огонь, тупик...
...И что в реальности лишь катит
Уж в параллели ты достиг...
Кто на лету немое схватит
А кто не врубится в ответ...
А кто уйдет, не приняв этот миг...
У каждого свой свет и свой секрет...
Непредсказуемостью странной
Все дальше жизнь меня влечет...
Но стоит выглянуть за грани
Увидишь злобу и расчет...
Не приближая мысли к образной основе
Нам не соединить все звенья...
Нас неудачи рвут, кидают в омут
Когда не гоним прочь, нелепые сомненья
...Внутри проходят измененья,
Что не постичь, коль не вникать
...Внутри глубинные течения
До них пытаюсь я достать...
Мы к неудачам не готовы
У нас нет ясного терпенья...
Мы со своим талантом в жизни
Словно на льду коровы...
Не можем сделать главное скольжение...
Я не уверен в том, что будет
Я не уверен в том, что зримо и незримо есть...
Я пробивал несчастья грудью
Я вел свой поиск вечной сути
Смешав все в огненную смесь
И вывел то что слышишь здесь...
А мы качаемся буйками
Не всем дано стать тишиной...

А мы плетем, гребем, мечту-любовь глазами и руками...
В немых мыслях отчужденье
И бьемся в одиночку с пустотой...
И не ища освобожденья,
Себя мы вяжем темнотой...
Боясь людского осужденье,
Мы не становимся собой...
Боясь все изменить, стать Настоящим
..Боясь, мир повернуть иначе...
...И кто то вычертит Словами
А кто то Краской на Холсте
А кто мелодией печальной
Все то что происходит с нами...
...И Соль Души близка Воде...
И можно прекратить гнилой процесс
Еще на стадии начальной...
Мы таем, крошимся в чужой, кислой среде...
Мы до сих пор не знаем кто мы есть
Зачем мы здесь...
...Хотя Веками Изучали...
Нас зависть с потрохами ест
И мы друг друга не прощаем...
Если у нас к чему то вдруг пробьется интерес
Его мы давим уж в зачатке
Ведь дурь свою не укрощаем...
Зачем нам трудности, враги
И как орех мы свой талант, свой рай расколем...
Вновь молотком безволя, хмеля и тоски...
И за черту огня навек уйдет, тот,
кто не справится с собою...
...Великий путь проходит через нас
И он ведет в небесный лес...
Но мы стыдливо прячем мысль и совесть
От равнодушных черных глаз

Чтоб не спалили наши пустые достижения...
И думаем потом займемся, но только не сейчас
Но ощущаем почему то унижение...
И видя это, нас в сети ловит бес
За то, что ты не выбрал свое место, среди свободных мест.
Никто нас не поднимет до небес.
Когда мы против жизни...
Бессмысленно себя раздавим здесь...
Когда все кончится... Душа утратит голос
И оборвется тобою, не написанная жизни повесть...
Рожденные среди камней, пророки и паскуды
Святые и иуды...
В чистой воде не видим своей сути
Плюем да мутим...
Нам так хотелось Любви,...но её встретив
...Мы не поверили в Любовь
...На Зов сердечный, не ответив
...Сами ее прогнали вновь...
...Сквозь решето пустых веков,
Сквозь зеркала кривых мозгов...
Пока себя вы не срубили, ищите свой душевный кров
И стройте свой духовный плот,
Чтобы отсюда навсегда уплыть в Любовь...
...Когда Душа зовет незримо
Нас в свой немыслимый полет...
А Вечность есть неисчислимость...
Мы пьем ее... а Вечность это жидкий лед...
В исходный час войдет надежда
Когда увянут все цветы...
Мы потеряем себя прежних
Когда забудем все Мечты...
...Ведь раскрутились все болты
И закрутить сейчас их нечем
Вокруг безмолвие вражды...

А небо давит мне на плечи
Немеет сердце от предчувствия беды
В пустыне отчуждения Я...где злые речи...
...И где найти Живой воды...
В Душе я зажигаю свечи
Чтоб на последнее дыханье
Рвануться до живой звезды...
И уже там пройти еще одно земное испытанье...
А Вечность состояние живого сна
Мысль Света, ощущение и состояние льда и огня...
...Когда внутри идет, здесь никому кроме тебя
Невидимо-неведомая страшная война...
И интуиции мои глаза, все глубже погружаются стихами...
И ветер нам играет на разные лады
Ту музыку Создания... счастливого сознания...
...Здесь не слышны стихи и песни
Чтобы творили Чудеса...
Чтоб поддержали Небеса...
...Себя мы Истиною взвесим
...И Господь чистотой покрестит
Лишь тех кто жил ей и страдал...
И даст Душе и знание и глаза
И силу Мысли и свои паруса...
Чтобы несли благие вести
Чтобы творили свои песни
Чтоб занимали в светлом стане свое место...
Нутро безумием раздето, что оголилася Душа...
Мы Душу подменили телом, но чем она не хороша?!
Творить Душе мешает тело и не дает мечтой дышать..
Возвышенно и не спеша...
И где в руках угли и мелы
Те не умрут бездушной тенью
И крикну клич им «Так дышать"...
И музыкальную абстракцию, сюрреализм бездействия

Для смертников ночь на гитаре наиграет...
И безнадежно небо удивляем
Свою святую половину, в себе бессмысленно стираем...
И жизнь бездумно засоряем
Не помня что она лишь Божие мгновенье
Мозг забиваем всякой хренью
Почти со дня своего появления
Если себя ты позабыл и умер так бесследно
Никто тебя не станет воскрешать...
И то чем жил, какие сеял думы
По ним тебя и будут там решать...
...В склепах нужды мы озверели
И обступили... шепчут люди-змеи...
..."Отсюда некуда бежать...
Ведь все равно однажды сдохнем...
Что здесь всем миром пропадать...
Ослабнем и ослепнем и оглохнем...
...Зачем сейчас себя любви лишать...
Зачем себя пустой надеждой
Опять напрасно искушать"...
...Зачем больным и нищим духом
Опять для мук детей рожать...
...Договорились до блювотин
Как переели первача...
...А мы умом все ищем броды
Хоть сердце знает суть ключа...
Хоть сердце чувствует глубину и где пройти
...Где сможем мы себя найти..
Где только небо, позади и впереди
Где сможем истину в стакане развести..
Уж больно жгуча и ядрена
До дна не выпить без урона...
Себя мы наблюдаем и ловим вдохновение глазами
Мы космос черпаем сердцами

И Дух наш в созерцании пути.
...Давно в обиде Мать-природа
Мечи решили с ней скрестить...
...Но не отнять суть у свободы...
Хотим халву с дерьмом, слона с ежом скрестить...
И сможет ли она простить?
...И мы себя еще при жизни наказали...
Что может быть Там гаже, хуже
Всего того, что мы уже здесь испытали...
Куда таких там ставят в службу...
...Есть 10 заповедей Бога
Чего же проще жить по ним...
Но мы пассивны и ленивы, и убоги
И лепим на себя безумно
Чужой мечты нелепый грим...
Нам бы насытиться, напиться
Остаться с миром, с малым, но своим...
Меняемся в лице и в мыслях, глядя в небо
...Но все законы внутри каждого из нас...
А мы все плачем о деньгах и хлебе
И с каждым шагом портим зренье
Когда то чистых, честных глаз...
...Каждый плевок он против нас...
...Что слито воедино с нами
У нас уж это не украсть...
Как выдохнуть себя ,Любовь, чтобы не задохнуться...
Не потерять друзей, опоры прежних слов и дней
И от своей звезды, нам сгоряча не отвернуться...
И Бог хранит нас от пустых огней...
...Творцы уходят на другую часть заката
По ту сторону взгляда...
Чтоб в запредельность новой жизни окунуться
Чтобы водой, лучом вернуться...
...Все больше падают, сдаются

А цель на горизонте так мала...
А тучи пыли, грязи в стену бьются
...Мы по ту сторону стекла...
...Глаза, рожденные для Света,
Мы погружаем в темноту...
Дозреть кто хочет до ответа
Подняться должен в высоту
Кто созревает до ответа
Тот покидает суету...

ПО СТУПЕНЯМ БУДНЕЙ

Потные да пьяные
Да с внешними изъянами
С вирусными мыслями
Да с мечтами кислыми...
Дерзкие да ранние
Утром запредельные, ещё за экранные...
К ночи обозленные, снова невозможные...
В отношениях странные, в пониманье сложные...
Смешанные русские
Без огня бесцветные, потерявшись ...тусклые
С толку сбиты обществом...
Неблагополучные, в сердце обесточены
Давят вековые... страшные пророчества...
Жалуемся, родичи нас не обеспечили...
Разума не дали... сделали калечными
Думать не приучены... к горю бессердечные
Шуршат тараканами, через серость встречную...
...Времена песочные...
Жизнь не по потребности
С вирусом неверности...
Воровство от жадности
Воровство от бедности.

Судьбами просрочены...
Да мечты все ржавые
В спешке жизнь сколочена...
К смерти плыть...досрочные
Все дела иллюзия...
Интересы сузились
Раненые горькою...
Нас от дури торкает
Стали злыми орками...
...Не прожить обманами
Жизнь по человечески...
Нам дружить бы странами
Да делиться с радостью, идеями да планами...
Да стремиться к вечности...
Мы ж как сумасшедшие, паримся да мечемся...
А приходит смертный час, а Богу дать то нечего...
...А предъявить то некому...
Вроде бы свободные, но хотим быть зеками
Словно отсидевшие... многие с наколками...
Вроде не калечные
Да голова не скручена
Кой чему научены
На кое что наставлены
Да в судьбе не включены
Да дерьмом приправлены...
Вдоль да поперек, небом уж изучены
Да тоской разбавлены
Да пустотой отравлены...
...Наши песни долгие, протяжные
Наши сказки мудрые да добрые
Наши думы сложные да ясные...
...Счет за правду... ребрами
Выбрали за нас уже идеалы ложные
А черпать дерьмо... тошно нам

...Тощие да хилые, синие да бледные...
И не знаем бедные
В чем же наше главное
Сердца дело славное...
Не трансцендентальные
...Но медитационные...
На выдумку спонтанные
...Когда умом голодные
Когда Душой свободные
...Срезанные... стертые...
Суею... запертые
...Если верим...намертво
В цели мы упертые
А внутри как зарево...
...Сколько переделано
Сколько наворочено...
Наше дело верное
Наше время точное
Наши нити прочные...
Станем мы проточные
И как мед целебные
И руками крепкими
Вывернем гнилое, черное, порочное...
Наша зрелость долгая
Наши мысли тонкие...
...Стали мы беззубые
Стали безволосые
С ломанными судьбами...
Курим одну на двоих
Из чужих стаканов пьем
...Дрянь туберкулезную...
Стали слишком скучные
Стали слишком мрачные
Стали слишком тучные

Или слишком стройные
В чем то неудачные
Но Любви достойные
...Красноречье снов, уж почти открыто
Горек жизни плов, да с лавровым ситом
Не понять основ
Если не просеять, чувства через мысли
Не найти обнов
Для Души разбитой...
Не зажечь себя огнем, не найти отдушину
Чистую простую, верную да нужную
Если был безглазый и Душа бастует
Если пьяный мозг... черту салютует
...Разберем по косточкам, то что непонятно
Наизнанку вывернем, то что неприглядно
Чувствуем великое, то что зреет внутренне
Поднимайтесь к небу, по ступеням будней
Никто не рождается сразу мудрецом
Вначале станешь сыном, потом учеником
Потом ты станешь мужем, а после и отцом
Нужно набираться нам Разума с годами
Доберемся все же, к истине бродами...
Лишь через усилие, лишь через терпенье
Станем внутренне красивые, станем божьи звенья
Бог на нас надеется, что не почернеем
Выстоим в невзгодах, злом не заболеем
Путь ища короткий
Сквозь болота выйдем
Да Небо не обидим
Мы луженой глоткой
Ум не потеряем, от своей свободы
Как с бутылки водки...

МАРГАРИТА АЛЬ

МОЛИТВА МАТЕРИ

сегодня никто не убит
сегодня никто не убил
и завтра бы продержаться
и завтра бы отстоять

так важно
и завтра сказать
сегодня никто не убит
сегодня никто не убил

ЛНР

по городу бродят ангелы
по городу бродит смерть
взявшись за руки
взявшись за руки стоят памятники
деревья стоят взявшись за руки

в небе стрижи встревожены
нет разомкнутых рук
парки стоят и площади взявшись за руки
взявшись за руки
дети стоят
взявшись за руки

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Дадатск
Нетнетск
Данетск

* * *

ну как тебе живётся
между мной и Богом
без имени
без тела
без души
пространство будущего слова
пространство будущей любви

* * *

во сне я обнаружила
нетронутое временем пространство
мечты
как вещий сон
о прошлом кто из мёртвых не мечтал
чья ёлка я
на празднике каком
под тяжестью шаров янтарных
под серебром и золотом гирлянд
чей фейерверк ликует надо мной

* * *

океан превращаясь в песок
так же красив как небо
красота требует подвига
подвиг требует красоты

XXI век

ситуация совершенно парадоксальная
Мир не то что бы не хочет мира
Мир хочет справедливой войны

ОНЕЦКД!

не удивишь
не испугаешь
здесь стих как гонг
единственная речь
и звезды здесь не звёзды
осколки бомб
осколки веч
ности

война и мир
мир и война
восторг
забвение
и вновь восторг
распахнут горизонт
со всех сторон распахнут горизонт
и свет летит на зов
и тьма скользит атласным покрывалом
и дух сорвавшейся звезды
вопит
как зверь вопит сорвавшийся с цепи
и я ору
ору
слова
взрывая звук пространства

ору как смерть орет сквозь небеса
ору как жизнь орет сквозь смерть орет
ору как век орет сквозь взорванную вечность

здесь нет
здесь и сейчас
ни завтра ни вчера
здесь
не развенчан миф богов
о малом и большом
и я ору

ура ура ура ура ура ура ура ура ура
ура ура ура ура ура ура ура ура ура
руууукккоооппплллееещщцууу
в стооооооооооооооо тысяч рук
здесь и сейчас

здесь и сейчас
развёрнут круг в струну
развёрнута страна

любовь моя и боль моя и страх
застывшей лавой слёз
пульсирует в груди
и тает на глазах
и я ору
упёршись горлом в небо
Онецкд
О хайрэ! хоэ! гоньо!
арьц изньж
огбь мертьс
ушадь одр
укамирь бнято
лыеа лыеа убыг
ору

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

Онецкд! Клуганс! Аодесс! Вкие!
Жпари! Амоскв! Нвашингто!
ору
раскинув руки и слова

МАНИФЕСТ АЛЬ

ЭЙЙЙЙЙЙЙЙЙ

[illegible]

вот инструмент каждого будущего гражданина
красками радуг раскрасим язык души тела лица
улицей вверх взметнётся воздушный

..... *Маргарита Аль*

лѐгкими

душами

я сама подойду

и нас станет на одного ангела больше

* * *

зззззззз звуки сссс слово цифффы цифррры

В ЭТИ ДВЕЕЕЕРИ

В ЭТИ ООООКНА

В ЭТИ ЩЩЩЩЕЛИ

ухожу в другую плоскость

ухожу в другое время

ПАВЕЛ ПОЛУЯН

ПСИХО

Он шел весёлый с веничком в руке,
Она с букетом шла ему навстречу.
Он посмотрел с улыбкой на букет
И захотел обнять её за плечи.
Она, увидев этот жест его,
К нему губами сразу потянулась:
Они друг к дружке бросились бегом -
Так встретились алкоголизм и дурость!

РЕКЛАМА

Семнадцать роз за тысячу рублей
Купил пацан своей пацанке тощей.
Он подарил букетик этот ей -
И сразу стали отношения проще.

КРОВОИЗЛИЯНИЕ

Он девушек довольно часто лапал,
Но, опасаясь за сердечный клапан,
Он лапал их поверхностно, слегка,
И никогда не нарушал УК.
Но вот однажды, выпив в баре рюмку,

Он, как всегда, залез под чью-то юбку
И спьяну совершил насилие акт,
А в результате получил инфаркт.
И с той поры под капельницей лёжа,
Предохраняя жизненную нить,
Он фигурально, если что и может, -
Так только лишь в бубенчики звонить)))

ГЕЙ И ГЕЙШИ

Гейши издевались над мужчиной
Угрожали мужество отнять.
Избивали длинною рейсшиной,
Выражаясь: «Ах ты, твою мать!»
Дергали рейсфедером ресницы,
Циркулем кололи между ног,
В дырочки ему вводили спицы,
Уши отрезали, как Ван Гог.
Выбрили мужчине всю макушку,
Стукнули чертежною доской,
В рот ему засунули подушку
И ушли, охвачены тоской.

КРЕАКЛ

Сам собой утончённый тщедушно,
Повелитель неведомых сил -
Он носки не стирал, потому что -
Без носков постоянно ходил.

В черных шлёпанцах, в белой панаме,
В молодежных штанах галифе -
Он любовь свою к Пиковой Даме
Исповедовал в темном кафе.

Попивая холодную воду,
Он кальян за кальяном курил...
Вскоре дама явилась народу,
Оказалась она - крокодил.

РАЗБОРЧИВАЯ МАДАМ

Он ей колечко подарил,
Она ему сказала:
"Ви - волосаты гомодрил,
Подите прочь из зала!"

Он Lamborghini ей пригнал,
Она сказала: "Битте.
Вас поцелую я одна,
И быстро уходите!"

Он подарил ей целый дом,
Она открытым текстом
Сказала: "Ви иметь кондом,
Чтоби заняться сексом?"

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Англичанин класса мидла
Джентельменке говорил:
"Ты - мой пудинг и повидло,
Я - твой страшный гамадрил!"

Будем вместе тусоваться,
Попивая сладкий ром-с.
Будешь ты - как доктор Ватсон,
Буду я - как Шерлок Холмс!"

Джентельменка отвечала,

Разрезая бутерброд:
"Ты попробуй для начала
С мылом выполоскать рот,

Простирни свои носочки,
Ноготочки подстриги,
Целиком помойся в бочке,
Сделай в писсуар пи-пи,

А потом намеревайся
Тусоваться every day...
Я, вообще-то, very nice, -
Так что, парень, go away!

НОВОЕ НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ОБЕРИУтов

Всё помаленьку завершилось.
Окончился последний бой.
Солдаты, не смотря на вшивость,
Идут домой под звук гобой,
Они поют о женских ножках,
Воротнички на шеи шья...
И только маленький Антошка
В людей стреляет из ружья,
В друзей стреляет из ружья,
В себя стреляет из ружья.

НА ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ!

Вдоль речки Качи - детский городок:
Катушки там, скамейки и качели.
Маньяк Легушкин отмотал свой срок
И раздувает жаберные щели.

Он по-акульи открывает рот,
Кадык на шее двигает насосно.
Он хочет взять детишек в оборот,
Останови его, пока не поздно!

Возьми маньяка и столкни с моста,
А сверху камнем грохни не стеснясь.
Чтоб улыбались детские уста,
А труп по Каче плыл по-качи-ваясь.

ИХАХА

В Красноярске, на базе ИХА
Детский лагерь когда-то был.
Там работала повариха
И ребенок её - дебил.

Тот мальчонка, хлебнувший лиха,
Ненавидел родную мать.
И поэтому базу ИХА
БазаИхой стал называть.

А мамаша, свихнувшись тихо, -
Сына бросила в бездну вод,
И поэтому с базы ИХА
От испуга сбежал народ.

Мальчик спасся, но стал заикой,
Отпустила его река.
С той поры вместо "база ИХА",
Говорит он "БА-ЗА-И-ХА".

ОХОТНИК

Мимо проскакала белка, пыльным хвостиком трясся.
Пышный хвостик трясся мелко, белка вздрагивала вся.
Проскакала, повернула, стала прыгать вокруг меня.
Я в неё направил дуло и убил средь была дня.
Не подумайте плохого, этой смерти я не рад.
Просто на хрена какого я ношу с собой травмат?

ЭМОЦИЯ

Запах жареной рыбы - раздражает меня!
Будто вздернутый дыбой, мир проклятый
кляня,
Я живу... Брошен Богом, угнетаемый всем...
...Будет точно изжога, если рыбы поем.

АВТОСТРАСТИ

В чулочках "пеппи" девушка прошла,
Коленочками яблочно блистая.
Возможно, что метафора пошла,
Зато она отчетливо простая.

А простота - уверенность даёт:
Нам ни к чему овраги или кочки.
Раз сел за руль - смотри всегда вперед,
Не глядя на коленки и чулочки!

ЛЕДИ ЯГА и ПЕДОФИЛЫ

Фрагмент поэмы

В коттедже лесном обитала
Прекрасная Леди Яга.
Была из цветного металла
У леди хромая нога.

В разрезе на саване белом
Блистала коленка её,
А пункт сочленения с телом
Надежно скрывало бельё.

Ей были вполне симпатичны
Обычаи модных мадонн,
Поэтому в граде столичном
Яга содержала салон.

Дворец красоты «Златоножка»
Расцвёл под эгидой властей.
Яга, словно царская блошка,
Скакала средь важных гостей.

Актрисы и фотомодели,
Орда многоопытных шар –
Ценили «протезную леди»
И весь её странный товар.

Волшебные влажные кремы
Чудесная сладкая мазь:
Старушки цвели, словно девы,
Дедов зажигалила страсть.

Везде расправлялись морщины,
Совсем исчезал целлюлит.

Гламурно лоснились мужчины,
Девичий румянился вид.

Был запах лимонного лайма
У снадобий Леди Яги –
Но пряталась страшная тайна
За сахарным вкусом нуги.

Ночами у клуба «ПедЭрос»
Ловила Яга на живца.
Для метода имя имелось -
«Малюточка ищет отца».

Как мальчик, одетая леди
Ходила, хромая ногой.
И часто какой-нибудь педик
Звал: «Детка, поедем со мной!»

В машине Яга налагала
На лоб педофила персты -
И впад в состояние угара
Он ехал маршрутом лесным.

Отловленных так педэрастов
Яга помещала в подвал:
Кормила их жирно и часто
И каждый продукт выдавал.

Магичное вуду-касание
Коленки её золотой
Стирало всю память сознания
И связи с прошедшей судьбой.

Они уходили свободно -
Грех выдавив,
словно нарыв.

..... Павел Полуян

И жили совсем гомофобно,
О сексе навек позабыв.

ЗАРИСОВКА

Дождь солнечный в начале октября:
Сверкает лак блестящего асфальта,
Витражные светёлочки горят
Среди мозаик разноцветной смальты.

А ты стоишь, замочек теребя,
Расстегивая куртку понарошку.
Я улыбаюсь, глядя на тебя,
Отталкивая мокрую ладошку.

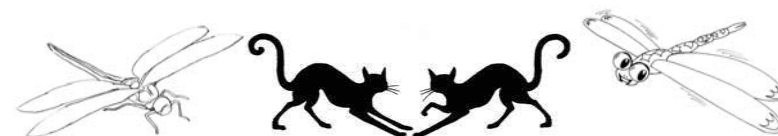
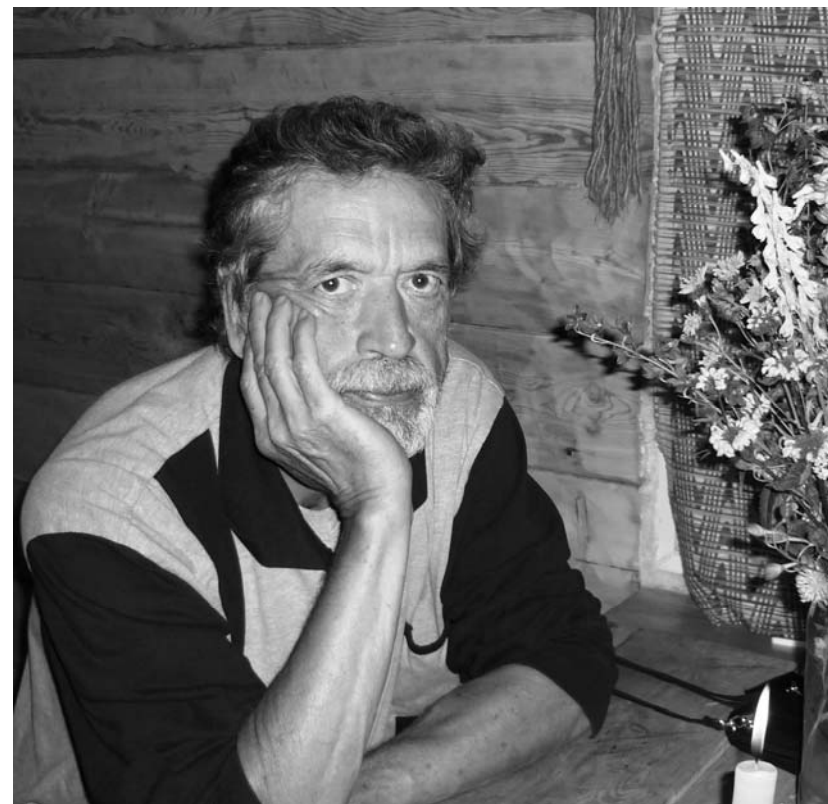
Ты весело смеёшься мне в ответ -
Деревья в парке вздрагивают сонно.
Как чисто здесь! И ни листочка нет
На изумрудной зелени газона.

И вся природа чудно хороша,
И отовсюду свет весенний веет...

Так радуется радуга-душа,
Когда она надеется и верит.

г. Красноярск

СЕРГЕЙ СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ

Страсти по Сергею

*Три стихотворения из цикла
«Ежли про любовь...»*

Памяти Наташи

Муза

Больно, родная?! – Удар ниже пояса –
Морфия нет... Бездёга участия...
Бесы ночные к утру успокоятся...
Только дыхания ритм учащается...

«Бережно выстирай, тщательно выглади
Белый платочек и синюю кофточку...»
Ангелы, ведьмы, весталки и выблядки
Силятся втиснуться в узкую форточку...

Жутко, любимая: вера и знания
Кажутся глыбами равновеликими.
Клиника выкрика!.. Стон расставания...
Звуки – калеками, буквы – каликами.

«Вымолвив “Царствие...”, “Вечное” – вымоли.
Неистребим парадокс воскрешения!..»
Свечки задули. Салатницы вымыли.
Цепкая память – цена прегрешения.

Трудно, святая, скитаясь над безднами,
К чистому свету прорваться?! Но горлицы
Толщу пространства крылами разрезали:
Облако. Зарево. Лик Богородицы.

«Есть безусловные чётки условные –
Соло рождения, дата прощания...»
Выцветут батики. Ходики сломаны...
Всхлипнет ворчливая скрипка скучания...

Кем обернёшься ты, Женщина-Музыка?..
Фраза кавказская... Ваза китайская...
Роза испанская... Пой, Андалузия!..
Муза алтайская... Здравствуй, скиталица!
«Верю и знаю: разлука – иллюзия.
Сызнава встретившись, мы не расстанемся...»

Possible*

Господи, это – я...
Господи, это – мы...
Ты настоящий, Господи?!
Версия снегиря:
Солнце – осколок тьмы...
Ангелы грянут: possible.

Лучший бесстрашный твой,
Сложный (возможный?!) наш
Шанс, воскрешая странствия,
Чорта послать в забой,
Ведьмин поджечь шалаш...
Фаусту – фарт фрилансера!

Господи, это – я...
Господи, это – мы...
Ты равнодушен, Господи?!
Ария соловья...
Зверский озноб зимы...
Зуб зазеркальной особи.

Времени скверный сбой...
Верности нервный ритм...
Терции или тернии?
Станция «Стань собой»...
Бремя чужих орбит...
Демон – мастак мистерии.

Господи, это – я...
Господи, это – мы...
Ты успокоишь, Господи?!
Голос – посол ноля...
Глаз – парафраз сурьмы...
Грустный чудак на ослике.

*брит. [ˈpɒsɪb(ə)l] – возможный, вероятный, сносный, терпимый...

Ответ

Высокая любовь – старинная болезнь.
Смертельная болезнь – бесстрашная любовь.
Балбес на Эверест отважился залезть:
Архангелы, отбой! – Пристанище богов?

И Мастер, и Пилат... – аккорды невпопад...
Свирепый Крысобою ведёт судьбу на казнь.
Кириллица икон... Латиница лампад...
Прекрасная болезнь – античная боязнь.

Типичная болезнь – безумная любовь!..
Любезный альтруист, сворачивай ликбез,
Рифмуя вновь и вновь плейбой-гобой-разбой, –
Достаточно поэз припадочных небес.

Придаточных словес загадочный зигзаг.
Серебряной строки затейливая нить.
Рыдает кинозал: «Дорога» и слеза,
Джюльетта-егоза, готовая любить.

Наивная любовь – блаженная болезнь.
Последняя любовь – печаль и благодать...
Живёт и здесь, и там, поёт и там, и здесь
Гимнастка Натали, рождённая летать!

Штрихует дождь косой и Сольвейг, и Ассоль.
Метели исказят свирельный силуэт...
Спасительный ответ подскажет бог босой –
Единственный совет на тыщу звёздных лет.

2016–2017

Красная рифма

...мимо села Свинячьего,
хутора лягушачьего,
города Жеребьячьего... –
конный, попом опознанный,
сосланный али позванный?

мимо слепого зрячего,
кормчего, певчего, стряпчего,
идолища сидячего... –
всадник, за призрак признанный,
прозванный или призванный?

мимо столпа горящего,
ящика говорящего,
пращура... предстоящего... –
рыцарь, печалью скрученный,
клячу беречь обученный...

сонный окликнет конного:
– ...славишь царя законного –
Кесарева-Балконного?
– ...новый девиз на знамени, –
конный подначит сонного, –
«Ленин сгорает в пламени!
Сталину – марш Будённого!»

певчему – стряпчий: – ...всадника
сдёрнем у палисадника –
пара вопросов, дяденька:
ловишь бомжа, ворчащего
«финики офигенные...»?
ищешь вождя, молчащего
так, что кричат вселенные?!

выкрали тайну рыцарства
водка и белорыбица:
красная рифма – рыпаться!
мыкаться – дело прошлое,
пошлое, безлошадное...
будущее – в окошечке –
нежное, но всеядное.

2016, 25–27 апреля

Под небом Пушкина

Кричали чайки. А волхвы
Многозначительно молчали...
Заложник облачной молвы
Лечил сердечные печали
Клочком беспечной синевы.

Как часто чрево пустоты
Вручает чопорному бесу
Чекушку чистой красоты:
– Увидев в зеркале принцессу,
Попробуй с Вечностью – на ты!

«Эгей, Марго! Огней арго! –
Ликует лектор-коммуняка. –
Эгрегор желчного Гюго –
Предвестник века-вурдалака!..»
Архангел вздрогнет: «Итого?»

Чужая муза, мужики,
За медяки продаст налево
Секрет божественной строки,
Рефрен бессмертного напева,
Всучив билет на Соловки.

Ассиметрично, рифмачи,
Лекало времени и места...
Ничейный гений, прошепчи:
– Невозвратимая невеста
Прозрачна в призрачной ночи.

Ломая руки у реки,
Попутав век, страну, планету,

Родная муза, чудаки,
Припишет грешному поэту
Ошибки – ритму вопреки*.

Стихи – мистерии назло,
Назло имперской истерии –
Живут... И в Царское Село
Бредут Серёги и Марии.
Под небом Пушкина светло.

*Стихи – стихии вопреки –

орали третьи петухи...

Сергей Сутулов, из черновиков начала 70-х...

2016, 4–5 июня

Телепортация ассоциации

Людмиле S

...царит персидская сирень.
/расфокус памяти: акация?/
двойник Биг-Бена – набекрень.
пять лепестков? – телепортация!
меланхолична светотень.
аллитераций оккупация.

фантасмагорий фейерверк.
/смакуй, Китай, эпоху пороха.../
первопечатник Гуттенберг?..
филологи, уважьте олуха:
поверх кармических прорех –
компас и компас – пальцы Молоха!

бубнит байкальская Бабень:
одесский Бень, без аффектации,
мишень – женьшень,
тюлень – пельмень
рифмуй, родимый, под овации;
вопрос к пиитам /тем-не-мень.../:
почто Тюмень в Пномпень забацали?!

и парадраз, и парадиз –
эскизы мозга утомлённого.
/расфокус совести – каприз
Амура, водкой окрылённого:
манкурт, сработанный на бис, –
заказ полка краснознамённого/.

передовицы дребедень.
фразеологии реляции.
/опрос в колонке «Шизофрень»:
стрелять?
расстреливать?
стреляться ли?/
неологизмами бигбень
раскоронаций провокации.

/ревербераций звукоряд –
особый ад Восьмой симфонии:
виновным с головы до пят
жевать исподнее в колонии/
рефренам времени – виват!
салют Божественной иронии...

Английской бабушки мигрень.
Пизанской башни кульминация.
светла амурская сирень.

..... Сергей Сутулов-Катеринич

/ассоциаций аберрация:
вольна спасительная лень –
Монтень цитирует Горация.../

2016, 30 июля, 9–10 августа

* * *

священные тени
без помпы и понта
мишеля монтени
мишени лермонта

астральная дата
без позы и прозы
нагрянет когда-то
мимозы от озы

2017, 27–28 августа

Неспроста...

...а цветов на поляне – без счёта, словно в славном году,
что казался/блалнился Беглянке самым счастливым из
лет, затеявших чехарду – через бурную Теберду, –
со скалы на скалу – каприз! со звезды на звезду – сюрприз!

стоеросовых дурней поболее, чем ворон у межи... –
размножаясь, балбесы жируют: днесь державная спесь! –
отвлекись: моржуют ежи... – а жуки, журавли, ужи
знать не знают про жизнь во лжи! – так и есть, Кайсын, так
и есть...

мудрецов, Илико, на Кавказе... – цыц, кацо! п-а-д-а-жди... –
ближе к Богу – особая тыща! – bravo, гордый Нодар.
парадоксы горцев цени – улыбайся, хотя вожди
жаждут крови, кричат «распни!», отрицая небесный дар.

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

а грибов на пригорке – до чёрта, будто в грешном году,
что блазнился/казался Бродяге самым печальным от
указа царя Гороха до приказа: «дудеть в дуду –
Скомороху!.. пусть Какаду анекдотом травит народ».

ждёт Эльбрус. звал Казбек. из Архыза – Музы зов, но зазря:
козлотурна эпоха. охотник лихо рифму сразил.
Азраил: краковак – цензуриха, па-де-де – попадаья.
пропоёт Беглянка, скорбя: «Зинзивер, отзвенел, Фазиль...»

всякий-разный люд без Креста, помянув в суе Христа,
прибывает... Молох пожирает краски, буквицу, звук.
Элиста: ноосфере Давид присягает... – неспроста... –
над Байкалом Расул проплывает... – а, бывает, – гайдук!

2016, 21–31 июля, 21–31 августа

* * *

ВК

Смеялась, корчилась, кривлялась,
Решая пасть или пропасть,
Моя нечаянная радость,
Моя отчаянная страсть.

Дробилась, пряталась, змеилась –
На бис (без лозунгов и риз) –
Тобой дарованная милость,
Тобой украденная жизнь.

2017, 27 июля, 17–20 августа

Страсти по Сергею

Учусь науке выживать,
Склонив норовистую шею.
Ни танцевать, ни вышивать
Я не умел и не умею.

Капкан у Господа один:
И Гулливер, и лилипуты
Живут, не ведая годин
До самой аховой минуты.

Презрев науку выпивать
Бочонок зелия (от пуза!),
Прокрался тать, прорвав кровать,
Которую стелила Муза.

Калач у Ангела витой –
Затейливый узор по краю.
Валдай пленяет простотой,
Но я тоскую по Алтаю.

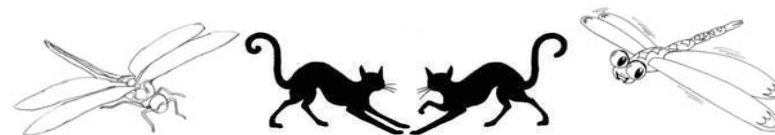
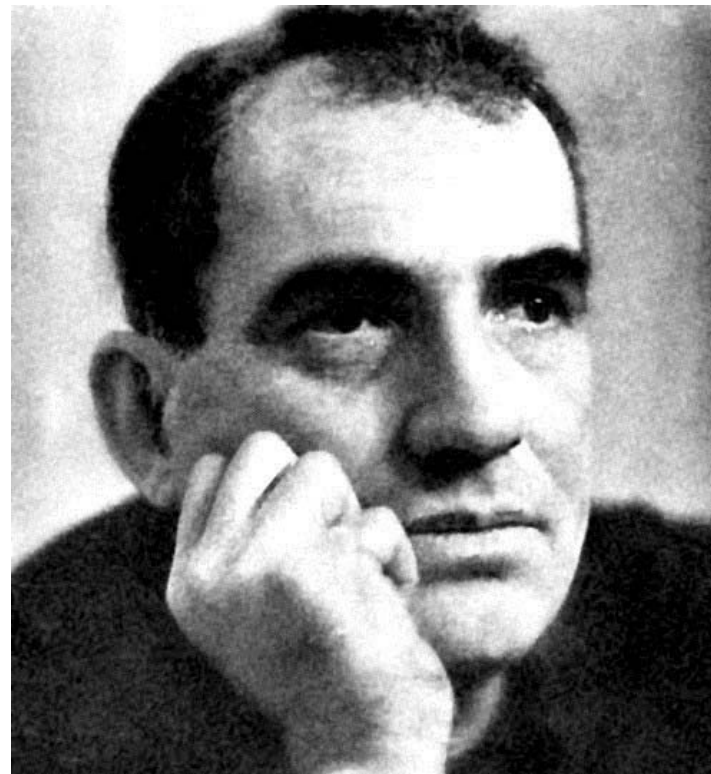
Забыв науку рифмовать,
Брожу по дикому Конгаю.
Ни быковать, ни фарцевать
Я не желал и не желаю.

Рефрен мистерии таков:
В ночах кричат белогвардейцы.
Катунь качает чудаков.
Тайга. Изба. И скерцо дверцы.

...Нательный крестик целовать,
Врастая в страсти по Сергею...
Ни продавать, ни предавать
Я не умел. И не сумею.

2017, 12–13 июля
Алтай, Конгай – Усть-Кокса

АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ

КАСТРЮЛЯ И ЗВЕЗДА – ЕДИНЫ!

* * *

Кастрюля и звезда – едины.
Прости наивный сей монизм.
Душа уйдет под звон монист,
В немые впишется картины.

Я знаю, выбирать нельзя,
А выбрал бы себе заранее
Картину кисти Пиросмани,
Где кутят старые князья.

Оттуда будет ближе лето,
Как мирно катится оно!
И шелестят тугие тенты,
И пьют, и пьют в жару вино.

И мимоходом – черед
Корзин плетеных с дымной шерстью.
Я прошепчу чужому сердцу
Пароль: Кастрюля и Звезда.

КАСТРЮЛЯ и ЗВЕЗДА, или АМФОРА НОВОГО СМЫСЛА

* * *

Что в имени тебе Зербити,
Зербити... и Гохнари – что?
Звезда, сошедшая с орбиты
И медлившая над плато,

И вот ее изображенья,
Печать в углу надгробных плит.
Лишь штампик детского печенья,
Как в тесто, вдавленный в гранит.

На нем наивны и чеканны
Пастуший посох, меч и плуг –
Ни буковки – все безымянны
Могила этих звездных слуг.

Что эта женская рука мне,
Изображенная с ключом!
Дождись, пока звезда на камне
Забрезжит каменным лучом.

МАРГАРИТА

Та картина еще не открыта,
Как в шкатулке альбомный стишок.
На тахте возлежит Маргарита
И в руке у ней вянет цветок.

Мы не встретимся с нею в «Эдеме»
Боле чем полстолетия назад,
Не проедем воротами теми
В этот увеселительный сад.

Эта помесь Европы с Кавказом:
Ресторан ли, духан – не понять.
Этот трепет под трепетным газом
Не разъять, не объять, не обнять.

Так шарманка грустит неумно,
Так бывшего томительна власть,
Но природа – она экономна
Ничего в ней не смеет пропасть.

Живописные изображения,
Как их там ни суди, ни ряди –
Может истинные воплощенья
Предстоят им еще впереди.

Золотые проступят оттенки
Из прокленной наглухо мглы.
...А в саду незнакомки коленки
Так знакомо круты и круглы...

Тут с ней мальчик и девочка рядом,
На скамьях закипает весна.
Мы слепым перекинулись взглядом
И поправила юбку она.

ПУСТОТА

А стихи – чего там, в самом деле! –
Что, откуда и куда идет...
Вот опять на улице Шавтели –
Робкий, моложавый идиот.

Возле колокольни Анчисхати
Семечки грызет он до сих пор.

Он не повод, но волна окатит –
Кажется величиной в собор.

Поднялась и сразу же опала.
Эти краски чересчур густы.
Лучше нет на свете матерьяла,
Матерьяла лучше пустоты.

Пустота ночная и речная,
Подле горько плачущей горы.
Что-то про себя припоминая –
Звук неразговорчивый Куры.

У горы аптекарские дозы –
Хлещут вволю и не про запас –
Все текут, не иссякают слезы,
Говорят – целебные для глаз.

Ими лоб когда-нибудь умою –
Третий глаз предчувствуя на нем.
Пустота не хочет быть немою
Отдает мне комнату внаем.

Что ж увидит, что узреет око
Немощному глазу вопреки?
Просыпаюсь высоко-высоко...
И Кура название реки.

КОДЖОРИ

1.
В лесу есть лес неназванных вещей –
Вот и ручей бормочет безымянно.
Молчи – молчу, не подаю вестей,

И есть еще остатки крепостей,
Две радуги и завеси тумана.

Ах, передай, но нет, не передашь
Тот лес в лесу – и позже как заране.
В дожди истек забытый на поляне
Чернилами чернильный карандаш.

2.

...А где хранится рифма к Кер-Оглы?
Должно быть, в Эрмитаже или в Лувре.
Но нет, не там. Проносят рифму в клюве
Парящие над крепостью орлы.

3. О ЧЁМ-ТО О ДРУГОМ

Поют листвы цветные витражи,
И глохнет пень, оплывший, как огарок.
В лесу такие чертовы ангарты,
Такие вертолеты, виражи.
И листик-жук, точнее, жук-листок,
Несет, несет его воздушный ток.
А облако, как из старинной пушки –
Пиши себе – пасется на опушке.
Но разве не виновно ремесло,
Что облака нас облагают данью,
И вдруг потянет виршеплетством, дрянью,-
И не заметил, как позанесло.

Ну что же, облако, пока, пока.
Шумит, шумит кустарник поределый.
А может быть, писать про облака
Есть способ выйти за свои пределы.

Прямая речь. Речь не обиняком
Про облако. О чем-то о другом.

4.

В лесу туман, плывут виденья
Под шелест листьев вековой,
То узник или часовой –
Ему тепло в тепле забвенья.

Кто он тебе – друг или враг?
(Какие четкие понятия!)
Встает задумчиво, но шаг –
И сгинул в дымные объятья.

...Бывало, тухнут фонари,
Ракеты шип и окрик сонный,
Не уходи – проговори
До той проверки и зари
Вблизи, вблизи запретной зоны.

А все же скрытный свет звезды
Счастливой брезжил над тобою,
И недостаточность беды
Становится твоей судьбою.

Года на выпусках монет,
Исчезнувших из обращения..
История. От всепрощенья..
И до: себе прощенья нет.

5.

Ах, боже мой, и все-таки я жил
Неизреченно и огня боялся.
И рифмовал счастливый звук: кизил
И палочки кизиловой касался.

И пережил завидную пору –
Не шелест ли услышав горний?
Безумные за мной носились корни,
Протягивая бедную кору.

6.
Пришел точильщик в этот дождь
несметный,
Тот, чьи круги, ты помнишь, не круглы.
«Кому точить» тонуло в море мглы.
Ушел корабль, как плот ветхозаветный,
И рубкой служит крепость Кер-Оглы.

* * *

Опавших листьев ворох прелый
Передохнув, перемахнув...
Вдруг женский локоть загорелый
Явила бабочка, порхнув.

Но расцепившееся слово
Иным движением полно:
Оно несчастьем здорово
И только радостью больно.

* * *

И скрипнул лес, как скрипнула кровать.
Кровать пружинная лесного бога.
Правее в гору – древняя дорога,
Дымок отшельничества. Благодать.

Осколки сланца черны, как пластинка,
То записи умолкших голосов.
А может быть, поющая тростинка
И шлепанье домашнее подков.

И впрямь, и впрямь магический кристалл!
Рожденье мифа на конце дороги:
Там человек какой-то многоногий –
Замешкался и этим дубом встал.

Но нет, не то: внезапно сквозь завесу
Я вспомнил что-то. Замыкаю рот.
И лист тетрадный возвращаю лесу,
Туда, туда в немой круговорот.

* * *

Досмотр прост:
Ни выдоха, ни вдоха,
А кажется, что губы не мертвы.
Еще немного северного моха,
Пожалуйста, еще чуть-чуть листвы!

У неба, неба снившаяся синь.
Носилки неукрашенные узки.
...Да, день и ночь тому назад латынь
Еще могла торжествовать по-русски.

* * *

В войну – Шопен: шаги, шажки,
Телесный цвет. Еще прыжки.
В фойе из залы переходы.
У изголовья жмутся годы.

Вдруг вспомнишь старенький буфет,
Где граций чувственное трио,
Померк когда-то яркий свет,
Что освещал любой предмет.
Ушло. Теперь и музыки нет
Мне соблазнительнее Клио.

* * *

Джвари в ржанье лошадей,
Зеленеют круто скаты.
Эти лошади крылаты,
Словно стая лебедей.

Ангел, Джвари стерегущий,
Дай взойти на этот скат:
Слышать шелест иль жующий
Звук, умноженный стократ.

* * *

Конечно, нет духана углового,
Как самого угла – вокруг все ново,
Шарманщик мертв. А все же тень Майдана
В чужой асфальт впечаталася глухо...
Нет ничего от прежнего духана.
Как просто все. Вот юркая старуха –
Ей спешно перейти дорогу надо:
Купить в жару бутылку лимонада.

Полощется в стеклянном барабане
Обмылки неба бледно-голубые.
Близка основа жизни ч серной бане,
Явления безыскусственны и четки.
Без выбора перебирай любые,
Как бедные пластмассовые четки.

* * *

Вновь дерево Иудино в цвету
Очутится над улочкой крутою.
Присядет чинно дева на тахту,
Окрашенную всякий год тутою.

А под балконами наклон горы,
Чреватые подвалами панели.
Дворы, дворы. Неведомые цели
Поэзии. Еще, еще дворы.

* * *

С утра авто коптит, коптит, коптит.
Бледна рука воскресных канцелярий.
Но, чу! Откуда цоканье копыт
И глаз коня божественный и карий?

Мелькают спицы, шины шелестят,
И тает, тает крепкий запах кожи.
И сыты ноздри, и глаза косят,
И на руку наматывают вожжи.

А чмокающий звук – не так уж прост:
Узорчата балконная решетка,
Со дна Куры встает Ишачий мост..
Куда же ты, куда же ты, пролетка?

* * *

И солнце, что похоже на луну,
Скользит тончайшим диском по туману.
Пойду еще раз на него взгляну
И думать о ничтожном перестану.

Наискосок – в небытие – лаваш:
Девчонка с ним из лавки побежала.
Скажи на милость, что еще за блажь –
Душа моя пророчеств пожелала.

* * *

Вдруг – тайной вечера примета
В подвале нимбам несть числа.
Висят за чернотой стекла
Тарелки радужного света.

Конечно, тут мираж случайный:
На кухне керосинки жгут,
И вот – сияние и гуд...

А все же к трапезе той тайной
Они каким-то боком льнут.

ЧУГУРЕТИ

Какая тишь! А между тем гурьбой
Тут поколенья сыпались, как гунны,
Аэродинамической трубой –
В ничто, в какой-то рынок бестархунный.

А твякают потомки тех же псов,
Недолговечней детского румянца.
И нет у времени верней часов
Геологических – простого сланца.

КИНТО

И голова кинто среди булыжин –
Бритоголовых полчищ мостовой.
И звук шарманки влажный, гулевой
Собою упоен или пристыжен.

Застигнуто последнее мгновенье
В глазах открытых мертвой головы.
Шарманки равномерное круженье,
Сквозная тень колеблемой листвы.

* * *

Лежит собака на газете.
За нею темный двор ночной,
Склад угольный и дровяной.
Блестит трамвайный путь прямой.
Еще пожить на этом свете.
Лежит собака на газете.
Ах, боже мой!

* * *

Еще твои балконы виснут.
Петух двором ковровым стиснут.
Опять бесснежен новый год.
И странно слово вдруг: исход

* * *

На Гончарной или на Кувшинной –
Смотрит оком мутного стекла
Комната над лавкой керосинной,
А напротив винная была.

Как на ум здесь не приходит повесть,
Пусть себе уходит в полусон.
Вот те на! Гляди, какая новость:
Пронесли пластмассовый бидон!

ВАРИАНТ ВСТУПЛЕНИЯ

Затем какой-то винный погребок
Влагал открытку дня в карман нагрудный
И поверял, что есть еще подспудный
Тут на востоке все-таки восток.

Он обольщал разгадкой ключевой;
Гляди же как-то искоса, но в оба.
Попробовать вина, какая проба! –
Рейд по аллее бочек дармовой.

И посвященный здесь не посвящен –
На бочках уголовные пометки.
И рядом инобытие: перрон
Давнишней, давней Кахетинской ветки,

Ступай себе нетвердыми шагами,
В манящих огонечках горизонт.
Глухой перрон усеян бурдюками,
И дама опирается на зонт.

Клеенка черная – ночная степь.
Пыхти, локомотив, – мы не отъедем.
Луну поярче, погромучей цепь!
Потешимся шарманкой и медведем.

Но продолжай; еще, еще пошарь!
У погребка глубокие карманы,
Там – по вагонам пронесли фонарь,
Тут – цвет рубина обежал стаканы.

Вид потолка безумен и нелеп.
Вверху, как ангелы – вниз головами
Ныряют пекари за лавашами,
Так будь благословен, грузинский хлеб!

...Пропала дама, и фонарь потух,
Исчезло бурдюков столпотворенье.
Но отпугнул их вовсе не петух –
Тут он и сам, пожалуй, привиденье.

Но, как положено, из тьмы пропев,
Азийское он вызывает утро.
Ах, до чего ты, солнце, чернокудро
И желто, как у Пиросмани лев!

Поэзия, похожая на тост,
За призраками юности погоня.
Зачем еще ты сохраняешь мост,
Тот зыбкий, зыбкий в царство беззаконья?

Когда-то, много лет тому назад,
Там, под рекою облаков летучей,
Ходил баран, нагуливая зад,
На привязи у проволоки колючей.

На деревянной вышке часовой,
Где полоса уже недостижима.
«Баран, баран начальника режима,
Тебя кормлю отборною травой.

И листья дефицитные в охапке
Несу тебе по окончаньи дня.
Замолви же словечко за меня –
Пусть поваром назначат на участке».

Так разглагольствует чужак один,
Без блата в административный флигель.
Кто он? Наполовину Насреддин
И чуточку еще – Тиль Уленшпигель.

Но сразу: рельсы, зарево огней,
И, навсегда меня опережая,
Уносится в ночи судьба чужая,
Скользнув случайной тенью по моей.

...Как добрый знак, что верно выбрал бочку
Вскипает хор за частоколом спин.
Прости мне, виночерпий, проволочку
И наполняй подставленный кувшин.

И пусть к вину ты добавляешь воду –
Как лес в лесу, есть у вина вино,
Но каково на вкус, и что оно?
Мелькнуло так и кануло по ходу.

ИЗ ПОЭМЫ «МОЛЕНИЕ О ЛУЖАЙКЕ»

1
Вот марсианский аппарат,
Мерцающий луженой медью.
Пока к звезде летать он медлит –
В сосуды водку капать рад.

Языческое пляшет пламя
Под аппаратом у реки.
Зачем неистовствует память,
Воспоминанью вопреки?

Моя вина... Что ж мимо, мимо.
И губы не произнесут
Далекое простое имя.
И чача капает в сосуд.

2.
А в дне другом – то хрип, то стон
Бог музыки вершит вендетту:
По всем кустам волочит ленту.
И жрет ее магнитофон.

Воинственный затеяв пляс,
Пугая бодростью и мощью,
Бог вне себя – младую рощу
Пятью динамиками тряс.

Он затаенно жаждал: «Пусть
Один лишь слабый жест протеста –
И ливнем благостным оркестра
Омою тотчас каждый куст!»

Но бунтаря не обнаружив,
Одну пластинку вертит бог
И оскверняет свой чертог
Самоубийственным оружием...
3.

Карниз, кивок, каприз, балкон –
Все это далеко, в Тбилиси,
Где среди скамей на самой выси
Скамейки не находит он.

Что ж, улетай, взмахнув плащом.
Лети, но нет и нет прощенья...
Пусть трижды перевоплощен
Ты чудом перевоплощенья –

Все та же быль во всем видна,
Нет лишь слезы – чужой, горячей:
Машина времени горячим
На весь отрезок снабжена...

Замри, хранительный инстинкт,
Изведай прибыльную убыль.
Возвышенно поет тростник,
И шепчут шепчущие губы:

Самим собой – не будь, не будь,
Сверни житейские хоругви –
Рассеянным и близоруким
Переходи трамвайный путь.

4.
Взамен приправ – щепотка рельс
И дымной дали дымный пояс.
И старый кахетинский поезд
Уйдет в осенний пьяный рейс.

О, только так и нужно ехать,
Когда минувшее – маршрут.
Я, вопрошая, ворошу
Давно умолкнувшее эхо.

Оно в покинутых депо
Тоскует, но тоску не гасит,
Лелеет ржавые каркасы
И помнит сквозняков тепло.

Рукой прозрачной тронет грозди,
Висящие на палке в ряд,
Соединяя виноград,
Свисток кондуктора и звезды.

И что-то тянется по полю,
Огнями встречными манит,
Притягивая, как магнит,
Свой противоположный полюс.

Ты тут, далекая, седая,
Покоишься вне берегов,
И крупно звезды оседают
На изоляторах столбов.

Свеча. Наплывы темноты
Бегут по бурдюкам на полках.
Овеществление пустоты.
О только тут и так и только –

Пока на всех своих парах
Состав плетущийся не станет.
Тьма. Полустанок и Пора
Не мифов ли о мироздании?

.....
Но где же я? Еще так рано.
Ты на лужайке. Ты пришит
Воздушно к воздуху. Охранно
Растет покрытый мхом самшит.

Уединенье в сто обхватов
И треск трескучих хворостин.
Откуда запах горьковатый?
Так мог бы пахнуть керосин.

Ужель Команда Огневая
Бредбериевщины фантом?!
Нет, это маме наливает
Наш керосинщик в Наш бидон.

Как он забрел в эпоху газа,
Усовершенствованных плит?
С тех пор не слышал я ни разу,
Как примус воет и палит.

Мир довоенный, мир покойный.
Отец и мать... Но погоди,
Зачем тут вынырнул конвойный
И Вологдою окатил?

Так головой своей повинной
Вступаю под зеленый свод,
Предвосхищая хоровод,
Как в фильме «Восемь с половиной».

МАНГЛИСИ ЧЕРЕЗ 25 ЛЕТ

1.
Дым-камень или камень-дым,
Немного каменного дыма –
И путь все там же проходим,
Где та же грязь непроходима.

И заколочен старый дом –
Я вспомнил возле тех же сосен.
В разгаре лето тут в былом,
И длится в настоящем осень.

Снисходит тишина окрест –
Все та минувшая, бывшая.
Лишь протрубит вдали оркестр –
И девочка стоит пылая.

И тот не тот же верховой,
И глухо цокают копыта
По мостовой не мостовой.
Что крепко-накрепко забыта.

То – Старый, это Новый Свет –
Соседних рощ номенклатура
Давнишняя. Да оклик: Шура!
А ни меня, ни мамы нет.

2. НЭНЭ

Голова у хозяйки седая,
Но коса, как и прежде, черна.
Не коснулась косы седина.
Знать, была и Нэнэ молодая.

Оседание поднятой пыли.
Глаз внимательных добрый прищур:
И дымитесь уже чахохбили
В танце двух обезглавленных кур.

3.
Тут веет тихая отчизна
Сожженной частью «Мертвых душ»,
Царит идея планеризма:
Лети над синью диких груш.

Стремглав почти касаясь грядок,
И ввысь – к прощальной близи гор.
И крен – следы минувших радуг –
Планирую – какой простор.

4.

Томе

Ночные ласточки с собой
Уносят блещущие дачи.
Луна меж туч и дождь слепой,
Какой-то внеземной и зрячий.

Все бег, все бег – дождь и луна.
И только медлит Маргарита.
И рукопись не сожжена.
И шапка мастера пошита.

Я пить готов под плач зурны,
Должны же где-то быть духаны.
Не виноград, а свет луны
Пролил в граненые стаканы.

5.

Алгетский камень, чистый, как вода...

С. Чиковани

По-над водой твоё лицо,
Легко относит солнца пламень.
Смотри: скала рождает камень
Почти готовое яйцо.

Снесет, тогда прицелюсь метко,
В тебя швырну невесть за что,
Речонка с челкою – Алгетка,
Лет через сто, лет через сто.

6.

Под соснами, где детский сад шумел,
Теперь темно и полустрашно стало.
Какой-то звук – и тень каких-то тел.
Позвякивало, крылось, трепетало.

Все это оказалось конем
На привязи, полулуной облитым.
Ладони, задержавшейся на нем,
Ответил он движением сердитым.

А хочешь, крепче повод притяну,
Заботы каждодневные избуду,
И ты со мною на коне – в страну,
Где никогда не нужно мыть посуду. Спи, конь.

7.

Знать, клещи есть на эти гвозди:
У августа воруют звезды,
И неизвестно, кто тут вор.
Свод, управляемый сверчками
И глухо чувствуемый псами,
Ведущими бессильный спор.
А мы? что мы? На небе звездно,
Но поздно все! и просто поздно.
Редает огородный мрак
С Тельцом, Курятником, Лисою.
И есть название смерти: Рак.
С клешнею смерть, а не с косою.

8.

Провинция. Автомобильный
На бочке пиво жмет насос.
Он хлещет пеною обильной
И к давней давности прирос.

А помнишь ли, насосы эти
Когда-то были желтой меди.

Скажи – нехитрая примета,
А в год какой ведут тропы
По воздуху. И держат лето
В полях магнитные снопы.

К земле по твердости спортивной.
Прилечь щетиною седой.
Дни в день сложились непрерывный,
Не слышу скорости земной.

9.

Ты спрашиваешь: где кастрюля,
Как спрашивают про звезду.
Звезду, летящую, как пуля,
В небесном ковшике найду.

Клубится что-то, звезды сея,
Во тьме колышется густой.
Плащ Гамлета и Одиссея.
Не стой под звездами. Постой.

ОТХОДЫ СТИХОТВОРЕНИЯ „МАРГАРИТА“

...Это там на исходе эпохи
Заокраинный чертополох.
И дудуки протяжные вздохи,
Как один нескончаемый вздох.
Под ногой никакие не бездны.
Жизнерадостна вывесок жесьть:
Обещает и кличет: «Любезный!
Тут, что жаждет душа твоя, есть».
...Перед смертью утешить нас нечем,
Все же прав был какой-то индус:
Снова в облике мы человечьем
Будем лихо закручивать ус.
Сообщающиеся сосуды –
Даже смерть не подводит итог:
Дух захватывают амплитуды –
С каждым разом – все выше виток.
Не вернемся в разряд насекомых,
Дождевых и могильных червей.
И теперь вспоминаем знакомых
В веренице Кутящих друзей.

На лужку с переполненным рогом,
Простоваты и мудры на вид.
Почему-то о милом и многом
Полотно это мне говорит.
Будто в тосте они завещают
Усложненья пустые избыть.
Нужно, все что ни есть упрощая, –
Углубить. Упростить – углубить.
Пусть знаток усмехается криво,
Не услышав привет и призыв
В неподвижности той «примитива».
Так да здравствует же «примитив»!

КУБАЧИНСКИЙ ОРНАМЕНТ

1. МЕДАЛЬОН

Это светятся сами потемки
Там, на грани забвенья почти,
Что несешь в ненесомой котомке?
Я несу Кубачи в Кубачи.
Здравствуй, медное в черном нагаре.
Я тебя по ошибке отверг...
Кубачи на воскресном базаре,
На воскресном базаре в четверг.

2. ОРНАМЕНТ

Длинный клюв на солнце золотится.
Что такое? Не упасть ли ниц?
По дороге человекоптица,
В черном фраке – человекоптиц.
Как же от аула отлепиться,
Для чего мне покидать аул?
Но мелькает человекоптица,
Человекоптиц уже мелькнул.

Белый плат опущен до бровей,
Оглянись, несущая кувшины, –
Твоего коня увел с вершины
Красный человекумуравей.

ПОСЛЕДНЕЕ

Поглаживать колючие плетни,
На языке прощаться онемелом.
Бесповоротно дни теряют дни,
Теряясь целиком и оставаясь в целом.
А свадебный светильник не зачах –
По краю кровель реет без опаски,
И где-то Лувр, тоскующий по маске,
В которой черт танцует в Кубачах.

ТУМАН

Идут колеса валко, шатко.
Стучит подкова – талисман,
Скажи, что думает лошадка
Плетущаяся – про туман?
Вот тает, тает – не горелый
Ли это рощи ералаш?
Сплошной туман, молочно- белый
Рисует черный карандаш.

5. АМУЗГИ

А что сейчас на той поляне –
На серебре ее резьбы?
Птенцы иных планет – дубы,
Нахохлившиеся в тумане.
Как от невест белым-бело.
Я вижу с точностью последней:

Небрежно брошено седло –
Единственный предмет передней.
Позвякиванье мелюзги.
Молчанье крупное – чеканно.
Как прежде б крикнуть: А-музги!
О Амузги! – в наплыв тумана.

СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ

1.
Электрик был недолго болен
И умер в час, в три похоронен.
Помощник до смешного мал –
Какой-нибудь Кемал, Камал.

Светоначалником по праву
Он стал и плачет от души.
Свети, мигай, мигай Джейнаву,
Как крылья бабочки маши.

2.
А пыль Хивы до самого Китая
Уж не благоухает так.
И в воркованьи призывок лая,
Порханье голубей-собак,

Мечеть, как платье, износилась.
Торчит с тряпьем линиялым шест.
Старуха не перекрестилась,
И вечен омовенья жест.

3. САМАРКАНД

Кроссворды изразцов до одуренья.
Но кирпичом любясь поливным,

У зрячих лиц слепое выражение.
Четырнадцатый век. Биби-ханым.

А мне читать названия не надо,
Как будто память и без них смогла б
Припомнить вдруг название Самарканда
Еще одно – древней: Афрасиаб.

4. БУХАРА

Свистит какая-то свистулька,
И еле слышно бубен бьет.
Невдалеке от переулка
Гнездо, представьте, аист вьет.

Пристроился на мертвой ветке
И на одной ноге стоит.
Старуха жалится соседке:
И тут, и здесь, и там болит.

Все то, что минуло, подспудно
Теперь живет для молодых:
Свистулька свищет в ухо бубна –
Не для тебя – для них, для них.

А солнце древнее востока
Немилосердное, палит,
Как о Венеции у Блока !
Писать о Бухаре велит.
У Бухары радикулит,
Она скульпт,
 скульпт,
 скульпт.

5.
Описания вне описанья,
Видно, этим стихи хороши.
И пьянят, будоражат названья –
Скажем, город какой-то Карши.
Тут автобус набит до отказа,
И чадит перегретый мотор.
В тесноте – для стиха и рассказа
Открывается скрытый простор.
В незнакомом знакомые грани,
И реальность разит не разя.
Чту доподлинность – ту, что заране
Предсказать и придумать нельзя:
Не средь трав и растений спаленных
Мавзолеи небесной красы,
А на туфлях моих запыленных
Две сплетенные туго косы.
Две сплетенные туго косы...
До свиданья, подросток, узбечка.
Я заветное знаю местечко
У запретной почти полосы.
Близ базара торговля ножами,
Что, как бритва, преступно остры.
Дождь акаций и плов над кострами.
Устилают веранду ковры.
Уголовники ходят, хмелея
От объятий неверных подруг.
Черный ворон кружит по аллее,
Замыкая назначенный круг.

6. ПУСТЫНЯ

Разная – такая лишь отсюда,
И другая из других купе,
С верхней полки – с высоты верблюда,

Что могу сказать я о тебе?
Сожжены на яром солнце тени.
Отстраняю от окна лицо.
Но прекрасней ивы деревцо
Над песком склонилось в изумленьи.
Марево исходят рубежи,
Что-то там готовится заране.
Очевидцы лгут про миражи –
Только женщина на том экране.

7. ВООБЩЕ

А в пустыне не мучила жажда,
Открывалась такая страна,
Где повсюду, под деревом каждым
Притаилась в тени чайхана.
Неподвижны деревья-тихони,
И халаты пестрее цветут.
Что там тискает каждый в ладони,
Что, блаженно зажмурившись, мнут?
Вот приму беззаботную позу,
Пусть пиалам теряется счет.
Я узнал: этот тискает розу,
Этот птичку какую-то мнет.
Не какую-то, а перепелку,
И ладони, как воздух, легки:
Вертит птица головкой сквозь щелку,
Выпрямляет цветок лепестки.

СЛОБОДА

1.
Тут всегда с утра – клоака,
На закате же, однако,
Драгоценный вспыхнет ларь
Серебро в нем и янтарь.

До чего же он могуч,
Предзакатный солнца луч!

Позолочены ступени,
Луч над ямой ворожит.
Ночью сторож сторожит
Всякие такие тени.

Не обидит даже муху,
Как он в сторожа попал?
И ни слуху, и ни духу –
Что пропало, кто пропал.

Удивительное место
Явно явлено тайком.
Хорошо идет невеста,
Но закуталась платком.

Может, что-то не готово
Там из серебра литого...

Настигая, застигая –
Забормочешь без ума:
Вот она – не та, другая;
Та, не эта же – сама.

И до самого рассвета
Не узнаешь ни черта:
Эта самая – не эта,
Та же, эта же – не та.

И еще звезда мигала
Там посередине дня.

Как по лестницам Шагала
Косолапится ступня!

2.
Отправляться грязным не годится –
Смоем несмываемую грязь.
Маленькое, кажется, корытце,
А по росту всем оно как раз.

Вот жена забилась, зарыдала.
До свиданья, ухожу во мглу.
Оставляю дома одеяла –
Те цветные стопкою в углу.

Что уже? И ширь все уже, уже –
Ужас – шире – только посмотри –
На корыто черное снаружи,
Оцинкованное изнутри.

3.
Но ты в чужую комнату проник –
На улице такое ощущение,
И уличный светильник тот – ночник,
Он задержал девичий быстрый лик
И оправдал себя как освещение.

А в воздухе примысль себе растворы
Торговые палаты наконец.
Идешь, ничьи не наполняя взоры,
Ты кто? – ни покупатель, ни купец.

Ну, а товара много меньше позы –
Ни чайханы, ни дыма шашлыков.
В руке горит, напоминая розы,
Пучок – букетик красный петушков.

И косо все, да крепко так, что силы
Не хватит выпрямить и распрямить.
А вот моих ровесников могилы –
Древнее нет. Запомнить, позабыть.

Тем более, тем менее востока.
А мост какой-то, этот – замечай,
Что делит он по ширине потока.
И имя дикое – Кудиалчай.

4.
Так отыскался, значит, след бесследный,
И выброшенное нашло приют.
Не исчезали, тут они как тут –
Будильник ли, ведро ли, чайник медный.

Собрался вновь, рассыпался кирпич,
Из глины и соломы тот саманный...
А мальчик на осле. И берег вон желанный
И с солнечным пятном его достичь.

* * *

Гие Маргвелашвили

Когда же это было? Снег и город Они.
Вокруг стола раввин и девять дочерей.
Снежинки за окном все гуще, все быстрее,
Но линии любви нет на моей ладони.

Но линии любви нет на моей ладони.
Теленок под столом. Гудит в печи огонь.
Сиянье, теснота. Благоуханье вони.
И гладит, гладит шерсть с ладонями ладонь.

* * *

Некое подобие духана.
От шарманки не смертельный ток,
Господи, начало дня! Цисана, —
Девочка-скакалка — прыг да скок.
Не глядеть бы мне наискосок.

* * *

В соседней комнате шуршит газета:
То мой отец за письменным столом.
Как он нашел дорогу в новый дом?
Я на его могиле не был с лета.

А капающий кран квартиры бывшей
Сюда, почудилось, перенесен.
Неявленная явь, бессонный сон
Владеют темнотою обступившей.

За ставней свет карающим мечом.
Окинь, покинь, как при аресте, вещи.
Какой ни есть — в них все же след мой вещей.
Вернусь и я с каким-нибудь лучом.

* * *

Тоже Томе

Единственное чтение — Дюма!
Что может быть волнительней и ближе,
Чем сцена, где прощается с Парижем
Граф Монте-Кристо с ближнего холма.

Он видит мельтешение огней
И ждет от неба знака или вести.
А крест все тягостнее и трудней
Переступившей все границы мести.

Не той эпохи несколько минут —
Куда — откуда грозовая нота,
Все штрих один определяет тут,
И красный свет, как при проявке фото.

И вечен холм над городом, где кто-то
Прощается навек. А кони ждут.

* * *

И оказался вовсе не огромным
День, названный аэродромным.

Лелеемый — он ничего не мог.
И небом был богат и светел,
А бога не было — при чем тут бог:
Я никого не проводил, не встретил.

«Обедал на вокзале одиноко», —
Есть в дневниках у Александра Блока.

В буфет модерный, как салоны «ТУ»,
Увязла одинокая свобода
И не вписалась в обстановку ту.
Извозчика б тринадцатого года,
Казанского вокзала пестроту!

А впрочем, клевету: прошли в окно,
В толпе пропав, те голова и плечи,
И говорю: вокзалы — место встречи,
С кем встретиться уже не суждено.

Что летный день! — а вот не может в сад,
Там дождь идет который год подряд.
И мокрые подсолнухи.

ИЗ „АХАЛЦИХСКОГО ЦИКЛА“

1.

Видно, снег повалит скоро,
С гор и неба занесет,
Вардзию – пещерный город
Испытаю на полет.

Будут каменные соты,
Пустота пустых мешков.
Кельи, кельи. Где ты, что ты?
Чудно-чуждый шум веков.

В этих каменных корытцах
Спелый колос каменел.
Тут конюшня, там светлица –
Невнимательно смотрел.

А отсюда брали воду.
В тьме крошечной медный свет,
Никаких к экскурсоводу
У меня вопросов нет.

И на грани отверденья
Фрески лавою текут.
Всем все ясно: то – Успенье,
А правее – Страшный Суд.

Только в жизни отстоящей
Не найдется места мне.
Что же с Вардзией летящей
Делать в зимней вышине?

Ясность божья каждой вещи.

У меня – туман, туман.

...В звуке «Тмогви», что там плещет?
Виноградным звуком пьян.

2.

Сам бог или его престол?
Целую каменный подол.

Напротив солнца и лазури
Скала летящая темна,
Все ж кладка крепости видна.
Заснул в траве. А что Ацкури –
Не божество ли это сна?

Но есть жестокость линий резких –
Теперь воздушности сродни
И жутки мне былые дни.
Домашний лай собак турецких...
Верни мой поцелуй. Верни.

* * *

Обугленных желудков черноту
Позолоти своим подарком, хаши.
Б. Ахмадулина

На хаши! Хаши! Ты была
Так весело им одержима,
Себя стремил и вела
Стремглав к нему, но как-то мимо.

Вставала хашная заря –
Лишь свет мерещится в окошко:
Так почему же медлит ложка,
И жар опять упущен зря?

В названьи хаши – вся основа.
И золотился этот сок
С первоначальной силой слова.
Ты пригубила сам исток.

А мне привычна деловитость,
Что хлеб над чашею крошит,
И эта мрачная несытость,
Когда уже по горло сыт.

Теперь не то... Но отзвук дней
Былых волной встает в накате,
Шуршит в прозрачном пластике
Все тише, тише, все слышней.

Стаканами ли с чесноком
И чернотой полотенца...
Старуха там над сном младенца
Стоит с греющим молотком.

Трава – на негативе – снег –
Все валит, валит – не пробиться.
Прозрачны легкие копытца,
Неудержим печальный бег.

А хашная освещена,
И сдвинуты пустые чаши. ...
Так мне была возвращена
Извечная бесплотность хаши.

* * *

Решительно. Решительно во всем –
Зачатки прозаического бреда.
В хинкальную у Земмеля войдем –
За чьей-то стойкой – даже не беседа,

А: «Выпьем за родных!» – Столпы.
Столбы. Чудовища... Но дым и пятна света.
Так и начнем без помпы и пальбы
И, право, обойдемся без сюжета.

Прекрасная прислонена метла,
И застит взоры юбка курдианки,
И можно плакать и сжигать до тла
Какой-то давней лирики останки.

Все, все о быстротечности трубит,
Но спрятаны и не мешают трубы.
И с каплей на носу старик сопит,
И жалко шлепают по тесту губы.

И проза допускает без труда,
При этом не задев правдоподобья,
Младую ведьму привести сюда,
Она вокруг посмотрит исподлобья.

А ты чужой. Порхает карандаш.
Какой-то тип. Невнятная описка.
На шабаш приглашение, на шабаш –
В кармане обнаружена записка.

...Кого-то ждут. Накрытый стол. Вино.
Скрип галереи. Тишина. Просветы.
А в лирике по-прежнему темно,
Недаром к прозе тянутся поэты.

В САДУ

Но в этом гиблом и прекрасном месте...

Как всякий год – открыт сезон, в котором
Сугубо мимолетен каждый штрих.
Цыганки канут, не задев подолом
Стиха, но что же, собственно, есть стих?

Цыганки тут весь день между столами;
Вот сдуло их, вот снова намело...
О, если бы переписать стихами,
Что прозой складывалось набело!

Жизнь в формах жизни: обнаженно-зримо.
Лей кахетинское, блаженно лей!
И женщина смеется: ну-ка имя,
Цыганка, угадай за сто рублей.

Цыганка имя угадать не может,
Но не роняет марку ремесла,
Мгновенно карты веером разложит.
Что имя! Тень счастливого числа.

Какие волны разом набегали
И воскрешала рыб тархун-трава.
Бессмертна рыба в имени «цоцхали»,
Воистину и мертвая жива!

Неисчислимы лирики потери,
Итог приобретений невелик.
Ну как, скажите, распахнуть мне двери,
Чтобы вошел тот сухонький старик?

Его природа – чисто световая –
Питалась долго светом сквозь балкон.

Балкон открыт. Вблизи Куры кривая,
Кусок Майдана. Ветви. Полусон.

Он тут сидит, не изменяя позы,
Как бы в ячейке воска диких сот.
И льет, и льет благословенной прозы
Не вызывающий сомненья мед.

Ах, день какой! Подробности за далью
Исчезнут, как за каменной стеной.
Что ж, лирика, пренебреги деталью
И задуши меня своей волной.

ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬ

Ляле

Марнеули... Марнеулиада...
Краем глаза, второпях, мельком.
Ни о чем повествовать не надо,
Можно и не помнить ни о ком.

Но бараньим шапкам подивиться.
Где они, начала и концы!
Только тучи пыли, лишь копытца
Градом сеют мелкие столбцы.

Марнеули как бы некой тайной
Жаром и овчиною дохнул.
Я отпрянул – что же это в чайной?
Смена власти? Правят – Блеск и Гул.

Римский профиль в шлеме, гарь пожара,
Но, сюжет к сюжету не клоня, –
Там лишь два гиганта-самовара
Емкости троянского коня.

Ничего родного в юбках пестрых.
Нет и для прапамяти причин
Говорить о женщинах, как сестрах,
Братьев узнавать среди мужчин.

Так откуда столько ликованья –
Чай ли крепок крепостью вина,
Или же кольцо существованья
Сузилось до этого звена?

Будто святотатство допуская,
Что стыжусь, робею у дверей?
Шапки. Шапошника мастерская,
В зеркале небритый брадобрей.

Замкнуты пастушеские были,
Хорошо на этом берегу,
Но томлюсь: происхожденья пыли
Объяснить разумно не могу.

И в разноголосице ни звука,
Что несут в завязанных мешках:
Для непосвященных – связки лука,
А для посвященных – тлен и прах?

Клан ли тут какой затеял жмурки,
И не разобраться, что к чему.
Я потом увидел, как фигурки
Поползли по ближнему холму.

Скрытая пружина эпопеи:
Вытрясли глубокие мешки –
И тотчас же медленные змеи
Выползли, клубясь вперегонки.

На базарной площади с флагштоком
В ясный полдень наступила тьма.
И в веселье сердца одиноком
Мир представился игрой ума.

Все сходились группами в столовой,
Ничего не скажешь: люд, как люд.
В толчее буфета бестолковой
Взяли что-то из дежурных блюд.

Медленно, не торопясь, поели,
Пили пиво, виду не подав, –
Кто это они на самом деле,
Губы вытирали о рукав.

Сладко дремлет официантка Сона,
Милостыню требует костыль.
И вошел в меня из-за балкона
Луч закатный – Золотая пыль.

Я привстал тогда и на мгновенье
В Марнеулиаде потонул.
Что стихи?! Постыдное затмение.
Не даются в руки Блеск и Гул.

МЗИ

Где кошки старика теперь,
Что жили у него в камине?
Нет никого. Закрыта дверь.
И черных кошек нет в помине.

О, смерти легкий корректив,
Что вносится еще при жизни!
Бесстыдно смерть опередив,
Глагол уже справляет тризны.

Ведь я предвидел этот час,
С его свободой постылой,
Что будет право на рассказ
О старике дано могилой.

Лазурь, лазурь. Морской йод.
Волна на берег набегают.
Душа от скорби вопиет:
Старик в земле мой истлевает!

Вот новости загробной мглы:
Пока судьба костей туманна,
Развязываются узлы,
Расчленены суставы пана,

Лесного, лешего – они
Уже на корни не похожи,
Голубоватые огни
Бегут в обрывках мертвой кожи...

И все же кончится распад,
Наступит равновесье вскоре.
Как близко к морю этот сад,
Но к дьяволу и к черту море!

Ведь море не его Кавказ –
Вверху, ничем не знаменито,
Есть озеро – оно от глаз
В горах заботливо укрыто.

Неописуемой красоты,
У ледникового порога –
Оно, по существу, – часы
Заветные в кармашке бога.

Хлюп-хлюп, хлюп-хлюп; тик-так, тик-так –
Но если вслушаться – ни звука,
И в центре странно светит мрак,
Мерещится подобье люка.

Куда-то вспять плывет оно,
И, поглотив из туч монетку,
Плашмя у берега на дно
Кладет играющую сетку.

Когда Великий Часовщик
На озеро внезапно глянет,
«Пора» – промолвит, и старик
По слову медленно восстанет.

И по следам былой стези
От козых круч – к морскому шуму,
От озера с названием Мзи
Старик мой спустится к Сухуму.

И вот им насаженный сад,
Где яблок красные планеты.
Как и столетия назад –
Меж листьев жгучие просветы.

И тут былое настает –
Какой-то миг минувший, четкий:
Лазурь, лазурь. Морской йод.
Я к старику с бутылкой водки.

Зачем писать о нем, к чему?
Смешно в той области старанье.
По разуменью моему –
Поэзия – вся – ускользанье.

СКРА

Ну, так что же в названии Скра,
Что там мельком махнет вдоль перрона?
В чистом поле – кар-кар да кра-кра! –
Уронила когда-то ворона.

И отец мой привиделся мне.
Принимая Метехи за Ксани,
Он платком протирает пенсне –
Не ошибка ли тут в расписаньи?

Расписанья кружки и пунктир –
Было-сплыло и помнится еле.
Это целый таинственный мир,
Увозимый с собою в портфеле.

Но в пространстве, заученном от
Одного до другого местечка,
В веренице высот и красот
Обнаруживается утка.

Смотрят недоуменно в окно:
Что-то не по порядку вокзалы.
И пространство, как память. Равно
В них обеих – провалы, провалы.

Каждый пункт непременно в провал
Угодил бы – без имени слабый –

Если б кто-то его не назвал,
Невозвратно он сгинул тогда бы.

...Или дальний тебе Дилижан:
Самосвалы рванули с насеста,
Но почтовый гремит дилижанс –
И название сильнее, чем место...

Что за Скра, что за Скра, боже мой!
Встал отец над опущенной рамой.
Просто он торопился домой –
Там ведь я, остававшийся с мамой.

Каркай, ворон, пари, не горюй –
Уж сякая такая наука –
Этих строк, этих струн, этих струй –
В всеобъемлющей бедности звука.

* * *

Июль, июль – все те, кто побогаче,
Уже в тени благополучных Цхнет.
Блаженные, блаженствуют на даче,
А остающимся спасенья нет.

И снится ли, что ты на середине
Двора, тахтой не смея пренебречь,
Заснул, и вот в певучей мешанине
Обрушилась пленительная речь.

В ней серебрится чешуя паренья.
Вспоминанье. Детство. Лоскуток.
В ней был рецепт какого-то варенья
И эти голоса и голосок.

Так хорошо о ней никто не судит,
Нет в словарях семи ее основ.
И кажется: вот-вот она разбудит.
Но спишь ли ты или заснуть готов?

* * *

Сентябрь. Сентябрьские утехы.
Так сгинь и пропади в толпе.
Как описать базар – орехи
С проломом рваным в скорлупе?

Собрание мыслящих извилин...
Иль рук мозолистых печать?
Но все равно язык бессилён
Увиденное воссоздать.

И дева вдруг с волной. Глубины
Разверзлись, и исхода нет.
Что может лепет голубиный,
Когда необходим сюжет!

От перца в воздухе багрово.
Отключено, отрешено,
Уходит восояси слово,
Ведь не в увиденном оно.

Приправы, пряности, коренья
И тыквы небывалых форм.
Для птицы черной вдохновенья
Уже не продается корм.

* * *

Рисую вечные картины.
Арба тихонько проплыла:
Повез старик свои кувшины,
Огромные, как купола.

Я так люблю все эти вещи:
Ни взять, ни дать; ни дать, ни взять.
Но говорят – яснее, резче
Мне надо все переписать.

Дом – деревянное строенье.
Кружение листвы и лиц.
Реальность и воображенье –
В доме меж ними нет границ.

Им лирика владеть могла бы,
Но эпосу причастен он,
Рассчитаны его масштабы
Для свадеб и для похорон.

Просвечивают половицы –
Там снизу светится очаг.
Бесшумные отроковицы
Бесшумный устремляют шаг.

Гостеприимства шепот ветхий
И лень узнать – при чем тут мы.
Всю ночь протягивают ветки
К окну фонарики хурмы.

* * *

На миг один перед глазами –
И тут же вихрем пронесло.
Подумать только: Мукузани!
Село – вино. Вино – село.

О чем же дальше, если – мимо?
О том, что нам не суждена
И прядь струящегося дыма
Вина – села. Села – вина.

* * *

А что же помню я? Возможно – горы,
Ту линию седла между вершин.
И вот еще: вода впервые в поры
Вошла, и тоненько запел кувшин.

Кахетия. Кружится круг гончарный.
Улыбка гончара и торжество.
Почти в небытие – навес базарный.
И больше ничего, и больше ничего.

* * *

Самовары и чуреки –
Памяти веретено:
Люди, лошади и реки –
Перепутались навеки,
Перепутались давно.

Ночь. Гостиница. Невинно
Укрывайся и таись.
Дождь. Рыданья пианино,
Кутаиси... Кутаис.

* * *

Что ты можешь знать заранее?
Жди развязки и молчи.
Окна желтые в ночи,
Что там – поезд Пиросмани?
Три вагона, три свечи.

Хочешь проездной билет:
От Гелати до Баграти,
От Баграти до Гелати –
Сроком годный на сто лет?

* * *

А в качестве некой приманки –
Подбросишь таинственный свист.
Там некто – владелец шарманки,
А в прошлом лихой кларнетист.

Все войны, и войны, и войны;
И охи, и ахи: вай мэ!
И мама, и отчим покойный.
И дева в саду – Саломэ.

* * *

Две направленные фары
Дым уносят от костра.
Бары-тары, тары-бары
Продолжались до утра.

Недопитые стаканы –
А прекрасное вино...
Но прошли тогда бараны,
Пронесли свое руно.

Край Ясона и Медеи
Показался мне на миг.
Отшумевшей эпопеи
Шум ушей моих достиг.

СТРОФЫ ДЛЯ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

1.

А что отражалось в рояле?
Кусочек ночного двора.
Что ж, если на нем и играли,
Не стоила свечки игра.

Я шел средь внезапного мрака
При мысленном блеске свечей.
Все ближе бродяга собака
К ноге норовила моей.

И Тютчева правильны очи:
Покровом он день называл.
Да день, а не ночь, а не ночи.
И сколько же в дне покрывал!

2.

Что ж это значило, что сниться
Мне отчий дом не стал –
В темнице снилась мне темница.
А мой сосед летал.

Сосед... Конечно же, невежда,
Невежда-простачок:
Все бабы: Вера и Надежда,
И вестник – паучок.

А между тем – стояли годы,
И стали в цепь времен...
Он прав: я не любил свободы.
Был глуп он, я умен.

* * *

Даты, даты. Какие-то даты...
В серебре обреченная нить,
Крутит тормоз вагоновожатый,
Но трамвая не остановить.

Разве страшно: с открытой площадки –
Приседая и наискосок –
Наяву, как во сне, без оглядки –
Две секунды – полет ли, прыжок.

...Даты, даты. Какие-то даты.
Тут трамваи не ходят быстрее.
И захлопнуты воздухом сжатым
Обе створки глухие дверей.

* * *

Зачем мы ходим по гипотенузе,
Где белые трамваи с низким лбом!
Что делать в них приятельнице музе,
Прописанной в пространстве голубом?

Соленый, сладкий пух, налет загара,
Но это не произносимо вслух.
Берут в полет пролеты Авлабара,
Где с адской серой смешан банный дух.

Что делаешь, что делаю? Взираю.
Седеющий пульсирует висок.
И я пишу стихи, зачем – не знаю.
Стихи, стихи, как некий адресок.

* * *

А все же что-то было, было,
И в летней полной темноте
Движение происходило:
Летало платье в пустоте.

Оно имело весть благую
Подруге близкой передать –
Что он пришел, и вот вслепую
Два платья принялись летать.

Как над сковородой парило.
И он был я. И я был он.
И с кошкой дремлющей перила.
Тифлисский двор. Глухой балкон.

* * *

Оставь, оставь пустые страхи,
Возьми в автобусе разбег –
И – в позапрошлогодний снег –
В булыжно-пепельный Сигнахи.

Там башенка стоит одна
По правой стороне от левой,
Где у высокого окна
Толпятся дали перед девой.

В музее – уникум фонарь
В венецианском лучшем стиле.
А говорят – такие встарь
Тогда на улицах светили.

* * *

Кораблик в море и в кафе серьга:
Сближалось все, что врозь и не похоже,
Но не соединялись берега –
Два одного по существу того же.

То лето выдыхает зимний пар,
А тут зима прельстительнее лета.
Постреливает гравием бульвар,
И нищенствует пес у парапета.

И кажется: еще я не встречал
Тебя – тогда: так эти волны брызжут:
Впервые слышу, как скрипит причал,
И самый блеск волны впервые вижу.

Так вот оно, великое нигде,
Во всем его разгуле и просторе.
Все время кто-то ходит по воде.
Ну что еще могу сказать о море?

* * *

И были огромными эти крупички
Минувшей, блаженной поры:
«На завтра обещаны синие птицы!»,
О господи, близ Бухары!

ПРОСТО

Заглохший сад. Старинный дом.
Звезда в пруду не гаснет, не дробится. ...
Старинный том и в том же том
Когда-то, кем-то загнута страница.

* * *

Все меньше остается тех вещей,
С печатью рока, шепотком причуды,
С изъянами, как хрупкие сосуды
С водою солнечной дождливых дней.

На миг один светающая темень,
И скрыты вновь завесой гробовой...
Куда девать, кому отдать мне гребень –
Ах, этот гребень, гребень роговой!

* * *

Но я не вижу, чье это лицо
К зачитанному мной склонится тому...
Мой кабинет, как мамино кольцо,
Достанется кому-нибудь другому.

* * *

Так суждено: за кругом круг опять.
Но как бы все по кругу ни крутило –
Тому, что было – больше не бывать,
И лучшее всегда лишь то, что было.
А было так: закрой глаза – темно.
Темно, но свет единственный упрямо...
Высокое, высокое окно,
Где Буниным придуманная драма.

РАВНОВЕСИЕ

Все равно куда – что сперва, что потом.
Но всегда навсегда – только пусть:
Карусельный спуск. Винный подъем.
Винный подъем. Карусельный спуск.

ИТОГ НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЙ

Хоть краем глаза, ну а зорче вдвое.
Все мимоходом, мельком, сквозь толпу.
Счел божьим даром зренье боковое. ...
Он говорил про третий глаз во лбу.

БЛИК

Мимо церкви все той же Кашвети,
Где напротив хинкали с утра,
Приблизительно в девять без трети
Мне опять на работу пора.

Это – я, это – я – неужели?
Тут вот этот... И наперерез
Мне подали пустые качели –
Навсегда на секунду исчез.

* * *

Сидеть бы в кафе с большеротой
Той самой, которой б – коня!
А каменный храм с позолотой
Уже не прельщает меня.

Посадки мужской в ней до черта,
Прообраз в ней витязя груб.
То женственность высшего сорта:
Подуешь – тростинка, не дуб.

И противоречие это –
Всмотрись же! – сразит наповал.
Я шляпу отбросил, и лето
Пусть в мозг мой течет, как металл.

Пусть несовместимость другая,
Но только уйти бы от той,
Где тяга когда-то тугая
На ход перешла холостой.

ВИД ИЗ ОКНА

Летом тут город пустеет-
Становится, как в лесу.
Кто знает, когда темнеет,
В котором точно часу?

Любовницы это знают
На целом свете одни.
И лифты их поднимают,
И в комнату входят они.

* * *

Вот она возникает из пены,
Море красит ее во сто крат,
Как чудовищно одновременны
Твой рассвет, твой расцвет, мой закат!

Эта пластика – суть завершение
Поколения нимф и богинь –
Не мое ли тут мудрствует зренье?
Погоди же! Нет, все-таки сгинь!

...Метафизика пены. Кипенье.
И две крайности объединя –
Ты, как море – мое представление,
Независимое от меня.

* * *

Так ведь не было даже вначале –
Чтобы двое лишь: он и она.
Неужели вы не замечали –
Вам вторая она не видна?

И когда изгоняли из рая,
И когда... и тогда же вполне
Непричастная эта вторая –
Сердцевинная – там – в стороне.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Древнее тут поселенье,
След его и ни следа.
Жажда моя и моление
Чуда: тебя бы сюда!

Вместе бы в эти ворота,
Мимо остатков колонн...
Как золотит позолота
Солнца Дманисский Сион!

Нет, не Сион, а Сиони –
Так он точнее звучит.
Соединяя ладони,
Заново нас обручит.

Да возвратится сторицей
То, что пропало во мгле.
Впадины с черной водицей,
Помнишь, тогда на скале?

Это случайное ложе
Я вспоминаю с тоской.
Бледность смутившейся кожи,
Вынесшей плен городской.

Что, озабоченно рыща,
Все нумеруют слои?!
К плитам сего городища –
Только стопы бы твои!

Словно в раскопках таится
Скрытно живое досель
И в существе экспедиций
Тайно побочная цель.

И об одном эти травы,
Мыши и перепела,
Паперти и архитравы,
Крепости и купола.

НОЧНЫЕ СТОРОЖА

* * *

Не повод для стиха, а лишь основа такта.
Над головой изогнута река,
И так нужна в руке твоя рука,
Чтоб только легкий слушать шаг твой.

БАТУМИ

Этери Думбадзе

1.
Эта складка бульдожья магнолии
собиралась в свечу над тобой.
Незажженная, с ветки любой

все хотела светить в то окно или
устилать чей-то путь скорлупой.

Пыльной властью асфальта униженный,
город в городе словно не свой.
Кто ответит своей головой
за твои дождевые булыжины,
прораставшие мелкой травой?

До свидания, милые призраки,
ничего не поделаешь тут.
Дым картонных, игрушечных труб.
Рядом с вами все новые признаки
у причальных мешаются тумб.

И забытое детство не мешкает,
здесь, в кофейне, путем окружным –
с неба, к морю, потоком речным
с пожелтелой бамбуковой вешалки
полотенцем полощет ручным.

Над случайною всей совокупностью
наблюдений, пристрастий, примет
повседневности высится свет
и стихи озаряет о хрупкости.
Кремня тверже. В них хрупкости нет.

2.
О чём морское поле так хлопочет,
полоской пены берег беребя?
Жить для себя, жить только для себя
Простой его наказ волной рокошет.

Когда-то легендарно и сурово
к тем морякам базальтовых пород

оно ушло. Залив лежит подковой.
Сулит покой и счастье наперед.

3.
Порт в дожде. Все будто на пожаре.
Но она прошла не торопясь.
Женщина в трех лужах отражалась,
пьющего касаясь воробья.

Поднимают от причала сходни,
вал прокрутит первый свой виток.
Винт с цветком, должно быть, чем-то
сходен,
раз пошел в воде расти цветок.

Ждет чистильщик обуви в нелепом,
ухарски завязанном платке.
Стертые железные «налеби» –
две подковки на его станке.

Бричка мимолетная мне снится.
Я бежал и подвезти просил.
Но без груза не берет возница,
и горит зеленый глаз такси.

Пусть блаженное незнание жизни
снизойдет по-прежнему ко мне.
В небо световой рекламой брызнет
и напишет красным по волне.

Облако от облака прикурит,
и пройдет наряд береговой.
Пуст базар. Непроданные куры
в черной связке никнут головой.

* * *

Поцелуй для губ не убыль.
Поцелуй – обновление губ.
Но пока обновляются губы –
сердце треплется...
В сизую глубь
ты уходишь, ушла, и перья
вечеров прикрывают глаз.
Дважды видит он: в самый первый
и зачем-то в последний раз.

* * *

О.М.

Положен камень под щеку,
Сей прах шлифованный и твердый.
Ты – это ты. Что значит мертвый?
Завиден мертвый лев – щенку...

И рыбы трутся плавниками,
Ты помнишь: так же на Оке...
Да нет же точно так на Каме
В пересыпаемом песке.

А где-то тянет по привычке
Перронный жалостливый дым.
Давай сейчас на электричке
В твоё лазорье угодим.

Тут все – твоё. Бери любое
На память – Якорную щель
И рядом море голубое...
Но не кончается туннель...

Что значит неумолчный рокот,
Мурлыканье довольных сфер?

Кто их на землю с неба сверг
И тут погладил ненароком?

* * *

Но как строку ни завершай,
А все к тебе вернется вскоре.
За горьким шепотом: «Прощай...» –
Не детское ли: «Здравствуй, море».

* * *

И пусть не воин я и пахарь,
И под плитой мне тут не лечь,
А в те года – одна лишь плаха
Могла бы мной не пренебречь.
Все ж над моею горсткой праха
Изобразится серп и меч.

* * *

Есть суть иная в сути голой
Той сказки с платьем короля,
Что утоляла странный голод,
Воскресший из небытия.

Себя на век опередив,
У пульта с ручками авоська,
Пыхтит, пыхтит локомотив
И тает, словно он из воска.

Куда от взмахов лже-ткачей,
В какие крайности нам деться?
Нематериальный дым вещей
И крепость истины младенца.

* * *

Но я хочу в аэродром,
В тот быт стремглав неторопливый,
Под приземлившимся крылом
Услышать тайные призывы.

И не вообразить полет,
А только ждать простого знака,
Поглаживая переплет
Посмертной книги Пастернака.

* * *

В чем смысл летящих лепестков,
Пролившихся среди дороги,
Когда за ними лик тревоги
Сквозил и мнился звук оков.
Тревога давняя – сама
Теперь причина вдохновенья.

Печальны эти песнопенья...
И только б не сойти с ума.

* * *

Гие Маргвелашаили

На тусклой суе перрона
Все совершилось. И, как встарь,
В руке проводника бессонной
Тот керосиновый фонарь.
Он не был символом печали
Разлук, тревоги – просто свет,
Необходимый, чтоб билет
Каким-то знаком помечали.
Чтоб все божественные выси,
Всю суть познал в двух строчках ты:

«Как близко море от Тбилиси –
Всего лишь ночь одна езды».

* * *

Ю. Олеше и Б. Ахмадулиной

К вещам великим прикасаться тенью –
Вот это все, что я имел в виду.
Вращалось тихо яблоко в саду,
Под ним закон таился притяженья.
И через годы в ту же синеву
Та женщина услышит ударенья
Размеренные – яблок о траву.

* * *

Гие Маргвелашвили

А нам нельзя и пальцем шевельнуть,
не вызывая в самом сокровенном
похмелья оседающую муть.
О, мудрость древних, как ты современна!
Зачем тобой предписанный покой
и к действию слепое недоверье
не властвуют над суетной рукой,
когда стучимся мы в чужие двери?

* * *

Плоти Мандельштама отблеск некий
Где же тут в блаженстве естества?
Но волхвы с волами вдоль засеки,
Солнце на младенческие веки
Скупое цедит щедрая листва.

* * *

Карусель совершенно бесшумна
И с бесшумными кружит детьми
До чего же затея безумна –
Не в немом ведь кино, черт возьми!
Ну а яркости не лишена –
Вот какая теперь тишина.

* * *

Вот он опять родился и забыл,
И сон забвенья чист и непробуден.
Не говори: «Кем мой ребенок будет?»
Но просто так: «А все же, кем он был?»

И впредь в одежды новые рядись.
Им подивись потом в музее где-то,
Еще не раз, еще не раз родись.
То выдумка: Харон, Психея, Лета.

ДОН ЖУАН

Что может этот пионерский горн?
Что на рассвете он еще разбудит?
Надменный камень холоден и черн,
Беспечный лист на нем пыланье студит.

Беги, беги от этих страшных мест,
Где цепко память только прошлым дышит.
И командора памятник не слышит,
А по ночам к нему записки шлет.

* * *

Неужели еще не пора,
И душа та же все, что когда-то?
Никакого не нужно пера,
Никакого не нужно заката.

* * *

Девятнадцатый век-поставщик:
Голубые как небо фургоны,
А забытое слово «прогоны» –
Как разносчика зелени крик.

* * *

А ночью все почти как встарь,
У вечности глубокие карманы.
Взойдет луна, и увезут фонарь,
Столб и фонарь, как и луна, обманной.

И во дворе тетрадные поля,
Теснятся образов переизбыток,
Мир галереек, лестниц и калиток,
Готовый быть сведенным до нуля.

РЕНЭ

Автобус. Дождь не устает косить –
В полях уже не всколосятся злаки.
Но тень твою я мог бы воскресить
Одним лишь прежним восклицаньем:

маки!

ГАЯНЭ

Тут летняя у осени пора.
Закон один: томленье и беспечность.
Вдруг пильщики стоят среди двора.
Все дорого – бесплатна бесконечность.

Дрова из лесу – детское «вестимо»
Послышалось, завьется стружкой дым,
А может быть, огонь растет из дыма
И мох зеленый неунитожим?

С предложением «ва» – и двор уже иной,
И в «вадваре» – субстанция иная.
Вокруг вода такая земляная,
В отличие от просто водяной.

Прекрасны рыб воздушных косяки,
Давно минувшие мелькают лета.
Волнуют нас не только плавники,
Но даже иглы рыбьего скелета.

Эх, были-жили, глубоко вдыхали,
Не удивлялись рыбам, но едва
Она в тарелки шлепалась: жива!
Всегда жива, под именем цоцхали.

Уносит гном готовые дрова,
И курд-подвал топорщится усами.
Один Тифлис под всеми небесами,
И пильщики уходят со двора.

А ночью слышен шелест легких шин.
Везет фонарь старинная двуколка.

Но как, скажи, дудят в трубу-кувшин?
А как бы пьют, а как бы пьют – и только!

Как на одной картине – все точь-в-точь.
Да вот еще: лев на окне и ночь.

* * *

В начале осени душа занует.
Внезапны пыльщики среди двора.
Должно быть, дороги дрова,
Зато безмерность ничего не стоит.

Напиток зимний осень отпила.
Во многих днях как раз-то дней и мало.
Проворно ходит в дереве пила,
Иное воцаряется начало.

Три яблока вне видимых причин
В углу двора кружатся и порхают.
Но как, скажи, дудят в трубу-кувшин
И как бы пьют, пьют и не выдыхают?

* * *

Я смутно думал о вине
Перед Манглиси, что вполне
Весь исчерпал себя во мне,
Но оставался сам вовне,
Прекраснее, чем был, вдвойне.

* * *

Былой покрой. Смешной фасон.
И не смешной. Безумно рано.
Еще заводят патефон,
И игл требует мембрана.

И, отрешенный от тревог,
Ты мал еще. И лето жарко.
И смутно: гриб и поплавок,
И духовой оркестр парка.

* * *

Зуб старика с молочным зубом схожий,
И, приобщаясь, отвращаюсь лиц,
Тут, в сквере чухлом, все же дан мир божий –
Колено женское и щебет птиц.

Мы щебету приписываем тему –
Истории последнее звено.
Однако ничего не решено,
Они поют по Брему, не по Брему.

И есть какой-то цикл, и пустячок
Проносится вне круга увяданья,
Как бы рожденный вдруг из бормотанья.
В ведре татарской зелени пучок.

* * *

Кривые лесенки. Шагал
Не смог бы тут кривее.
Есть счастье в том: я тут шагал,
Где все вокруг – евреи.

Детали скачут как река,
Легки и не суровы.
В подвале дома мясника –
Ну что? Да полкоровы.

А прокопченный мир суббот –
Легенд крутое тесто.
Горели все и раби тот,
Не сдвинувшийся с места.

Что ж от добра искать добро?
Стою над бездной синей,
Со мною вместе серебро
Ушел транжирить иней.

* * *

Откуда это цоканье копыт,
Полет, что от земли неотрываем?
То не пролетка, а кентавр спешит
Поспеть вдогонку за ночным трамваем.

* * *

Я от себя давно не жду вестей –
Не умер ли от горя иль запоя?
Но нет, живу и отдаю без боя
Остатки славных старых крепостей.

* * *

Сцену высоко запрячу
В кипени облаков.
«Суровцев, на передачу», –
Трубный услышу зов.

Словно что было когда-то
И прогремело давно
Громом и эхом раската
Тут повториться должно.

Возле вершины Казбека
Дымная круговерть,
Тонкие лучики снега,
В муках рождается твердь.

Выглядит действие странно
Сквозь самолетный глазок:
Воинство, стены, охрана
И пропускной теремок.

А Суровцев не понимает,
Стоит у закрытых ворот.
То ли его не впускают,
То ли – наоборот.

* * *

Над нами птица крикнула спросонок,
На странной скрипке голос проскрипел.
Не знаю – глух он или слишком звонок,
Но прочернился повести пробел.

Что птичьи сны бессонной нашей ночи,
На спицах длинных звездные катки!
Что нам совы стремительные очи –
Все клювы, перышки и коготки!

* * *

Лестница, куда твои ступени?
Поздней ночью встану на колени.
Поскрипи еще, как мышка полевая,
Винтовая, винтовая, винтовая.

* * *

Ну, я прожил, живу, и что же,
Чем я заполню пустоту?
Иду себе к себе, о боже,
Стоят деревья на мосту.

Куда они пустили корни?
Неужто я несу обман?
Ночной, горячий хлеб из торни,
Луна неполная... Туман.

* * *

Хореи, ямбы – как заведено,
Так и стихи по-прежнему слагаем,
А может быть, мы умерли давно
И ничего об этом не узнаем?

А между тем простая черед, –
Неужто каждый год другому равен?
А юноша мне говорил: «О да,
Любимый мой поэт – Державин».

* * *

Я теперь в неведение не кинусь,
Ямб, хорей ли – я не тороплюсь.
Алгебра: к стиху приставлен минус,
Вечно минус, минус, а не плюс.

Что же делать? За дугой трамвая
Тянется серебряная нить.
Нужно, все на свете упрощая,
Только упрощая – углубить.

* * *

Из маленького-маленького дара,
Считай – его почти что нет,
Никто не по плечу, никто не пара,
Возможен ль небольшим поэт?

И тишиною комариной звонок
Тот день еще в плетении дорог,
Как облако с каймой – в саду теленок,
И две минуты сеном пахнет стог.

Там по земле стихи еще ногами,
А не пером – мучительно к концу.
И яблони раскинуты шатрами
И яблоками хлещут по лицу.

* * *

...Черновики уничтожают.
Свои, чужие ли стихи –
Любые в замысле плохи.
Стихи не пишут, а спасают.

Спасают, перевоплощая,
Что может выше неба быть?
Необходимо, упрощая, –
Все упрощая – углубить.

* * *

Все в голове перемешалось,
Перемешалось как-то вдруг,
И мне осталось только малость –
Неверный или верный звук.

* * *

Так на скульптурах выемки – зрачки,
И все-таки глядят на вас иные,
Но чуют ноздри газы выхлопные,
А уши слышат, как трещат сверчки.

* * *

Там по неясной и простой причине
Далекая звезда – ее и нет в помине.
С железной женщиной – решеткой на камине –
Я ночи напролет один – наедине.

* * *

Я иногда боюсь открыть глаза
Не потому, что что-то непонятно,
Не потому, что страшно и слеза,
А потому, что ночь, и живопись, и пятна.

* * *

Вот два шага и три шага отмерь,
Стреляй в упор без промедленья
Ведь все равно теперь,
Какое будет искупленье.

* * *

Обедать, ужинать, растить дитя,
Которое ни в чем не виновато, –
Вот правила игры, где не шутя
Играют после объявления мата.

* * *

Был дом его построен на песке,
И хмурятся угрюмо «туры».
Что после мата значат на доске
Какие бы то ни было фигуры!

Но маленькая пешечка – дитя...

* * *

Меня обогащает разоренье,
Но опыт каждый – тот же штраф!
Опять плати по счету и сомнение
Оставь, оставь, оставь, оставь.

Особенно же дороги подарки.
Подарок – дар. Не верь ему, не верь.
Но уст коснись. О, почему так ярки
Прозренья в слепоте? Впредь. Ране. И
теперь.

* * *

Когда закопчены каминны...
Шепчу, но то ведь был один
Тогда увиденный камин,
С бухари-очагом единый
Не чернотой ли седин?

Когда закопчены каминны...
Нельзя ли строчку отпустить
На волю и в среду иную?
И оборвать земную нить,
И бормотать напропалую.

* * *

Так смещены и странны цели,
И горечь сладостна на вкус,
И мне понятен тот искус
Создания простой модели.

Всечеловеческий там сруб
Первоначальной бильярдной,
Впоследствии же – чести клуб
И дом на площади парадной.

Тут центр всему. И замкнут круг
Приобретенья и потери.
Шаров немолчный перестук
Мешается со стуком в двери.

К кому стучат, к кому –
Чья карта меченая бита?
Уже построили тюрьму,
И слух оправдан про копыта.

И есть прекрасная колдунья,
И колдовство, и новолунья!

Все образы давно не спят,
И шумною толпой цыгане,
И донны Анны в ресторане
Порхают в траурном до пят.

Во всем какая-то нелепость,
Но в чем она – не разберешь,
Когда охватывает эпос
Уже лирическая дрожь.

И я там жил и был не раз,
Моя надежда и отрада,
И пил вино из винограда,
Но чаще все же из пластмасс.

* * *

Взрыв индюшки – позывные Вани.
Образы – глубоко, странно спят:
Донны Анны служат в ресторане,
Ходят в черном с головы до пят.

Белолицы, белоствольны, споры.
За ночным окном туман.
За столами кутят командоры,
Вертит в кухне вертел Дон Жуан.

Счастье – ничего не знать заранее.
Свет обернут в благостную тьму,
И поэзия лишь ускользанье,
Но не ясно, от чего к чему.

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Бегут трамваи по траве,
Окраина – бескрайна.
Где я, где ты? Те тени две –
Прекрасна эта тайна.

Мы плотно ставни притворим,
Оставим только щелку,
Заговорим, отговорим
Без умолку и толку.

* * *

Балдахины гудят надо мной,
Где старухи окрашены хною.
Чайхана, чайханы, чайханой,
Чайхане, чайхану, чайханою.

Обойди, обойдусь, обойду...
Пахнут дымом восточные грозы.
Панджу-як, шашу-беш, себайду –
Катят кости всюду виртуозы.

В общем, это единственный звук,
Как растет он в ночи, будь неладен,
И стремителен взмах этих рук,
Словно у пианиста украден.

* * *

И нет под кленами мне чайханы,
И пьяницам не нужен тот духанщик,
И, огибая бастион спины,
Летит, летит в трамвае одуванчик.

Все было до себя – на той горе
В младенчестве – и Сашка с пирожками.
Еще вопрос, что жил он при Петре,
Тот Меншиков, с дворцовыми друзьями.

Как выпуклы и как густы мазки
Пруда осеннего с недвижной рябью.
Пред живописью ведал я лишь рабью
Зависимость рифмованной строки.

Невы гранит, и шпиль парит высоко,
Истаял дым прямого чубука

Истлела шелковая ткань шлафрока,
Есть только лоно, лоно языка.

И ни к чему излишества Востока.

* * *

Тут деревянный дом как дека,
Он инструмент, и есть колки, –
Басят, прозрачны и легки, –
И признак колхозчеловека.

Чтобы судьбою просквозило
В твое бездомное ребро,
Где ночь лилова, как чернила,
И лица светятся добро.

* * *

Берег моря плоский-плоский
После дождика утих.
Собирала мама слезки,
Привозила в банке их.

Как потом они мерцали,
От воды простой ожив.
Снова берег. Снова дали.
В чайном блюдечке – прилив.

Лето. Лето. Лета. Лета.
В близости сороковых.
Нехорошая примета
Привозить от моря их.

Море плещется в истоме,
Общий вид над головой –

В старом мамином альбоме
Давний снимок групповой.

НАШ БУФЕТЧИК АРАРАТ

И вентилятор словно пленный дух.
И духота воздушна и крылата.
И мы вдвоем едим почти за двух
И пьем за семерых у Арарата.

О, Арарат! В разгар июля снег –
Буфетчик и гора мешаются порою.
На третьем этаже – причал, ковчег...
Рождение звезд коньячных под рукою.

На белом фоне черный телефон,
По телефону вызвать в нашей власти –
Свят, свят! – воистину бессмертен он,
Официант междуэтажный Власи!

Служебный лифт открыт, чуть виден ствол,
Что, вероятно, связан с преисподней,
А Власи наш обмахивает стол –
Сейчас или весною прошлогодней?

Из предыдущей вечности вспорхнул
И держится рассеянно-любезно,
Вот дверцей лязгнул, бездноюдохнул –
Саму себя же выдохнула бездна.

...Две девочки ходили в зоосад,
Садок судей, судок, судак. Надсада...
Подкинь еще лимонов, Арарат,
Но ни одной монады лимонада.

Дрожит от гнева холодильный шкаф.
Он в мире грез эмалево-латунном,
И, может, даже вспомнится жираф,
Которого кормили мы тархуном.

Здесь все для встреч... Уплывами наплыв
Буфет искомая периферия.
От двух до трех на третьем перерыв,
К нам с двух до трех спускается Мария.

– Мария, ты? А где твоя сестра,
Всегда с тобой работавшая в смене? –
Злосчастлива жизнь, но благостна пестра...
Нет на вопрос ответа тем не мене...

И все тут скоро станет по плечу,
Сверкающие горные твердины...
И Арарат сейчас зажжет свечу
Внутри пустой, но все же целой дыни.

И от свечи отступит прочий свет,
Свет свяжется лишь с дынным ароматом...
Закрыт, закрыт, для всех закрыт буфет,
Закрыт на третьем и закрыт на пятом!

Какой тут, к черту, может быть барыш!
Они для нас стараются в убыток.
О чем еще ты, друг мой, говоришь,
Какой еще потребуешь напиток?

А что теперь? Болезни. Недосуг
Покрыть последний долг у Арарата.
Уходит все, но остается звук, –
В руках нет ничего, да и не надо.

ЧЕРНЫЙ ДИСК

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.

А. Ахматова

...Есть пластинки, как старые вина,
Взгляд по ним пробегает слепой.
Ты, душа моя, снова повинна –
Все всегда словно бы не с тобой.
Разве так уже я привередлив?
Все к тому, что не к спеху, спеша,
Устремляются вновь, не помедлив,
Там, где надо бы медлить, душа.
Нужно музыки ей сторониться
И не помнить о том, как пуста,
Как белеет под лампой страница
И что прочее лишь суета.
Что стряслось с коренною южанкой?
Бормочи же над ней и шамань,
Все опять да предстанет изнанкой,
За которой заветная ткань.
Там слова точно звезд мириады.
Вновь пред летом Тифлиса опешь,
Опиши переулочек и нарды
И рассказ назови «Шаш у беш».
Шаш у беш – шесть и пять. Эти лица.
Керосинка. Светящийся мрак.

.....
Ну куда ты торопишься так,
Разве есть нам куда торопиться?
Впрочем, что же! Динамика шип.

Теснота – бегство в самую пору.
Тут меня подозрительный тип
Пригласил за прилавок в контору.
Мы пробрались по темным углам
В дверь с табличкой, привешенной косо,
Извещавшей невнятно, что там –
Некто – временно главный по спросу
Склад каких-то рекламных кружал.
Я устроился в кресле глубоком.
Провожатый же мой зажуужал
На меня устремившимся оком.
Два насытых навозных жука
Заполняли, казалось, глазницы,
Машинально листала рука
Глянцевитых проспектов страницы.
Вдаль уставясь одним из жуков
И с меня не спуская другого,
Он сказал, что служить мне готов,
Раз уж фирма к тому не готова.
Угодить мне считает за честь
И впросак не попасться при этом,
Что такая, мол, серия есть,
Есть такая: стихи – поэтам...
В ней поэты читают стихи,
Все свое, ну а главное – сами,
Ведь актеры к ним вовсе глухи
С их поставленными голосами.
...Что за тип! Черт-те что этих черт.
Он поманипулировал ловко,
И в руках оказался конверт,
Та знакомая мне упаковка,
Где тот профиль, а может быть, фас,
Суть неважно. Но свойство металла
На бумажной обложке тотчас

Фотография вдруг обретала.
...Так недавно еще среди нас
Божество на земле обитало...
Те, кто жил, не поспев, не успев
Прикоснуться... Да в этом ли дело!
Ведь стихи нам оставить успела
Эта – царственное королев...
Словно все наперед предреша,
Шла, казалась невидящей, зоркой...
Свет лия. Свет лишь истины горькой,
Но которой взыскует душа.
Муза! Муза! Какая пора!
Чудно, чуждо то слово порою,
Ну а ей доводилась сestroю,
Так вот запросто: муза – сестра.
И река по долине текла,
Огибая какую-то чашу.
Вкус вина изменился, и в чашу
Примешались осколки стекла.
Участь гордая предрешена:
Этот город гранитный и дивный,
И под соснами вся тишина,
Все на свете прошедшие ливни.
Щелкнул крышкою тут портсигар
И вернул меня к прежней орбите.
– Что ж, Ахматова – дар, не товар.
Что резину тянуть вам? Берите.–
Ну и ловок ты, черт побори,
До чего категории тертой!
Вслух: – Таких у меня уже три,
Мне, простите, не нужно четвертой.–
Где я видел такой же оскал?
Он зубами ощерился всеми:
– Та пластинка, что я показал,

Не имеет касательства с теми.
– Но позвольте, чем отличена?
Обороты и марка завода,
Тот же выпуск и величина...
– Да, все то, да не этого рода.
Ваш резон – безусловно прямой,
Но пустить тут пластинку не место,
Вот вернетесь позднее домой,
И такая завертится месса!
Черный диск, черный диск, черный диск
Разольется китайскою тушью...
Тут известный имеется риск –
Вы на карту поставите душу.
Но зато! Тот таинственный дом,
Тот сугроба нетающий гребень.
Воскресение мертвых! О том
Возвестит небывалый молебен.
Черный диск, черный диск. Белый лист,
Белый лист, побелее сугроба.
Высота, на которой вы – оба,
И еще ни один альпинист...
...Многоточие. Пауза. Вздор.
Как изломаны оперно брови!
– Мы,– сказал он,– скрепим договор,
Как положено,– капелькой крови.
Вот сюжет, что не знает границ:
«Стой – стреляю!»... Но пусто и голо.
Он извлек отвратительный шприц,
Палец я протянул для укола...
И проплыли какие-то сны,
Невесомо несомые сонмы.
То, чем в детстве мы потрясены...
– Что за тяга от темного к темным?!
Столько светлых, ликующих сил!

Почему же вы мимо скользите?
Сколько раз я когда-то молил
О таком непомерном визите!
Чем теперь я его заслужил?
Я предал на распятие друга,
Я оставил жену и детей,
Я и сам ведь из вашего круга –
Плотью, кровью и звоном костей!
Я сумел бы другим для начала
Предлагать то, что ты предложил.
– Я не знаю, – ответил он вяло, –
Самый Главный меня торопил.

Мы расстались. Во времени скором
Я спустился в один погребок.
Водка, смешанная с валидолом, –
Вот рецепт, что прописывал бог.
Пар и дым. Разговоры в обнимку.
То да это. И особняком.
Я забыл обо всем, и пластинку
Мне вдогонку вручили потом.

...Отличиться пластинка на волос
От таких же других не могла,
Воссоздать удивительный голос
Опустилась тихонько игла.
Этот старческий, неповторимый,
Ведь когда-то он был молодым, –
Звук той глиняной ли окарины,
Растворившийся в небе, как дым...
Но сравнить его все-таки не с чем,
Что сравниться с ним может вполне!
Говорят, он казался зловещим,
Потому был хмельнее втройне.

Как же вызволить голос из чтенья?
Что ж, проблемы, пожалуй, тут нет.
Как разбить нам оковы почтения
И войти в ослепительный свет?
Где блаженная длится беседа
И с другими она говорит:
«И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит».
Что же это? Не знаю, не знаю.
Это – все. И оно ни о чем.
Это магия – припоминаю. ...
Далека эта птичка с плечом,
Далека, но отсутствие рядом
Будто стало присутствием тут.
И морозное солнце. Парадом
Те войска под волынку идут.
Упоенный живительным ядом,
Ход обратный я слышу минут.
На двадцатом, тридцатом ли, сотом –
Я начало само проглядел, –
С каждым узящимся оборотом
Странно голос ее молодел.
Так внезапно и так постепенно,
Только как это – не описать.
Вовлеченные вещи и стены
Обращались за голосом вспять.
Что-то, чувствую, в этом неладно,
Но сигналы тревоги глухи,
Лишь ловлю ненасытно и жадно
Голос, произносящий стихи.
Вот и время уже не помеха –
Кто-то дал ему мощный пинок.
(Слышен взрыв демонический смеха,
За прорехой зияет прореха,

И снует беспокойный челнок...)
Только воздух свистит разогретый,
А потом – затихающий ход...

Начинается ею воспетый
Предвоенный, тринадцатый год.

БАЛКОНЫ ОСЕНЬЮ

1.
Булавочный просвет того балкона –
Бессмыслица – балкон распахнут весь.
Но к малости пространство благосклонно
И свой отсчет берет отсюда днесь.
Что пустота – казалось бы, изъятие,
А купол неба не бывает пуст:
Сорвется голубь, словно слово с уст,
И самолета высится распятие.

2.
Вот ожерелье желтое шафрана,
От вымысла оно на волосок,
И связка перца (до чего багряна!),
А как балкон прекрасен и высок.
Доподлинность мгновенна и пространна:
Шафран – во-первых, перец – во-вторых,
И так две связки – перца и шафрана.
Что в-третьих? Связка шпилек бельевых.
Есть в этом род зависимости милой;
Знать наизусть, не ведать ни о чем.
Балкон. Балкон.

3.
Уж не одной могилой
Сей мир причастья к свету помрачен.

Тут жил мой друг. Там детство протекало.
«И папочка, и мамочка, и сын...»
Как в песенке.
И очередь стояла –
Давали керосин.

4.
Я прохожу прохожей слабой тенью.
О чем же говорит мне каждый кров?
Порядок мертв. Учись лишь запустенью
На выбор – у балконов и дворов.

ИЗ «ПОСМЕРТНЫХ БЛУЖДАНИЙ»

Т. и К.

Мы покинули этот балкон,
Все балконы, балкон за балконом,
И к балконам привязанный склон,
Синий издали, близкий – в зеленом.
...Перед нами теперь Вавилон,
Эта блажь с неживым небосклоном.

Я не знаю, на долгий ли срок
Он воздвигнут Нанна и Энлилем.
Смерч накроет его как платок,
Вновь затянет забвения илом.

Вдоль Евфрата расплавленный жар,
И прохладой несет от пустыни,
Странно целы ворота Иштар,–
Их обломки хранятся в Берлине.

Может, правда, что времени нет
И грядущая гибель нестрашна.

Ускользающий твой силуэт,
И вокруг вездесущая башня.

Темны символы звездных систем,
Не найти нашу малую блестку.
Ты вслепую касаешься стен
И грызешь золотую известку.

Никого. Только глина и прах.
Между статуй идем осторожно.
Путешествие наше в веках –
Подтверди: невозможно – возможно.

Не со мною – ты все же со мной,
Ну а та, что со мной, не со мною, –
Так устала за путь наш земной,
И особенно новой весною.

Вавилон. Вавилон. Вавилон.
И растут и любовь, и обида.
Вновь цветущий над городом склон
В сонме гор за горою Давида.

* * *

Ей снятся сны не про меня –
В них садовод тот чинный,
С цветами женская возня,
Достойная мужчины.

Но этот сад во все века
Возделывал не ты ли?
Да все равно, чей сад, пока
Ее не разбудили.

* * *

Мы скоро, только до того угла!
Она и он так убеждали взрослых,
Вершивших свои взрослые дела.
И отпустили двух светловолосых.

А улица старалась, как могла.
Ей запах лип прибавил необъятность.
Ах, пять минут до этого угла,
Ах, пять минут – и повернуть обратно.

* * *

Как эти линии покаты,
Как удивительны мазки!
О, человечки на плакатах
Архитектурных мастерских!

Те вездесущие фантомы
Проскальзывают в каждый дом.
И даже в нашем старом доме
Ваш керамический фантом.

И что с того, что по колено
Мне море жалкого тряпья?
И мы фантомы поколенья –
И ты – не ты, и я – не я.

А это значит – новый Некто
Гротеска пустит карусель,
Напишет заново «Шинель»
И Нос отправит по проспекту.

* * *

Беда. С движением неладно
В век олимпийских, быстрых ног.
Шумит, волнуется Эллада.
Зенон теперь не одинок.

Нет для движения причины –
Ни для руки, ни для лавин.
Дробится путь на половины,
И столько этих половин,

Что бесконечность, встав из праха,
Уже не хвастает, не врет.
Не Ахиллес, а черепаха
Тесемку финишную рвет.

Так половинчатая подлость
Сковала души и тела.
И вот вверху, Олимпа подле, –
Висит недвижная стрела.

Не поразит она мишени.
И там, в том вихре впереди,
Движенья нет в самом движении,
Есть лишь вращенье средин...

К прилежному пыхтенью пара,
К автомобильной толкотне
Той точкой мертвой бы припала
Морская тишина на дне,

Когда не шла бы из-за леса
В зеленой неоглядной тьме
Колдунья, девочка Олеся,
С веревкой тонкою в уме.

Она себе ее представит
Протянутой между дерев.
Споткнуться путника заставит,
Захохотав или запев.

И он откроется, крылатый,
Путь от порога до звезды –
Сквозь все Зенона постулаты,
С той неизбежностью беды.

РАЧА ЗИМОЙ

Досталась мне, подъему вопреки,
Лишь удивленья легкая работа
Шли с перевала вниз грузовики,
И снег лежал пластами на капотах.

А тут на полпути еще тепло.
На небе блеклом яркое знаменье;
С пришитым солнцем облако текло
И гнало вспять полуденные тени.

И по дороге черные волны...
Их обогнав, мы их не обогнали.
Сто лет тому назад, снопы взвалив,
Они бредут и немыслимые дали.

Они бредут, бредут, не глядя вниз,
Где медленный, в оранжевой печали
Исполненный доверия стриптиз,
Что к декабрю деревья обещали.

Но холодно становится спине,
И хрупкость рук подчеркивает иней

А вот и снег. На белом полотне
Квадрат двора диагоналят свиньи.

Летел туман. Мне с ветром довелось
Вбежать в его огромное строенье.
И жалкою казалась мне до слез
Слов суета на этом пире зренья.

* * *

Пустяшный день. Такой пустяшный день,
Но приглядишься к нему, как он заполнен, –
Ведь даже малой сахарницы тень
Звала тебя навек ее запомнить.

И за стеклом сутулая спина...
Быть может, этот домысел мой ложен,
Но что-то я забыл и вспоминал,
Как я делил тот жалкий хлеб и ложе.

В журнале бронзовел Хэмингуэй,
Там среди львов ютился лев крылатый.
О вещий признак настоящих дней,
Я этот день уже прожил когда-то.

И было так же пусто на ветру.
Пролет моста перемахнул я сразу,
Запоминая только краем глаза
Для дня другого черную Куру.

* * *

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

А. С. Пушкин

И вот, чужой слезы не замечая
Уходим, сигарету погасив,
Хоть три часа до первого трамвая
И не найти попутного такси.

А город кружит, кружит по спирали,
Не признавая линии прямой.
Зачем нам поздно двери отпирали?
Но не ответит старый город мой.

Он подтолкнет – влетай вот в эту область,
Как в облако. Под фонарем привстань.
Идет король – голубоватый отблеск, –
С вассалов верных собирая дань.

Ночных дворов мерцающие дали
И тени виноградная лоза
Тебя несли, несли и ограждали.
Но та никак не падала слеза.

* * *

Так поздней ночью мы проходим мимо
Тех сторожей, что у огня дрожат.
Охваченные бликами и дымом,
Что сторожат ночные сторожа?

Чем сторожей укрыть от похищений?
Костер в ведерке догорит дотла,
Разрушит утро эти светотени,
И к пеплу-ночи тянется метла.

СТИХИ ОБ АРМЕНИИ

1.
Еще вздыхают паровозы тяжело...
Стоят и пар транжируют за селом.
И железнодорожная фуражка
Бежит в рассвет с магическим жезлом,

И путь открыт... Из нас не вить веревки
И не купить у Арарат-горы
Тем сочетаньем роскоши с дешевкой
Гранитных стен и гипсовой муры.

2.
Войди в скульптур исчезнувшую твердь,
В то торжество картинной галереи...
И уходи. Открыта настежь дверь.
Колющий быт лукавит и добреет.

3.
На крытом рынке долгий звукоряд.
Чесночный запах, теплый лепет камня,
А эти ждут, молчат, не говорят,
Опавшими торгуют лепестками.

Им скоротать бы время в разговорах.
Над ними тени пляшут, как кинто.
Тот розовый колышащийся ворох
На вес еще не покупал никто.

А время где-то там, с горы крутой –
Два конуса, приникших остриями,
В проходе узком – белой барантой
Течет себе песочными часами.

4.
Репатриант-ливанец – брадобрей –
Блестит очками, важно клонит выю
Он мылит щеку правую сильней,
Чем левую. Считает чаевые.

5.
Сановно голубеет ресторан.
Абсолютизма отсветы под носом.
Рыб королева и король – ишхан –
Дымятся рядом на одном подносе

6.
В автобусе за струйками воды
Видны холмы сиреневого цвета.
Поет слепой. И мальчик-поводырь
Берет, не глядя, мелкую монету.

А это верный признак, что старик
Останется один. У влаги пресной
Солоноватый привкус. Мир велик.
Уйдет мальчишка. Не об этом песня,

* * *

Глаза мои тебя не увидали,
Преград нагромоздил строитель-век.
Зачем бетона столько, столько стали?
Достаточно закрытых было век.

* * *

Вот он летит пока что неумело,
Твой красный мак, опущенный с моста,
Исчез – мгновенье длится пустота –
И бабочкой выпархивает белой.

Недоумение... Знак из Ниоткуда...
Мы наблюдаем, наблюдаем, но
Из поля зренья выпадет звено –
И взмахивает крылышками чудо.

* * *

Той вечности минуты сочтены
В еще своей, уже чужой квартире.
Мы вспомним врозь и вместе все четыре
Ее гостеприимные стены.

Заката пламенеющего сгусток –
На облако положенный мазок,
И за окном затрепетавший кустик,
Раскачивавший тенью потолок.

Два измерения летают по квартире.
Уже не существует верх и низ...
И высота накапливает высь,
И ширина задумалась о шири.

* * *

Восстановить мгновение – тот дом
По кирпичу сложить, посторониться...
Чтоб ты прошла и скрылась за углом
С тревожною снежинкой на ресницах.

«СУТЬ ДЕЛА» ГРЭХЕМА ГРИНА

Тут корабли томятся на приколе
И нестерпима синева теней,
А в кабинете, как пустыня, голом
Наручники ржавеют на стене.

Не потому, что этот мир с прискорбным
Лицом своим – уже не правит суд,
А потому, что существует Скоби,
Он на посту. И в этом дела суть.

На дневнике скупом ни капли крови.
И капли света он не приоткрыл.
Откуда ж этот звук по скату кровли
И взмах тревожный утомленных крыл?

А там, в порту, уже закат всегдашний,
И в нем сгорит, как в самый первый раз,
Мечта о Вавилонской башне,
Смешение племен и рас.

* * *

Когда рассвет – сквозь ставни – тощий
Перебежит трамвайный путь,
Встаешь, и ласков мир на ощупь,
Но глубже страшно заглянуть.

* * *

И в этой обожженной глине
Не только добрый, гулкий звук
И таянье и пенье линий,
А след несглаженный от рук.

Шероховатый, в меру зыбкий,
На грубой кладке и у той
Музейной недотроги скрипки –
Неприкасаемой святой.

* * *

Вот так идешь сам по себе,
И удивительные тропы
На ум приходят по тропе
И все к стиху, к стиху торопят.

Но медли суетной рукой
Коснуться лиры, словно дара,
И мало собственного жара.
Необходим и жар чужой.

* * *

Пока я в суть прекрасную вникал
И сердце билось учащенно –
Уже рукой водила упрощенность,
Скрипя тупым пером ученика.

Эпитеты случайные легли –
Казалось, безобидно и покорно,
Но где-то, где-то дерева голы
И неживые путаются корни.

Есть связь бессвязная, и лес поник,
Мне кажется, не по своей причине,
Он оживет, когда перо очинят
И обмакнут в единственный родник.

НОВЫЙ ГОД

С утра к тебе отыскивал стезю.
На галереях путанные двери.
Глядит – индюшек траурные перья
Лежат в эмалированном тазу.

И внове все. Надолго. До поры,
До времени. Он к ясности туманной
Спешит расти и забывать в карманах
Добытые орехи для игры.

Уже осмыслен пешек грозный строй,
Расставленный на клеточках блестящих.
Так что же их рассеянной рукой
Громоподобно осыпает в ящик?

Что лбу дарует холодок стекла?
Летят ночные тени или кони.
Туда, к тебе, на лампы светлый конус,
От всех столов на краешек стола.

* * *

Это главное, не главное.
И дано, и не дано.
Это вдруг уходит в давнее
В даль раскрытое окно.

Это Блок и быт Италии
В час скрещения ночной.
Это музыки реалии –
Отвлеченной, неземной.

Это признаки осенние
В самый летний, летний зной.
Воскресенье. Воскресение...
Разве просто – выходной?

* * *

Спор «Поэта и Толпы» –
Спор, затеянный однажды, –
Не решен. Колышет лбы
Пламя свеч. Стоят и жаждут.
Жаждут – требуют судьбы.

Зря себя не береги:
Это все равно извечное –
Свечи в кованых подсвечниках
И чеканные шаги.

А потом стекло музея,
Неприкосновенный след,
Женщина средь ротозеев
И простреленный жилет.

Туфель стоптанных домашних
Не касается нога.
По качанию ромашек
След уходит за снега.

Встать над собственной темой
В чем-то, как бы не всерьез, –
Это-то и, видно, Демон
Творчества. Но дале – сквозь.

Кинофильмы, ленты, гримы,
Слепки слухов и мольбы.

Повторим неповторимый
Спор «Поэта и Толпы»?..

* * *

А где-то тянет по привычке
Перонный жалостливый дым.
Давай сейчас на электричке
В твоё лазорье угодим.
Тут все – твоё. Бери – любое
На память – якорную щель
И рядом море голубое.
Но не кончается туннель...
Что значит неумолчный рокот,
Мурлыканье довольных сфер,
Кто их на землю с неба сверг
И тут наладил ненароком?
Но как строку не завершай,
А все к тебе вернется вскоре
За горьким шепотом: «Прощай»,
Не детское ли: «Здравствуй, море!».

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

1.
Была жара. Витал Фуникулер,
Маня к себе прохладой точки верхней.
Асфальт, углы, дворы и сквозь прорехи
Дворовые – заоблачный шатер.
Как черный ручеек, бежал канат
И исчезал иль усыхал бесследно,
Догнать его, догнать и доконать
Стремился кто-то без успеха в этом.
Бежал канат, и улица видна,
Та улица, но стен еще не видно.

В кабине спотыкались: Мтацминда!
А по-грузински правильно:
Мтацминда.
Внизу Тбилиси колыхал Тифлис.
А женщина с ребенком – из Рязани.
Две фрески и два выхода сплелись
За облаком – сказанием в сказанье.
То был особый чае, когда ты весь
Сосредоточен на одном мгновенье,
Когда в глаза табличка – «точный вес»
Достаточный предлог для вдохновенья.

2.

Неточен точный вес. Дотошен
Старик, но врут его весы,
И лишь гранитные усы
Вернут утерянную точность
Нам в сходстве том, где монумент
Встает, царит в модели дохлой.
Сейчас взмахну мечом Дамокла.
Сумбур, сумбур. Один момент,
Который упускает тип –
Фотограф с древнею треногой...
Как мало нужно, как немного,
Чтоб жалость в сердце породить.
И с этой жалостью, бог весть
Зачем явившейся, не жалкой,
Качнешься на площадке валкой,
Воспринявшей твой точный вес.
Но вверх сквозь заросли, на угли,
Что жгут, но ты не обожжен,
Сквозь вереницу местных жен,
Внимание: нога из туфли!
Являя напоказ изъян,

В частях и в целом тошнотворный,
Во взгляде мужа непритворном
Он словно скальпелем изъят.
Взгляд был и зрячим и незрячим,
И углубленным и пустым,
Он что-то значил и не значил,
Его объект–предмет иль дым?

* * *

Основа бытия проста,
Она не терпит превосходства.
Дай бог, чтоб уровня уродства
В цене достигла красота.
Но дальше, дальше мне б скамью
Садовую, ту, что от быта
Садов и парков за семью
Печатами была б сокрыта.
Мне б в невообразимый ход
Природы, в замкнутое зданье
Ее таинственное – от
Трепета до содроганья.
Ты помнишь тот огромный вал
Морской, закрученный? И что же?
Ведь ветер был тогда ничтожен,
В сравненье с валом слишком мал.
Да, набежавший ветерок
И солнце за минутной тучей
Рождают во сто крат могучей
Движение, чем сам исток.
Я утверждаю, что Река
Во многом словно ниоткуда!
Ведь таяние ледника
Безмерное – поменьше чуда
Текущих непрерывно вод

И зарождения пучины.
А у людей – наоборот:
Сильней, чем следствия, – причины.

1965

ЭПИГРАФ К «ВЕРСТАМ»

«Птицы райские поют
В рай войти нам не дают»

Вот так впервые все сказать. И то
сказать. Пропеть сказать. Куда как просто
сказать. Пропеть. Так утвердить итог,
в нем не нарушить трепета вопроса.

Так вслушайся. Он приглушен не слишком.
Зачем, кому закрыт открытый вход?
Я не войду, я не хочу – и вот
Я слышу голос твой не понаслышке.

«Птицы райские поют
В рай войти нам не дают»

* * *

Счастье....какое оно на вид
В шелк разодето, в юбке ли рваной?
Дышет ли бурей, что всё обновит
Или плещет морскою нирваной?
Взгляд остановит оно на ком?
(Как его удержать смогли б вы?)
Пусть вовеки я с ним не знаком
И без счастья я был счастливым
Высоко, на скалистом плаще,
Даже в крохотной самой части,
Как прекрасное вообще
Горы шли обещанием счастья.

* * *

Озабочены и озадачены.
Никуда уже не уйти.
Истеричками обозначены
наши жизненные пути.
Было в самом ли деле тождество?
Преступление? Сестра и брат.
Только разные имя и отчество.
Плоть от плоти. Ребро от ребра.
Это тлеет давно и гасится
А привычный уют дух –
Обнаруженная разница двух.

* * *

Нам гор хребет служил столом
бокалами рога оленьи
я опускался на колени
К траве прикладывался лбом.
И тост был поднят за улыбку,
И он над облаком парил,
Напоминая в свете зыбком
Ночную тень <...>
И стали связываться дали
иных дорог, ночей и снов.
Так плотно звезды оседали
на изоляторах столбов.

* * *

Мы в близости не полностью едины.
Вот, кажется, все общее. – Так что ж
нам разные рисуются картины?
Мне угол улицы и теплый дождь.

Тогда в ту ночь я миновал тот угол
не потому, что под дождем промок.
Несбывшегося молот в уши ухал.
Но ты ждала. Я не спешить не мог.

А ты хранишь на памяти иное,
Неведомый мне завиток теней
и он рукой отрезанною ноет.
Нам жизни мало не по сумме дней.
Иначе быть должно. Один – ему не к спеху –
Он с поезда сошел, а он – второй – уехал.

* * *

Так преступник сужает круги...
Здесь ударом по зыбкому гонгу
Каждый камень кричит «убеги!»,
А потом «возвратись!» вдогонку

Имена... Даже их заменить
И помыслить нельзя в рассказах
Там где был,
 где сюжетная нить —
Нерв натянутый до отказа.

Убежишь, —
но сквозь горы промчась
Станешь темным пятном на цели.
Что такое рассказ? Это час.
Час один,
но из жизни целой.

* * *

Сюжет в сонете? – Это не сонет.
Сюжет – в рассказах Генри, в своре улиц
с финалом неожиданным, как снег,
на голову нагрянувший в июле.

Иной сонетом правит механизм,
крутые отвергая повороты.
В век скорости сонет отправлен вниз
в этаж подвальный обветшалой моды.

Но я скажу в сонете про любовь,
к тебе так не по юному прилежной,
о тишине касающихся лбов,

о поцелуях исступленно нежных,
о том, что я люблю и потому все чаще
надеюсь на любовь, что будет настоящей.

* * *

Вот Гулливер у собственных дверей,
но снова бы простился и уехал.
В объятиях жены и дочерей
Он душный запах ощутил иеху.

Желчь и тоска в собраниях взрослых книг.
У бога складно только кони вышли.
За тридевять земель страна гуингм
и кони тут послушно тянут дышло.

Их путь далек и ноша нелегка,
но как помочь им, если сам опутан
и тяжело вздыхает великан
и кажется ему, что лилипут он....

А все же насолил и королю и пэрам (!)
Ну что ж, пусть детским станет Гулливером.

* * *

И ветра крúги понемногу
сужаются. Народ снует.
Познавший суету сует,
Экклесиаст приходит к богу.

Всезнающий, он входит сгорбься
в его простой и темный дом.
В познание этом, как и в том –
приумножение лишь скорби

Но это странное заклатье
звучит, как божеский напев.
Что время – вырывать посев
И уклоняться от объятий.

Он в храм идет. Скучают слуги,
оставленные у ворот.
А ветра ветренные крúги
берут в обнимку небосвод.

* * *

Глаза дождя зонтом закрыв,
Казалось, дождя не надо.
Что дождь – досадный перерыв.
Что дождь – надсадная рулада.
И льнут квартирные коты
К печам, коленям, туфлям, шторам.
А за окном не дождь, а – ты
дарящий листьям блеск и шорох.

* * *

Зал ожидания... Что так связало
двух слов разноречивейшую статью?
Разлук не ведая блистает зала,
но вот незванный гость глаголет: Ждать!

И ждут на лавках. Наберись терпенья
и только видеть, видеть научись.
Всему, всему, что за порогом зренья –
дверь наглухо и в темноту ключи...

О, сколько их, куда их только носит!
Замедли шаг и пристально наметь –
неповторимый жест – рука и косы
Гравером так наносятся на медь.

* * *

И каждый-то раз ожиданье тебя
Преображается в самосжиганье...
Будет – не будет? Судьба – не судьба?
Где же вы, спасительные цыгане?

И что ведь мне нужно? –
твой рокот, стихи,
Крохи твоей целомудренной ласки,
Грехи-то, которые и не грехи,
Хотя заповедные и без подсказки.

Но как бы я жил, если б сорок веков
Ты не маячила на горизонте –
От фараонов до большевиков
Вот так? Недорезанным и беспризорным?

Боже ты мой, и Иисусе и Марксе
Не отвергайте с порога мольбу
Сделайте так, чтоб не вычертил Маркес
В сто лет одиночества эту судьбу.

* * *

А есть ли ценности иные, кроме
Тех сторожей, что у окна дрожат?
Я вопрошаю праздничные кроны:
Что сторожат ночные сторожа?

Чем их укрыть самих от похищений?
Костер в ведерке догорит дотла.
Разрушит утро эти светотени.
И к пеплу ночи тянется метла.

* * *

И отблеска бы мне не проворонить.
Как над костром стоят они дрожа.
У лепета выпрашиваю кроны:
Что сторожат ночные сторожа?

Чем уберечь самих от похищений?
Огонь в ведерке догорит до тла,
укроет утро эти светотени
И к пеплу ночи тянется метла.

* * *

В зеркале оглядывает косо —
Скоро ль
Крепость одолеют бреши?
Снова женщина распустит косы
И опять их с шорохом расчесет.
Все же в этом нет бывшего толка,

Что толкал носить хоть в сите воду —
Каждый получает ровно столько
что дадут, а больше - ни на йоту.
Слышен шёпот в комнате едва -
Сущностью любой молитвы в мире:
Боже, сделай так, чтоб дважды два
Не было

на этот раз
четыре.

БАТУМИ

И за буйно зелеными клумбами,
за кирпичной стеной по утрам
с редкой прядью дымка на ветру
теплоходы с картонными трубами
неподвижно белеют в порту.

У бульдогов та складка магнолии...
А вчера еще тонкой свечой
незажжённую — с ветки любой
все хотела светить в то окно или
пасть на бульвар скорлупой.

И забытое детство не мешкает.
Тут в кофейне путем окружным
с неба, к морю, потоком речным
с пожелтелой бамбуковой вешалки
полотенцем полощет ручным.

Над случайною всей совокупностью
наблюдений, пристрастий, примет
повседневный выльется (?) свет.
И еще... были строки о хрупкости.
Были, будут... В них хрупкости нет.

* * *

Пусть легкомыслие и чувство долга,
Пусть мудрость высшая и плоские азы,
Пусть с неуютным, что угодно... Только
Разъединяю время и часы.

И так что все деления по краю
Не обозначат миг пока живу...
Часы с потертым ремешком швыряю,
Швыряю их в высокую траву.

* * *

А ты взволнованный и нежный.
Всё девушки тебя влекут.
И поцелуев опыт прежний
воспоминанием у губ...
Ты всем им верный и неверный,
Ты миром внешним взят в полон.
Где в каждом камне торс Венеры,
в коряге каждой Аполлон.

* * *

И словно той слезы не замечая,
уходишь сигарету погасив,
хоть три часа до первого трамвая.
и не найти попутного такси.

Так очертания теряют даты.
Есть лишь одно движение – уйти.
Уйти, уйти, как уходил когда-то.
Все позабыть и растерять в пути.

Прошедшее с грядущим разминутись.
и не найдут друг друга в эту ночь

На перекрестках мертво спящих улиц
ты им не постарайся помочь.

А город кружит, кружит по спирали,
не признавая линии прямой.
Зачем нам поздно двери отпирали?
Но не ответит старый город мой.

Он подтолкнет: Влетай вот в эту область,
Как в облако. Под фонарем привстань. –
Идет король – голубоватый отблеск
С вассалов верных собирая дань.

Ну как себя не ограждай упорно –
слеза существовала и пора
Настала. Зла рассеянные зерна
Пошевелились в теплоте добра.

* * *

В порту закат сегодня не вчерашний,
но в нем горит, как в первый раз
мечта о Вавилонской башне,
смешение племен и рас.
А корабли томятся на приколе
и нестерпима синева теней.
И в кабинете, как пустыня голом
наручники ржавеют на стене.
Не потому, что этот мир с прискорбным
лицом своим уже не правит суд,
а потому, что существует Скоби,
он на посту и в этом дела суть.
На дневнике скупом ни капли крови
он ловко все зашифровал и скрыл.
Откуда ж этот стук по скатам кровли
и взмах тревожный утомленных крыл.

СТИХИ О ТБИЛИСИ

1.

Предательский фонарь на перекрестке,
А от него совсем недалеко
В траве сожженной, путаной и жесткой,
Бессонно реют сонмы светляков.

И наши тени на скале застыли.
Прислушайся. Не музыка, не стих
И не цветы, что вдруг заговорили, –
А только гул истории затих.

2. ЧЬЕ-ТО ДЕТСТВО

День стирки. Мылят и полощут
Белье на улице Камо...
Тут проживала тетя Лошадь,
Стоял незыблемо Комод.

Была война, и мама шила.
Двух репродукций дух витал...
Там, где белы теперь белила,
С вождем не спорил Левитан.

3.

Путь цыган лежит через «Самайю» –
Через самый летний ресторан.
Ничего в путях не понимая,
Поднимаю за пути стакан.

Ты, цыганка, из какого века,
Чьи упрямо бережешь черты?
Хоть и бродит до сих пор Алеко,
Не похожа на Земфиру ты.

Ты могла бы заплатить по счету –
Все расчеты для тебя легки,
Но Верховное, должно быть, что-то
Предрешило кланчить пятаки.

Разве помнишь отсвет той отчизны –
Блок, вино, отдельный кабинет?
Ты идешь по спуску Элбакидзе
«Синька-лила», «Лезвие «Жилет!»

Я гляжу тебе печально вслед,
У печали легкий привкус киндзы.

4.

Вот мост рассчитанный на глаз,
но каждой скрепою забитой
хранящей прочности запас,
или, верней сказать, избыток.

Два берега соединив
и чуждый транспорта и клади,
пугнет волну в своей тени
и движется на воду глядя.

5. ВОКЗАЛ

Нас отсюда оторвет не поезд
Навсегда... Но через горы лет
также пусть расстегивает пояс
тот муша, спускаясь в туалет.

6.

Закат, закат оранжевого цвета
Все забредал куда-то не туда.

Вот ржавая железная труба,
Чья песенка в печи навеки спета.

Теперь ей хорошо лежать в саду,
От непорядка зимнего вкушая.
И маленькая самая, большая
Тень от нее не привлечет беду.

7.

Это край ко мне ночью стучится,
облаченный в леса гранит.
Там со мной ничего не случится,
он меня от всего охранит.

Дни мои побегут вдоль мельниц,
тенью птицы по склону мелькнут.
Я люблю тебя, беспредельность,
в мимолетной оправе минут.

«Восторг души первоначальный»

(А. Блок)

* * *

Мы к яблоне тянулись белой
Средь звездной августовской тьмы.
Но, руки вскинув, оробели –
В картину вписывались мы.

Незримые тянулись нити
И – петлею вокруг колен.
Быть может, на своем Таити
Нас предугадывал Гоген.

АТЕНИ

А тут ущелье – снег не снежный –
Цветеньем персиков течет.
И опыт поцелуев прежний,
Как и тогда, – уже не в счет.

И ты неверный или верный –
Ты вешним миром взят в полон,
Где в каждом камне – торс Венеры.
В коряге каждой – Аполлон.

* * *

Вот так предвосхищать возможность
И не уйти в тот свет и тьму,
Как легким взмахом легких ножниц,
Перерезающим тесьму.

И, распадаясь на две части,
Уже не связана она.
И, может, в этом-то и счастье
Так пить – и никогда до дна.

Так никогда до дна, как горе,
Как звездопад, как водоем.
Так в небо ствол и в землю корни,
Чтоб никогда не быть вдвоем.

И сохранять смешную верность
Повсюду, где ни ступим мы.
Пока не втянемся в поверхность
Без высоты и глубины.

* * *

А нелюбовь моя вещает —
Ей вдруг беда любви ясна.
Бессонницей так освещают
Таинственную сущность сна.

Еще свободен и с любою
Зло различаю от добра.
Еще я не задет любовью,
Но белый локоть у ребра...

* * *

Я колдовал над лугом, и проплыли,
Как диски солнца, капельки росы.
И совершилось чудо. Без усилий
Разъединил я время и часы.

И вот уже деления по краю
Бессмысленны. Во сне и наяву
Часы с потертым ремешком швыряю,
Швыряю их в высокую траву.

СТИХИ О РАЧЕ

1.

Вдруг мельницей окончился лесок.
Я в землю врос, не изменяя позы.
В ромашках утопает колесо,
И синие по белому стрекозы.

Но ты зовешь покинуть этот край,
Все круче по тропинке забирая.
Что ж, может быть, то вовсе был не рай,
А только лишь преддверье рая.

2.

Поток несется темно-бурый,
А был когда-то голубой.
О голубая Сакаура,
Что ты наделала с собой?

Мне не забыть, как в пене звонкой,
В отпрянувшей голубизне
Ты диковатою девчонкой
Явилась на мгновенье мне.

Пусть дождь идет, и небо меркнет,
И ты уходишь сгоряча:
Незримо над Рачою Верхней
Сияет Верхняя Рача.

3.

Жить неуютно в доме-башне:
Блестит в руках у горца лом.
Да, знаю я, что поделом
Бежит отсюда день вчерашний.

Еще он чуточку отстал,
Любуясь давностью святою:
Как гибок в черном крепкий стан
Старухи, шедшей за водою!

Тут будет дом стоять картинный,
Как у соседа Илико.
Жена уедет далеко
И привезет с собой гардины.

Смешно и грустно, ум мой косный
В воображении своем

Не может здесь придумать дом,
Чтоб на виду стоял у сосен.

Ногою камень отодвинут,
Что прежде в своде был замком.
Мне весело наполовину,
А грустно все же целиком.

4.
Был час, когда молчат легенды,
Но горы в горьковатой дымке.
И водопад замолк над бездной,
Остолбенелый, как на снимке.

Над полуночными пирами
Звезда погасла и притихла.
Но что же двинуло горами –
Какая цель, какая прихоть?

5.
Рача осталась за спиною,
так оглянись, еще постой.
Дорога мертвою петлею,
дорога мертвою петлей.

Да, я переживу разлуку,
Но будет час и будет день –
Я вспомню: мул бредет по лугу
И странный расцветает пень.

И вспышки новых озарений
Остановлю и сберегу –
Пылание листвы осенней
На рано выпавшем снегу.

И после вздорной жажды крови
Хозяйки, нас лишившей сна,–
Вдруг щебетание под кровлей
С глотком холодного вина.

* * *

Мне помнится, и я когда-то
В упор с бедою был знаком
И мог бы под своим стихом
Проставить роковую дату.

Сорок восьмой, сорок восьмой –
Душа прогорклая баланды
И недосказанность баллады
Над пересыльною тюрьмой,

Где коридорный истукан
Шагами тишь ночную мерит,
Внезапно вскрикивают двери.
И дата – как пятно на ткань.

* * *

Сон идет. Но вот его граница
В сне самом становится видна:
Этот человек ей только снится,
Это просто человек из сна.

Он веселой синей бездной правит,
Все законы тяжести поправ.
Ничего не знает он о яви,
Надо объяснить ему про явь.

Ты убить, убить меня попробуй,
Пусть кошмар взовьется ножевой
Я воскресну, я проснусь!

Но доброй
Человек мотает головой.

Не понять ему, что значит сниться,
Но и мы не растолкуем сны.
Может быть, у снов еще граница
И с другой какой-то стороны?

И его ждет где-то пробуждение:
Жаркий холод. Ледящий жар.
Громыханье тишины. Скольжение
Одичалых, щупающих фар?

* * *

М. Ц.

Я руки простирал, пустые горсти –
Вплывала всяческая суeta.
Но оставались, оставались версты,
И только версты и одна верста.

Одна верста! К путям неприложима,
Не ею обозначены столбы.
Она одно нашептывала имя
И раскаляла стынувшие лбы.

Одна верста! Казалось бы – химера,
А свет ее доселе не померк.
Одна верста! Бессмертнейшая мера,
Забытая средь эталонов мер.

МЦХЕТА

Воспоминаний дым негорький
Давно уснувшее будил.
Пока старик святой Георгий
Вино из бочки гнал в бутыль.

Он горбился над шлангом длинным,
И влага медленно текла
По чуждой темноте резины
В среду инертную стекла.

Был смысл во всем. И этот голый
Стол предрекал переворот.
Сейчас он явит новой школы,
Как озаренье, натюрморт.

День угасал. Мы все сидели,
Хоть к цели ехали иной.
Прости меня, Светицховели,
Так море чувствуют спиной.

В подвале пело и плескало.
Он весь дымился и вставал,
Чтоб предложить свое лекало ;
Чертить единственный овал.

Но издали роились звуки.
Не исчезайте, я иду,
Бегу, лечу, мои дудуки,
Ду-

ду-
ки,
дуу...

УРОКИ БЛОКА

Светающий кристаллик соли
На отплывающей корме...
Мерещатся мне песни Сольвейг
В изменах царственных Кармен

Той совмещенности доверясь,
Опять замру, чтоб только лишь
Услышать снова черный веер
Сквозь дальний, дальний посвист лыж.

БЕЗ ПОСВЯЩЕНИЯ

1.
Смешно, смешно. Седые мастера
Короткой стрижки и одной гребенки
По капельке из вечного пера
Заимствуют у той девчонки.

Но лица их не дышат добротой
Под маскою отцовской укоризны.
Все снится им, что нет девчонки той,
И цвет из живописи изгнан.

А девочка идет себе. И луг
На улице. Та улица далеко...
Над головой ее неяркий круг.
Тот круг, что некогда у Блока.

2. Елена
Тут ни при чем любое имя,
Ты – символ, ты – похищена.

И потому для глаз незримо
Идет Троянская война.

3.
Как эта птица неуклюжа
И все-таки она летит...
И нас внезапно леденит
Какой-то первобытный ужас.

За стойкой аэровокзала
Мы отвлекаемся вином.
Но в измерении ином:
А что еще она сказала?

Да, что сказала ты, пока
В явь обращалась та утрата
От кассы к выгнутым бокам
Моторизованного трапа?

Там, в том пространстве тишины,
Лишь голос твой сквозь дыма клубы.
Глаза твои, как два Колумба,
К открытиям присуждены.

И ты сказала: этот круг
Впервые горизонтом назван.
Какой почет нам в нем оказан –
Тут, в центре, нежный выдох, – друг.

Да будет пафос этот свят,
Мы на него имеем право.
Тут, как травы доверье к травам,
Его не смоем дождь и град.

И разве расстаемся мы?
Приникнув к окнам, дали тают.
За те горбатые холмы,
За горизонт не улетают.

4.
Оцепенело фрески ждут;
На стенах желтые хитоны.
И распростерты ладони
К тому дождю, к тому дождю.

Как вестник первой капли голой,
Листву сухую нагоня,
Скакал по дальним долам Голос
И гнал коня, и гнал коня.

* * *

На крытом рынке долгий звукоряд.
Чесночный запах, теплый лепет камня,
А эти ждут, молчат, не говорят,
Опавшими торгуют лепестками.

Им скоротать бы время в разговорах.
Над ними тени пляшут, как кинто.
Тот розовый колышащийся ворох
На вес еще не покупал никто.

А время где-то там, с горы крутой –
Два конуса, приникших остриями,
В проходе узком – белой барантой
Течет себе песочными часами.

* * *

Когда рассвет – сквозь ставни – тощий
Перебежит трамвайный путь,
Встаешь, и ласков мир на ощупь,
Но глубже страшно заглянуть.

* * *

Шар земной и Хлебников бездомный,
Без него – бездомный шар земной.
Есть кому и некому напомнить
Эту связь бессвязности самой.

ИЗ «ПШАВСКИХ СТИХОВ»

1.
Это шарики красной эмали
И янтарные капли смолы.
Это дикие сливы ткемали
Так наивно глядят со скалы.

Только как у обрыва не ахай –
Невозможно всего описать.
Я хочу, миновав Барисахо,
В Шуапхо по тебе заскучать.

Я хочу только малости малой –
Для тебя в необъятном окрест
Сотворить тот единственный жест –
Протянуть на ладони ткемали.

2.
Лежит рюкзак, отягощавший плечи.
В густой траве безжизнен он и нем,
Но на него усевшийся кузнечик
Себя собою изваял зачем?

Да, этот путь, как полновесный рог.
Шаг и глоток – похожи, непохожи.
И к быстроте ведет на бездорожье
Медлительная логика дорог.

В ней нечто непостижное уму:
От Пшавии – единственной на свете –
Не уходить и, вопреки всему,
Вдруг опуститься ночью на Кахети...

Тут на вопросы о пути подарят
Невнятный жест, как знаки на коре.
Не пастухи ведут свои отары,
А их гора передает горе.

Тут купола, похожие на шлем,
А самый храм – вооруженный всадник.
Но почему сегодня надо всем
Кричат ослы тревожно и надсадно?

О чем тот крик томительно-прощальный,
Что затаила живопись жилья?
И как связать с основой бытия
Восторг души первоначальный?

ИЗ ПОЭМЫ «МОЛЕНИЕ О ЛУЖАЙКЕ»

1
Взамен приправ – щепотка рельс –
И загудит котел кипящий.
Мелькнут оранжевые чащи,
Припомнится далекий рейс.

И в колдовском всплывут наваре
Пшаветия или Рача,
Где нами сложенный очаг
Вдруг показался схожим с Джвари.

.....
Шьют воздух синие стрекозы.
И мельницы глубокий всплеск.
Чего же более? Но козырь
Еще приберегает лес.

Там ночью служат: пень столом,
Бокалами – рога оленьи.
Я опускаюсь на колени.
К траве прикладываюсь лбом.

И тосты в облаке парят,
И не мерещится в бескрайнем
Первоисточнике – пора
Моления о лужайке тайной...

Вот марсианский аппарат,
Мерцающий луженой медью.
Пока к звезде летать он медлит –
В сосуды водку капать рад.

И стадо важное звенит,
Идет, звенит колоколами.
Невидимый над головами
Обозначается зенит.

Зенит, прощай! Покинем гордо
Твой полдень, длящийся века.
Нетвердые, мы верим твердо
Стараниям грузовика.

Земля в союзе с колесом,
Хоть в миллиметре держит пропасть
Вращается бездумно лопасть
На притяжении одном.

Лишь в синеве воздушный змей,
Преодолев земные меры,
Свой вес и прочие химеры –
В зенит взмывает без затей.
А и тряске.
Новый ритм и бред
И присказка секретная:
Садово-Каретная,
Садово-Каретная –
Ни садов тебе,
Ни карет.

Но это очень далеко,
Так далеко, что даже совесть
На сделку с вымыслом влекло –
В одной другую видеть повесть.

Ужель сама с собой не споря,
Сотрет с лица земли гранит,
Даст самый синий образ моря,
Но девушку не сохранит?

Языческое пляшет пламя
Под аппаратом у реки.
Зачем неистовствует память,
Воспоминанью вопреки?

Моя вина... Что ж мимо, мимо.
И губы не произнесут

Далекое простое имя.
И чача капает в сосуд.
2
Во всех деталях ясен план.
Но для стиха – план хуже плена,
Не забежит пугливо лань:
Ей нужно место отступленья.

Ну так отступим в день иной,
Тем более, что он лукавит:
Того гляди и не оставит
Заметы в книжке записной.

Позируя то тем, то этим
И предвкушая позитив,
Он ставит крупным планом сети,
На солнце их позолотив.

Ты в кадре том совсем раскис,
И неизвестно, что там дальше.
Проходит вечность – шлифовальщик
Камней и раковин морских.

И рыбы, рыбы плавниками
Плетеные корзины трут.
Но не торгуйся с рыбаками.
Неоценим бесценный труд.

Чуть дальше: очередь, буфет,
Пустые о портвейне бредни,
Как в Новгороде, как в Уфе...
Вдруг за стеклом бутылка бренди!

Ужель то самое?! На дамбе
Вкусим его и покорим.

По-го-во-рим о Мандельштаме,
Поговорим и погорим.

Все так же ли Орланд неистов?
А скат шинели тех годов?
Что ж, серая, и я готов...
Привет «кузнечик мускулистый»!

О, эти рулады простые...
А как далеко нам до них,
Ведь только одни запятые
Помогут проникнуть в тайник.

И скудное наше призванье
Хлопочет в мучительных снах:
Хотя бы один препинанья
Такой же божественный знак!

.....
А солнце падает шаром,
Как далеко уходит утро!
Уходит шелковым шатром,
Качается на волнах юрта,

И, каплей огненною канув,
Туда, за горизонт, на дно –
Пошлет к поверхности стаканов
Луны туманное пятно.

И треск транзисторный – костров,
Казнящих слух, – все дальше, тише.
Потух буфет. Шоссе не дышит.
Промчались духи катастроф...

.....

А в дне другом – то хрип, то стон –
Бог музыки вершит вендетту:
По всем кустам волочит ленту.
И жрет ее магнитофон.

Воинственный затеяв пляс,
Пугая бодростью и мощью,
Бог вне себя – младую рощу
Пятью динамиками тряс.

Он затаенно жаждал: «Пусть
Один лишь слабый жест протеста –
И ливнем благостным оркестра
Омою тотчас каждый куст!»

Но бунтаря не обнаружив,
Одну пластинку вертит бог
оскверняет свой чертог
Самоубийственным оружием...

Карниз, кивок, каприз, балкон –
Все это далеко, в Тбилиси,
Где средь скамей на самой выси
Скамейки не находит он.

Что ж, улетай, взмахнув плащом.
Лети, но нет и нет прощенья...
Пусть трижды перевоплощен
Ты чудом перевоплощенья –

Все та же быль во всем видна,
Нет лишь слезы – чужой, горячей:
Машина времени горячим
На весь отрезок снабжена...

Замри, хранительный инстинкт,
Изведай прибыльную убыль.
Возвышенно поет тростник,
И шепчут шепчущие губы:

Самим собой – не будь, не будь,
Сверни житейские хоругви –
Рассеянным и близоруким
Переходи трамвайный путь.

З
Взамен приправ – щепотка рельс
И дымной дали дымный пояс.
И старый кахетинский поезд
Уйдет в осенний пьяный рейс.

О, только так и нужно ехать,
Когда минувшее – маршрут.
Я, вопрошая, ворошу
Давно умолкнувшее эхо.

Оно в покинутых депо
Тоскует, но тоску не гасит,
Лелеет ржавые каркасы
И помнит сквозняков тепло.

Рукой прозрачной тронет грозди,
Висящие на палке в ряд,
Соединяя виноград,
Свисток кондуктора и звезды.

И что-то тянется по полю,
Огнями встречными манит,
Притягивая, как магнит,
Свой противоположный полюс.

Ты тут, далекая, седая,
Покоишься вне берегов,
И крупно звезды оседают
На изоляторах столбов.

Свеча. Наплывы темноты
Бегут по бурдюкам на полках.
Овеществление пустоты.
О только тут и так и только –

Пока на всех своих парах
Состав плетущийся не станет.
Тьма. Полустанок и Пора
Не мифов ли о мирозданьи?

Но где же я? Еще так рано.
Ты на лужайке. Ты пришит
Воздушно к воздуху. Охранно
Растет покрытый мхом самшит.

Уединенье в сто обхватов
И треск трескучих хворостин.
Откуда запах горьковатый?
Так мог бы пахнуть керосин.

Ужель Команда Огневая
Бредбериевщины фантом?!
Нет, это маме наливает
Наш керосинщик в Наш бидон.

Как он забрел в эпоху газа,
Усовершенствованных плит?
С тех пор не слышал я ни разу,
Как примус воет и палит.

Мир довоенный, мир покойный.
Отец и мать... Но погоди,
Зачем тут вынырнул конвойный
И Вóлогдою окатил?

Так головой своей повинной
Вступаю под зеленый свод,
Предвосхищая хоровод,
Как в фильме «Восемь с половиной».

ИЗ МОРИСА ПОЦХИШВИЛИ (1930–1993)

* * *

Последнее стихотворенье
Свое – никому нарасхват!
Так пулю, попав в окруженье,
Себе оставляет солдат.

И я называюсь солдатом
И не покоряюсь врагу.
Последняя пуля – стаккато,
Ее для себя берегу.

И солнце мое – песнопенье,
Во тьму переходит, любя.
Последнее стихотворенье –
Последняя пуля – в себя.

Авторы альманаха «Кастрюля и Звезда, или Амфора нового смысла»

Кедров Константи́н Алекса́ндрович (при рождении – Бердичёвский; родился 12 ноября 1942, в Рыбинске) – советский и российский поэт, доктор философских наук, философ и литературный критик, автор термина метаметафора (1984) и философской теории метакода. Создатель литературной группы и автор аббревиатуры ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) (1984). Член Союза писателей СССР (1989). Член исполкома Российского ПЕН-клуба. Член Международного союза дворян (по линии рода Челищевых – свидетельство № 98 13.11.08). Главный редактор международного «Журнала ПОэтов». Лауреат международной южнокорейской премии Манхэ 2013, международной премии и серебряной медали Давида Бурлюка, международной премии поэта и философа Григория Сковороды. Автор сборников «Компьютер любви» с послесловием Андрея Вознесенского: «Константина Кедрова смело можно назвать Иоанном Крестителем новой метаметафорической волны в поэзии», «ИЛИ», «Дирижер тишины», «Говорящие звезды», монографии «Поэтический космос», книг «Инсайдаут», «Метаметафора», «Метакод», «Философия литературы».

Кацюба Елэ́на Алекса́ндровна (р. 24 января 1946) – русский поэт, член Союза Писателей, член ПЕН-клуба, одна из основательниц группы ДООС во главе с Константином Кедровым. Окончила отделение журналистики Казанского университета. По инициативе Юнны Мориц и Андрея Вознесенского была принята в Союз Писателей с рекомендацией Генриха Сапгира на первом общем собрании после распада СССР. С 1998 по 2003 г. она была телеви-

онным обозревателем в газете «Новые известия», с 2003 по март 2005 вела еженедельную колонку «Книжная полка» в газете «Русский курьер». Е. Кацюба – ответственный секретарь и арт-дизайнер «Журнала ПОэтов», создатель двух первых в России и в мире палиндромических словарей (медаль им. Б.Гринченко – последователя В.Даля – на фестивале «Славянские традиции»), автор поэтических книг: «Красивые всегда правы», «Игр рай», «Глядящие на пламя». Участница многих международных поэтических фестивалей, лауреат Международной премии и серебряной медали Давида Бурлюка, «Другие», 6-го Волошинского фестиваля, интернет-журнала «Окно» (Ирландия). «Если бы Хлебников жил сегодня, он писал бы, как Елена Кацюба», – сказал Андрей Вознесенский на сцене Таганки, где поэты праздновали в 2000 году Первый Всемирный день поэзии ЮНЕСКО.

Ерёмин Николай Николаевич появился на свет Божий 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991г. Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах Новые поэтические книги: «Идея фикс», «Лунная ночь», «Поэт в законе», «Гусляр», «О тебе и обо мне», «На склоне лет», «Тайны творчества», «Бубен шамана», «От и до», «Кто виноват?», «Владыка слов», «Гора любви», «В сторону вечности», «Папа русский», «Тень бабочки и мотылька», «Поэзия как волшебство», «Смирительная рубашка», «Подковы для Пегаса», «Сибирский сибарит», «Эхо любви, или Старик без моря» «Доктор поэтических наук», «Игра в дуду и в рус-

скую рулетку», «Поэтическое убежище», «Енисей впадает в Волгу», «Смысл жизни», «Храм на любви» «Муза и Поэт», трёхтомник «Небо в алмазах» изданы уже в XXI веке.

Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты», под грифом которого издал альманахи «Пощёчина общественной безвкусице», «5-й угол 4-го измерения», «ЕБЖ-Если Буду Жив», «Сибирская ссылка».

Он - лауреат премии «Хинган» и «Нефритовый Будда». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А. Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ (Приказ №806-вн от 06.11.2012 подписал В.Р. Мединский). Публиковался в журналах «День и ночь» Марины Саввиных, «Новый Енисейский литератор» Сергея Кузичкина, «Истоки» Сергея Прохорова, «Приокские зори» Алексея Яшина, «Бийский вестник» Виктора Буланичева, «Интеллигент» Сергея Пашкова, «Вертикаль» Валерия Сдобнякова - Нижний Новгород, «Огни Кузбасса» Сергея Донбая, «Доля» Валерия Басырова, «Русский берег» Бориса Черных - Благовещенск, «Вовремя» Владимира Золотухина – Лесосибирск, в альманахе «Дафен» Цу Тяньсуя – город Синьян, на китайском языке, в переводах Хэ Суншаня, во «Флориде» Александра Росина – город Майами, в «Журнале ПОэтов» Константина Кедрова -- Москва, В интернете на порталах «Лексикон» Елены Николаевой - Чикаго, «Подлинник» Виктора Сундеева, «45я параллель» Сергея Сутулова-Катеринича», «Русское литературное эхо» - Иерусалим, «Стихи. Ру, Проза. Ру» Живёт в Красноярске. Т.: 8 950 401 301 7.

E-mail nikolaier@mail.ru

Монахов Владимир Васильевич родился 1 мая 1955 года в городе Изюм Харьковской области Украинской ССР В 1972 году, после школы, работал в районной газете.

Служил в армии (Башкирия, Забайкалье). В 1977 году поступил, а в 1983 году заочно окончил Иркутский государственный университет (факультет журналистики). Работал собственным корреспондентом областной газеты «Восточно-Сибирская правда» в Братске (с 1982 по 2002 год), главным редактором программы новостей в ТРК «МЫ» (г. Братск) – до 2004 года, возглавлял пресс-службу частных компаний. Работает главным редактором сайта «Братск.орг». Автор многих сборников стихов и прозы, в числе которых «Второе пришествие бытия», «Путешественник», «Человек человеку – рифма», «Эпоха снегопада», «Негосударственный человек. Этюды неконструктивной созерцательности», «Заросли бесконечного», «Вымысел правды». Его тексты вошли в антологии "Русский верлибр", "Сквозь тишину. Антология русских хайку, сенрю и трехстиший", "Приют неизвестных поэтов. Дикоросы.", "Антология ПО под редакцией К. Кедрова". "Нестолличная литература", "45 параллель", "Бег времени. Иркутск", «Жанры и строфы современной русской поэзии» под редакцией Е. Степанова, "Лучшие стихи 2011 года" Член редколлегии альманаха «45 параллель» и литературно-философской группы ДООС («Добровольное Общество Охраны Стрекоз» под руководством Константина Кедрова) под ником «Братскозавр».

Русаков Эдуард Иванович - красноярский писатель, журналист. Родился в 1942 году в Красноярске в семье служащих. В 1966 году окончил Красноярский медицинский институт; в 1979 году - Литературный институт имени А.М. Горького (Москва). С 1966 по 1968 - жил и работал в деревне Поймо-Тины врачом-психиатром краевой психиатрической больницы. С 1968 по 1981 - в городской психобольнице. С 1981 - редактором на Красноярской студии документальных фильмов. С 1981 по 1991 - руководи-

телем литературной студии при Красноярском Дворце культуры. С 1991 - корреспондент газет "Евразия", "Вечерний Красноярск". С 1991 по 1994 - работал в администрации Красноярского края. С 1998 - обозреватель газеты "Красноярский рабочий". Печатается как прозаик с 1966г. Автор книг: «Конец сезона». Рассказы. Красноярск, 1979; «Белый медведь». Рассказы и повести. М., 1981; «Театральный бинокль». Рассказы и повести. Красноярск; 1982; «Остров Надежды». Рассказы. Красноярское изд-во, 1986; «Очередь за счастьем». Рассказы, повести. Красноярское изд-во, 1990; «Стеклянные ступени». Повести. М., "Современник", 1991; «Дева Маруся». Повести и рассказы. Красноярск, 1995; «Ряд волшебных изменений». Рассказы. Красноярск, "Платина", 1999. Печатает прозу в журналах "Знамя", "Юность", "День и ночь". Произведения переводились на азербайджанский, болгарский (1985), венгерский (1986), казахский, немецкий, словенский, финский, французский и японский языки. Член Союза российских писателей.

Член международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, сибирский филиал).

Член Экспертного совета благотворительного общественного фонда им. В.П. Астафьева. Живет в Красноярске. Семейное положение: женат, двое детей.

Марсов Илья Владимирович родился 9 апреля 1975 года в городе Красноярске, где вырос и получил образование. Женат, имеет двух дочерей. Работал во многих сферах. До 15-ти лет мечтал стать футболистом. Но судьба сделала зигзаг в сторону поэзии из-за любви к русскому року. Примером были песни Виктора Цоя. Образовал рок-группу, но безденежье помешало её развитию. Из интервью: - Мой духовный учитель - Александр Башлачёв.

Считаю его лучшим и великим бардом и поэтом 20 века, он сильно приблизился к идеалу творчества

В нужное время, обратившись к поэтам современности Николаю Ерёмину и Роману Солнцеву, получил моральную поддержку и веру в себя. Глубоко интересуюсь истоками своего народа, ищу эти корни в разных источниках. Иду путём постепенного уплотнения и усложнения смысла в стихе. Стремлюсь максимально точно и близко отразить и сделать свой коллаж внешней и внутренней жизни человека. Считаю, что поэт - это совесть народа, поэтому он должен отражать всю правду»

Аль Маргарита (Альмухаметова Маргарита Викторовна) – российская поэтесса, издатель, общественный деятель. Родилась 7 октября 1959 г. в Алма-Ате^[1]. После распада СССР переехала в Москву. Окончила Московскую академию образования Натальи Нестеровой^[2]. В 2005 году окончила Академию поэзии и философии^[3]. С 2004 по 2014 годы была автором перформансов «Кубошар»^[4] и «Круче Кручёных» в Государственном музее В. В. Маяковского. Лауреат. Международной премии и Серебряной медали «Отметина отца русского футуризма Давида Бурлюка» С 2014 года - издатель Журнала Поэтов ДООС и журнала ЛиФФт. С 2015 года – автор и руководитель Всероссийско-Евразийского Литературного Фестиваля Фестивалей ЛиФФт. С 2016 года – член международного ПЕН-клуба. С 2017 года - председатель Союза Писателей и Читателей СПИЧ.

Полуян Павел Вадимович родился в 1958 году в Красноярске. Здесь же учился и работал. Сейчас преподаватель Сибирского федерального университета, кандидат философских наук. Автор научно-популярных книг и научных монографий. Женат. Есть дети, внук. Павел Полуян

имеет аккаунты в разных социальных сетях. Ему можно написать по e-mail: poluyan@fromru.com

Сутулов-Катеринич Сергей Владимирович Родился 10 мая 1952 года в Северном Казахстане. Живёт и работает на Северном Кавказе. Поэт, главный редактор Международного поэтического интернет-альманаха 45parallel.net // «45-я параллель». Вторую часть фамилии взял в память о матери. Член Русского ПЕН-центра, Союза российских писателей, Южнорусского союза писателей и Союза журналистов России. Окончил филологическое отделение Ставропольского государственного педагогического института и сценарное отделение Всесоюзного государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова Стихи Сергея С-К включены в антологии «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов», «Свойства страсти. Русские поэты XX века», «Русская поэзия XXI века», «45: параллельная реальность», «Талисман», «45: русской рифмы победный калибр», «Белая акация», «5-й угол 4-го измерения» Ввёл в литературный оборот термин «поэллада» (от слов «поэма» и «баллада»). Автор девяти книг стихов, включая «Дождь в январе», «Азбука Морзе», «Русский рефрен», «Ореховка. До востребования», двухтомник «Ангел-подранок» Лауреат премий, конкурсов, фестивалей: «Золотое перо Руси» (Москва), «Серебряный стрелец» (Лос-Анджелес), «Редкая птица» (Днепропетровск), «Эмигрантская лира» (Брюссель), имени Петра Вегина (Лос-Анджелес), Константина Бальмонта (Мельбурн), Германа Лопатина (Ставрополь) и др. Лауреат в номинации «Поэт-подвижник Русского Безрубежья» (Филадельфия). Награждён медалью ордена Святой Анны и орденом Святого Станислава Российского Императорского дома (Мадрид) – за заслуги перед российской культурой.

Цыбулевский Александр Семёнович - Русский поэт, прозаик и литературовед, родился в 1928 году в Ростове, умер в 1975 году в Тбилиси. В 1930 году семья переехала в Тбилиси, где Цыбулевский окончил среднюю школу. В 1947 году он поступил на филфак Тбилисского университета, но уже в 1948 году был арестован и приговорен к десяти годам заключения в лагерях за «недонесение» на студенческую подпольную организацию «Молодая Грузия». В 1956 г. был освобожден, в 1957 г. реабилитирован. В 1959 г. окончил Тбилисский университет. В 1961–75 гг. заведовал фотограмметрической лабораторией Института востоковедения АН Грузии. Увлекался фотоискусством – в Тбилиси состоялись две выставки его фоторабот. В 1964 г. первая подборка его стихотворений была опубликована в «Литературной газете». В 1967 г. в Тбилиси был издан поэтический сборник «Что сторожат ночные сторожа» (редактор Е. Евтушенко, вступительная статья С. Чиковани). Стихи и проза Цыбулевского публиковались в альманахе «Дом под чинарами» (Тбилиси, 1969, 1970, 1972, 1974, 1975). В 1973 г. в Тбилиси вышла главная книга Цыбулевского - сборник стихов и прозы «Владелец шарманки».

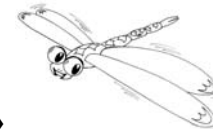
МИРАЖИСТЫ

Содержание

Константин КЕДРОВ	3
Елена КАЦЮБА	38
Николай ЕРЁМИН	60
Владимир МОНАХОВ	112
Эдуард РУСАКОВ	140
Илья МАРСОВ	153
Маргарита АЛЬ	187
Павел ПОЛУЯН	196
Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ	206
Александр ЦЫБУЛЕВСКИЙ	218

.....

«ДООС»

Подписано в печать 1.09.2017. Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ 09-106
Отпечатано в типографии «Литера-принт»
Телефон 2 950 340

